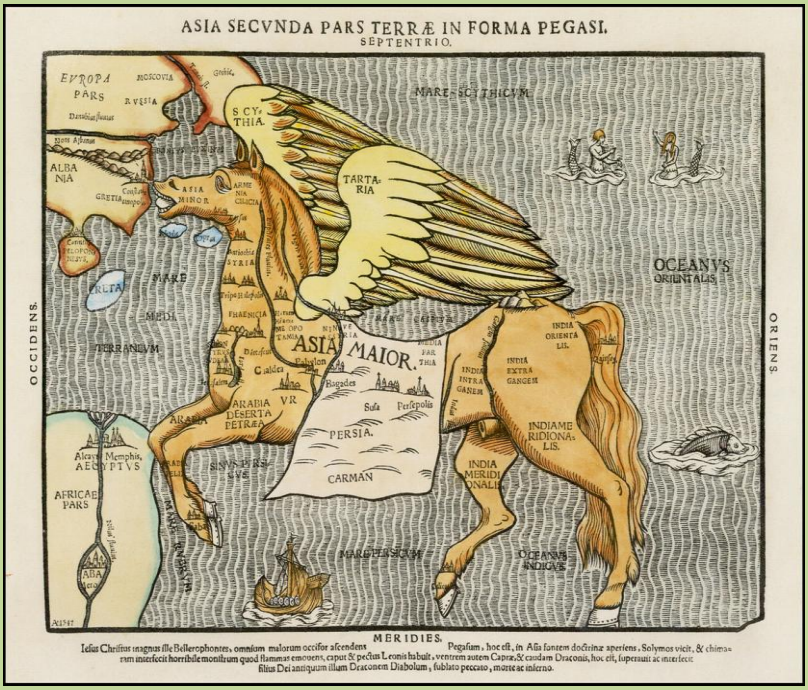
ВООБРАЖАЕМЫЕ КАРТОГРАФИИ

КАРТА
И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ



ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ВООБРАЖАЕМЫЕ КАРТОГРАФИИ

КАРТА И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

МОСКВА, 8–9 ДЕКАБРЯ 2022 ГОДА

МОСКВА 2022

ББК 26.17
УДК 91

В73 Воображаемые картографии: Карта и географическое воображение в истории и культуре. Материалы междисциплинарной научной конференции (Москва, 8–9 декабря 2022 г.) / Под ред. Д.Н. Замятина и И.Г. Коноваловой. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2022. — 186 с.

В сборнике помещены материалы междисциплинарной научной конференции «Воображаемые картографии: Карта и географическое воображение в истории и культуре» (Москва, 8–9 декабря 2022 г.). В представленных на конференции докладах в методологическом, теоретическом и прикладном аспектах рассмотрены вопросы, связанные с ролью воображаемых картографий в истории и культуре. Главное внимание уделено проблеме взаимосвязи и взаимодействия карт и географического воображения, генезиса и функций воображаемых картографий.

Научное издание

© Д.Н. Замятин, общая редакция, составление, 2022
© И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Институт всеобщей истории РАН, 2022

ISBN 978-5-94067-540-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

М.В. Беляева
Ментальная карта как один из инструментов формирования познавательного критерия гражданской идентичности **7**

А.В. Бочковская
Конструирование Халистана: Идея и визуальный нарратив 14

Н.В. Веселкова, Н.Б. Граматчикова
Воображаемые пространства индустриального Урала 1930-х годов 26

Т.Н. Джаксон
Географическое пространство «Саги об Одде-Стреле»: формирование ментальной карты 32

Л.С. Жирнова
Ментальное картирование и картографирование в латышских карикатурах: Образы границы и значимых Других 38

Д.Н. Замятин
Картография и географическое воображение: К онтологиям земной планетарности 44

К.В. Иванов
Русский географический чертеж XVII века — работа воображения или отражение реальности? 50

Т.М. Калинина
Народы Гог и Магог на средневековых арабских картах 56

В.Н. Калуцков
Terra Incognita и география воображения 62

М.М. Киктева
Страна маленьких людей на японских географических картах рубежа XVIII–XIX вв.: Сочетание и взаимовлияние буддийской, европейской и традиционной китайской космографии 68

С.А. Козлов
Какую реальность отражает летописный «путь из варяг в греки»? 73

И.Г. Коновалова
Картографический образ мира в средневековой исламской культуре 79

Н.Л. Конюшихина
Королевства в географическом воображении жителей центральной Испании во второй половине XVI века 85

М.А. Курышева
Карта мира в греческой рукописи XVI века 91

А.П. Люсый
Весь мир — картографический театр: Ситуативное картографирование как способ взаимосвязи разных измерений пространства 95

Е.А. Мельникова
Север и северо-запад ойкумены викингов на ментальной карте средневековых исландцев 101

И.И. Митин
Место и безместье в ментальной картографии: На пути к гуманистическим ГИС? 107

Д.Е. Мишин
Абкар, обитель джиннов, в представлениях средневековых арабов 114

М.М. Морозова
Картируя Путешествие в Арзрум: География воображения А.С. Пушкина 119

О.В. Окунева
Представление Бразилии как острова на европейских картах XVI–XVII веков 126

А.В. Подосинов
Графические образы географических объектов в античных текстах — свидетельство реальной или воображаемой картографии? 129

И.Т. Прокофьева
Мать Индия: Новое божество в вербальном и картографическом облике 136

С.Е. Сидорова
Колониальные карты и умозрительные пространства политэкономии: Топографические обследования Ориссы (1763–1828) 142

Е.К. Симонова-Гудзенко
Карта Японии в сочинении Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» 146

Н.А. Смирнов
Искусство симпатической картографии и герметика пространства 152

А.А. Фролов
Место географических координат в ментальной карте Ибн Са‘ида ал-Магриби 156

К.С. Худин
Воображаемые картографии Парижа в романе Э.-М. Ремарка «Триумфальная арка»: Сюжетные и пространственные пересечения 162

Г.В. Шпак
Воображаемые картографии как инструмент моделирования возможного в Англии конца XVI – начала XVII века 166

А.С. Щавелев
Лес в нарративе Киевского летописания XI–XII веков 172

Л.И. Щеголева
«Где-то»: Таврическая губерния как место действия в пьесе М.А. Булгакова «Бег» 178

Сведения об авторах 184

М.В. Беляева

МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО КРИТЕРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В связи с ориентацией современного общества на создание и внедрение инноваций, перед школой актуализирована задача формирования активной, инициативной личности, обладающей выраженной гражданской идентичностью, способной критически и творчески мыслить, созидать новое, брать ответственность за свое будущее. Это обусловило значительное повышение интереса государства и педагогической общественности к проблеме формирования опыта творческой деятельности и опыта эмоционально-ценностного отношения к миру, к деятельности. Инновационность нуждается в поддержке оригинальности, в развитии творческого мышления и способности по-новому взглянуть на проблемы. Общество XXI в. все стремительнее переориентируется с модели «копирую» на модель «осмысляю и созидаю новое».

География как обязательный школьный предмет обладает значительным образовательным потенциалом, играющим существенную роль в обучении, развитии и воспитании подрастающего поколения. Мы полагаем, что применение приема создания ментальной карты по географии на примере изучения страноведческого курса «География материков и океанов» будет способствовать формированию у обучающихся познавательного критерия гражданской идентичности, а именно — его общечеловеческой составляющей. Общечеловеческая составляющая познавательного критерия

гражданской идентичности предполагает, что у обучающихся будут сформированы представления *о многообразии стран мира*, их основных типах, особенностях *их географии и культуры*; представления о памятниках природного и культурного наследия ЮНЕСКО, расположенных на территории стран мира, представления о ключевых экологических проблемах и причинах их возникновения и др.

Прием создания ментальной карты территории, по нашему мнению, во многом связан с картографическим методом исследования. Применение данного метода способствует формированию образа территории, помогает опредмечивать достаточно массивные базы данных о конкретном географическом пространстве, формирует географическое мышление, умение «видеть географическую картину». Н.Н. Баранский говорил, что при создании карты по какой-то теме, даже пробелы в знаниях карта выправит: «Тогда уже наверняка получится география. Карта все выправит!» (Баранский 1990: 163). Это то, что мэтр называл истинной географической характеристикой. Мы полагаем, что задания по созданию карт нового содержания являются ярким примером работы по приобретению и присвоению обучающимися опыта творческой деятельности. Таким образом, применение методов анализа, синтеза, обобщения, поиск и объяснение причинно-следственных связей, системный подход в сочетании с применением картографического подхода традиционно дают наиболее высокие образовательные результаты.

Безусловно, «территориальность» географии, ее «привязка к месту» создают благоприятные условия не только для развития наглядно-образного мышления, но и для формирования общих интеллектуальных умений и навыков, поскольку образ есть порождение мыслительной обработки информации об объекте, выделение его ключевых характеристик, признаков, черт, наиболее значимых и весомых элементов.

По мнению Д.Н. Замятина, *географический образ территории* — это совокупность ярких, характерных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо

реальные пространства (территории, местности, регионы, страны) (Замятин 2003: 21).

Образ — самостоятельный элемент знаний, который является переходным от представления к понятию (Кононова 1997: 58). Под географическим образом территории Г.А. Кононова понимает «адекватное отражение окружающей действительности, возникающее у индивидуума как результат ее восприятия и теоретического осмысления» (Кононова 1997: 58).

Для методики организации восприятия и усвоения географического образа важно понимания этапов его формирования:

1 этап (ассоциативный) — при использовании ассоциативного мышления происходит вызывание образа памяти, ассоциированного с конкретным понятием или эмоциональной компонентой, связанной с этим же понятием, то есть важен чувственный опыт, эмоции.

2 этап (содержательный) — происходит расширение и углубление содержания воссоздающего представления. Для него характерно более осознанное оперирование образами, применение словесно-логических операций и форм (например, выделение существенных и несущественных признаков).

3 этап (обобщающий) — представления воображения, в которых отражены существенные признаки соответствующего понятия, эти характеристики и становятся адекватным географическим образом. При этом обучающиеся осуществляют процессы абстракции на материале (то есть вычленяют существенное, устанавливают пространственные соотношения географического образа) (Кононова 1997: 57–59).

Ю.П. Иванов, рассуждая о том, востребован ли в современной школе в обучении географии рисунок, утверждает, что, согласно данным психологов, «потребность в самовыражении (в том числе и средствами изобразительного творчества) является одной из основных черт личности, особенно потребность в рисовании проявляется у младших подростков» (Иванов 2004: 98).

Опишем пример реализации методического приема «Ментальная карта» на примере темы «Великобритания» (7 класс, курс «География материков и океанов»). Цель реализации приема: формирование опыта творческой деятельности учащихся на основе преобразования, сохранения и презентации информации при создании авторской ментальной карты. Согласно ФГОС, в содержании темы «Великобритания» по географии 7 класса можно выделить ключевые вопросы: 1) общие сведения о стране; 2) ЭГП и столица; 3) рельеф и полезные ископаемые; 4) климат; 5) внутренние воды; 6) почвенно-растительный покров, животный мир; 7) природные зоны; 8) население; 9) хозяйство; 10) памятники природного и культурного наследия ЮНЕСКО.

Нужно отметить, что учащиеся 7 класса впервые знакомились с приемом создания ментальной карты. Для выполнения задания нами был разработан инструктаж и определены критерии оценивания работ учащихся.

Задание по созданию ментальной карты. Давайте представим, что мы художники, что мы должны в одном своем шедевре показать как можно больше географических, культурных особенностей Великобритании. Поэтому нашей рабочей тетрадью будет являться контурная карта страны, в которой вы сможете нарисовать все, что вы узнали сегодня на уроке. Однако помните, что ваша карта должна хорошо читаться, постарайтесь избегать «перегрузки карты», нагромождений условных знаков. Весьма желательно использовать цветные карандаши. Ваша карта будет отражать *уникальность* вашего видения страны, поэтому смело используйте образы-ассоциации, условные знаки, символы, рисунки, которые рождаются в вашем воображении. На карте разрешается подписывать словами только названия географических объектов: моря, океаны, столицу, горы, проливы. Всю остальную информацию о стране Вам предстоит изобразить в виде рисунков-ассоциаций, символов и условных знаков. Итак, на контурной карте Великобритании покажите как можно больше ее географических, культурных особенностей. Используйте прием генерализации и привязки к территории, а также обязательно цветные карандаши. Информацию

о стране Вам предстоит изобразить в виде рисунков-ассоциаций, символов и условных знаков. Старайтесь сделать образ страны ярким, запоминающимся, оригинальным, постарайтесь изобразить самые значимые черты.

Критерии оценивания ментальной карты: 1. Указано название карты (желательно оригинальное), фамилия, имя автора работы. 2. Подписано не менее 10 географических объектов. 3. Использованы рисунки, символы, условные знаки (как традиционные, так и авторские), отражающие природные, культурные особенности Великобритании (не менее 15 символов). 4. Использован цвет. 5. Оригинальность работы, творческий подход.

Во время заполнения ментальной карты учащиеся прослушивали музыку из кинофильма «Шерлок Холмс» для создания комплексного образа страны, кроме этого в ходе изучения нового материала были представлены видеофрагменты «Как Елизавета стала Королевой Великобритании», «Достопримечательности Великобритании», «Кухня британцев». Творчество учащихся в процессе выполнения ментальной карты состояло: в отборе объектов и их изображении с учётом авторских художественных средств в виде условных знаков и символов; в выборе композиции, цветового решения, общих подходов к дизайну карты на основе принципов генерализации информации.

Таким образом, при составлении ментальных карт ученик вынужден проделывать большую мыслительную работу: усваивать информацию, анализировать ее, делать обобщения, выделять главное, существенное. В результате формируются способности пространственного мышления, прочные знания, развиваются умения работы с различными источниками информации.

В конце урока учащиеся представили свои работы. Отметим, что все учащиеся справились с предложенным творческим заданием. Ментальные карты были представлены перед классом с помощью документ-камеры. В конце занятия была представлена эталонная ментальная карта учителя.

С целью научить учащихся осуществлять познавательную рефлексию в отношении действий по решению учебных

и познавательных задач был применен прием взаимооценки. Учащимся были предложены стикеры: «отлично» или «замечательно» соответствовали отметке «5», «хорошо» — «4», «старайся» — «3». Согласно названным критериям, которые были предложены учащимся в виде раздаточного дидактического материала, они должны были оценить работу друг друга. Учащиеся справились с данной работой.

В заключении сделаем несколько выводов.

1. Реализация проекта урока показала, эффективность и целесообразность применения приема создания ментальной карты в школьном страноведческом курсе «Материки и океаны».

2. Применение аудиовизуальных средств является весьма оправданным, так как аудио-, фото- и видеоматериалы помогают создать образ страны, погружают учащихся в атмосферу Великобритании, актуализируют ассоциативный ряд, эмоции, помогают создать яркий, полнозвучный, емкий образ изучаемой страны.

3. Ключевыми преимуществами ментальных карт являются: экономия времени на конспект, концентрация информации, показ важнейших особенностей объекта, визуально чёткие ассоциации и легкость запоминания, усиление культурологической направленности учения, «диалог культур» (анализ и сравнение, с принятыми в России, традиций и обычаев другой страны), наполнение процесса обучения личностным смыслом, актуализация действий смыслообразования, само- и взаимооценивания, междисциплинарный подход, формирование опыта творческой деятельности и опыта эмоционально-ценностного отношения к миру (формирование базовых национальных ценностей на основе сравнения с ценностными ориентирами и культурными нормами другого народа), положительный эмоциональный фон, сопровождающий образовательную деятельность (дух творчества, свободы самовыражения, радость от взаимообогащающего общения и презентации собственного результата).

Думается, прием «Ментальная карта» позволяет на практике реализовать смысловой, ценностный, компетентностный подходы в практике школьного обучении геогра-

фии. Данный прием актуален для современного урока географии. Это определяется его практической значимостью для курсов страноведческой направленности. Новизна применения данного приема связана с его направленностью: на формирование целостного, яркого образа страны, на формирование определённой системы национальных ценностей (сравнение, что у нас, а что у другого народа, то есть поиск и сопоставление особенностей национальных культур в плоскости «Мы-Они»), связана с ориентацией на достижение метапредметных результатов обучения, усиление внимания к процессу формирования универсальных учебных действий.

БИБЛИОГРАФИЯ

Баранский Н.Н. Методика преподавания экономической географии / Изд. подгот. Л.М. Панчешниковой. 2-е изд. М., 1990.

Замятин Д.Н. Географические образы: что это такое? // География в школе. 2003. № 6. С. 21.

Иванов Ю.П. Методика обучения географии. Учебное пособие для студ. пед. вузов. Новокузнецк, 2004.

Кононова Г.А. Пути формирования географического образа // География в школе. 1997. № 6. С. 57–60.

А.В. Бочковская

КОНСТРУИРОВАНИЕ ХАЛИСТАНА

ИДЕЯ И ВИЗУАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ

В 1980 – начале 1990-х годов индийский штат Панджаб, расположенный на северо-западе страны в области Пятиречья, был охвачен необъявленной войной, в ходе которой сикхские экстремисты вели борьбу за создание независимого государства Халистан (букв. «земля чистых»). Пытаясь противодействовать сепаратистам, индийские власти на протяжении долгого времени были не в состоянии решить панджабскую проблему ни политическими, ни военными методами. С октября 1983 по февраль 1992 г. штат находился под президентским правлением в общей сложности в течение 57 месяцев, и лишь после выборов в местное законодательное собрание в 1992 г. жизнь панджабцев стала постепенно входить в мирное русло.

Панджабский кризис случился не «вдруг». Идея государственного образования под названием Сикхистан, где сикхи — религиозное меньшинство в масштабах страны — могли бы стать большинством, возникла в 1930-е годы, а соответствующий топоним появился в марте 1940 года. Такой была реакция части сикхского сообщества на принятие Мусульманской лигой Лахорской резолюции, ознаменовавшей начало массового движения южноазиатских мусульман за создание Пакистана. В 1942–1944 годах на конференциях сикхской партии Акали-дал речь шла о возможности выделения территории под названием Азад-Панджаб / Свободный Панджаб, и в августе 1944 г. в Амритсаре на встрече, где были лидеры всех сикхских партийных групп, один из влиятельных сикхских лидеров Тара Сингх впервые заявил, что «сикхи — отдельная (*separate*) нация» (Singh 2008: 250). 22 марта 1946 г.

Акали-дал приняла резолюцию, связывавшую Панджаб с сикхами (Oberoi 1987: 37). Однако в ходе раздела страны 1947 г. граница между Индией и Пакистаном прошла по территории Пятиречья. Его восточная часть стала пакистанской провинцией, в западная, индийская, куда мигрировали многие сикхи из Пакистана, получила статус штата. Таким образом, после предоставления Индии независимости сикхи не обрели собственной государственности.

В первой половине 1960-х годов индийский Панджаб охватило движение «Панджаби-суба зиндабад!» («Да здравствует панджаби-говорящий штат!»). Призыв к изменению административно-политической карты штата звучал в контексте провозглашенной в 1956 г. реформы по созданию штатов на лингвистической основе. Панджабское движение было в известной степени спровоцировано тем, как проводилась перепись 1961 г.: местные чиновники манипулировали результатами, пытаясь представить неточную лингвистическую картину в штате, и занижали данные по количеству носителей языка панджаби. В итоге под мощным давлением на центральные власти в 1966 г. произошло административное разделение Панджаба и выделение из него хиндиязычной Харианы. В «новом» Панджабе сикхское население оказалось в большинстве: по данным переписи 1971 г. — 8,1 млн человек или 60% населения штата. Но и на этом спокойствия в сикхской среде не наступило.

События в соседнем Пакистане — усиление этнорегионалистских тенденций в 1950–1960-х гг. и борьба его восточной провинции за независимость, завершившаяся образованием Бангладеш в 1971 г., послужили катализатором для развития сепаратистских настроений среди радикально настроенных сикхов. Логика событий начала 1970-х годов — как в Индии, так и за ее пределами — подвела сикхов к потрясениям 1980-х годов. Одним из знаковых событий стала публикация в октябре 1971 г. в газете *The New York Times* прокламации “The Sikhs Demand an Independent State in India”. Как считается, именно с нее начался формальный отсчет истории движения за создание государства Халистан — виртуального конструкта, поначалу не имевшего картографического отображения.

Американский исследователь индийского происхождения Харджот Оберой отмечал, что хотя связь сикхов с Панджабом и Панджаба с сикхами исторически воспринимается как само собой разумеющееся, де-факто «территоризация» сикхизма началась с 1940-х годов; до того он был паниндийским (Oberoi 1987: 37). Так, в частности, из пяти *тахтов* — особо значимых исторических мест, где могут издаваться обязательные для исполнения всеми сикхами указы-*хукмнама,* — два всегда были расположены вне Панджаба: Патна-сахеб в Бихаре и Хузур-сахеб в Махараштре. Сикхи живут практически во всех штатах и крупных городе Индии, в том числе на расположенных далеко от материка Андаманских островах. Таким образом, идею Халистана / Сикхистана можно рассматривать как дальнейшее развитие процесса, определенного Обероем как «конструирование религиозных рамок» (Oberoi 1994: 1–19). В данном случае эти «рамки» обретают свою территорию и границы — как в переносном, так и в прямом смысле.

Исследователи (Fair 2005: 134–137; Tatla 1999 и др.) выделяют два направления или «нарратива», по которым развивалась идея Халистана: внутренний (индийский) и внешний, связанный с диаспорой. Главным источником прохалистанских настроений стала радикально ориентированная часть панджабско-сикхской диаспоры — в основном в США, Канаде и Великобритании — во главе с лидером и основным идеологом сецессионистов Джагджитом Сингхом Чауханом, автором вышеупомянутой прокламации 1971 года. Благодаря его деятельности виртуальный Халистан обрел в 1980-х годах свою «валюту», «марки», «паспорта», а также «посольства» в ряде европейских стран, где проживало большое количество мигрантов из Южной Азии.

Как в самой Индии, так и вне ее сепаратистские тенденции получили мощный импульс после трагических событий 1984 г. — армейской операции «Голубая звезда» в Амритсаре и убийства сикхскими охранниками премьер-министра Индии Индиры Ганди. Последовавшие антисикхские погромы по всей стране окончательно подвели сикхов к мысли о необходимости создания собственного государства.

В 1990-х годах после многолетних сложных переговоров индийских лидеров халистанского движения с центральным правительством ситуация в штате постепенно нормализовалась. Однако это не означает, что идея сикхского государства полностью предана забвению. Апологеты Халистана по-прежнему есть и в Индии, и за ее пределами, причем наибольшей активностью в пропаганде прохалистанских идей отличаются американские, канадские и британские молодежные организации в панджабско-сикхской диаспоре.

До 1980-х годов рассуждения о Сикхистане / Азад-Панджабе / Халистане практически не подкреплялись визуальным рядом. При апеллировании к территориальности Панджаба как родины сикхизма чаще всего привлекались колониальные карты с изображением всего Пятиречья в качестве провинции Британской Индии (Илл. 1–3).

Картографирование собственно Халистана, инициированное прежде всего представителями диаспоры, началось позже. Доступные на просторах интернета изображения отражают нынешнее состояние этого виртуального конструкта (Илл. 4–7). У современных апологетов сикхского государства, как и у их предшественников, нет четкого представления о том, как должна выглядеть потенциальная «исконно сикхская территория». В подавляющем большинстве случаев его контур не включает пакистанскую часть Пятиречья. В качестве ядра выступают исключительно индийские территории — штаты Панджаб и Хариана, к которым примыкают области, исторически входившие в «большой Панджаб»: Химачал-Прадеш, Уттаракханд, некоторые дистрикты Джамму и Кашмира, а также Раджастхан. На некоторых картах добавляется западная часть Гуджарата (Качский Ранн); в таком случае, Халистан предстает в качестве буферной зоны на всем протяжении границы между Индией и Пакистаном.

Отображение границ предполагаемого «сикхского государства» свидетельствует об отсутствии единого прохалистанского центра и крайней разнородности панджабско-сикхской диаспоры — постоянного генератора новых пропонентов идеи Халистана.

БИБЛИОГРАФИЯ

Fair C.C. Diaspora Involvement in Insurgencies: Insights from the Khalistan and Tamil Eelam Movements // Nationalism and Ethnic Politics. 2005. Vol. 11 (1). P. 125–156.

Oberoi H.S. From Punjab to "Khalistan": Territoriality and Metacommentary // Pacific Affairs. 1987. Vol. 60. No. 1. P. 26–41.

Oberoi H. The Construction of Religious Boundaries. Culture, Identity and Diversity in the Sikh Tradition. Delhi: Oxford University Press, 1994.

Singh Kh. A History of the Sikhs. New Delhi: Oxford University Press, 2008. Vol. II: 1839–2004.

Tatla D.S. The Sikh Diaspora: The Search for Statehood. London: UCL Press, 1999.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Punjab Province in 1909 // The Imperial Gazeteer of India. Vol. XXVI. Oxford, Clarendon Press, 1909. P. 32. — Электронный ресурс [режим доступа: http://dsal.uchicago.edu/reference/gaz_atlas_1909/pager.html?object=38, дата обращения — 22.10.2022].

Илл. 2. Khalistan Movement. — Электронный ресурс [режим доступа — https://www.sikh24.com/wp-content/uploads/Khalistan-608x500.jpg, дата обращения — 22.10.2022].

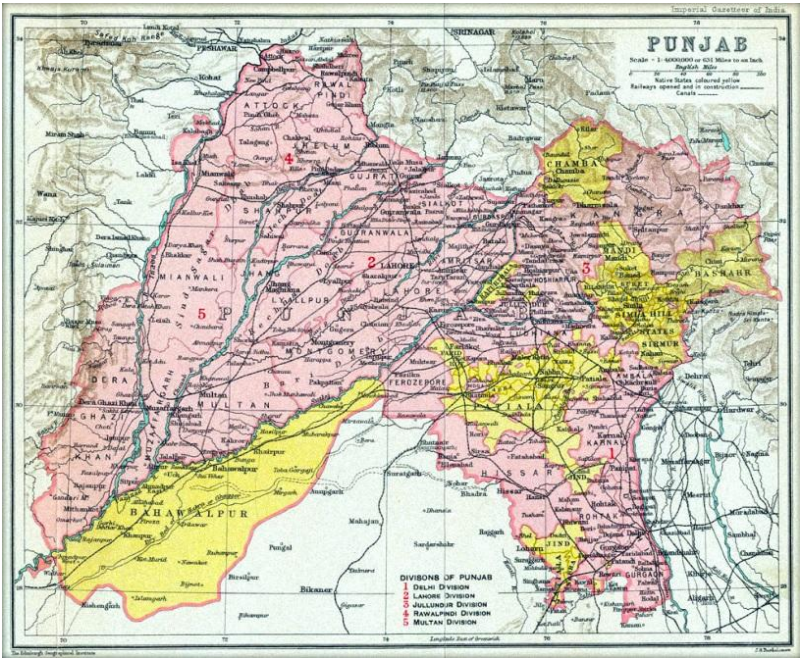
Илл. 3. Map of the United Punjab Before Partition Showing the Notional Boundary Under the Partition Plan of 3rd June 1947. — Электронный ресурс [режим доступа: https://in.pinterest.com/pin/partition-plan-for-punjab-showing-notional-boundary-3-june-1947-302937512406686476/, дата обращения — 22.10.2022].

Илл. 4. Unofficial Khalistan Updates Channel Map // Defining the Borders of Khalistan. Buffer State in South Asia. — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_HcBSs74M9Y, дата обращения — 22.10.2022].

Илл. 5. Khalistan Political [Maps]. — Электронный ресурс [режим доступа: http://shaheed-khalsa.com/maps.html, дата обращения — 22.10.2022].

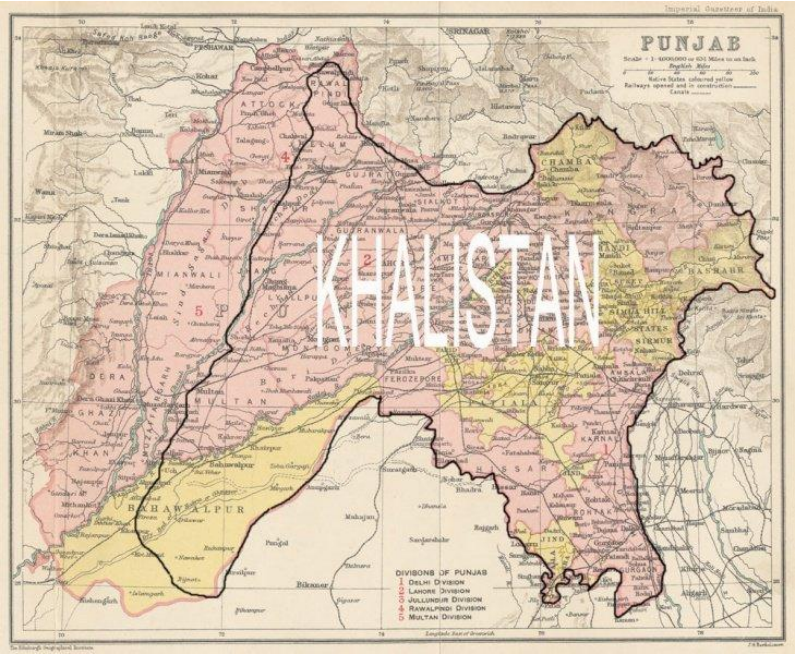
Илл. 6. Proposed Republic of Khalistan. — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.google.com/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Fwww.quora.com%2FWhat-is-the-official-true-map-of-Khalistan-or-Sikhistan&psig=AOvVaw01xgA7BxZi2NCYh727ibsV&ust=1666558733590000&source=images&cd=vfe&ved=0CA0QjRxqFwoTCLjs9KLd9PoCFQAAAAAdAAAAABAf , дата обращения — 22.10.2022].

Илл. 7. The map of Sikh Republic of Khalistan. — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_ZaK2LNPvS_w, дата обращения — 22.10.2022].



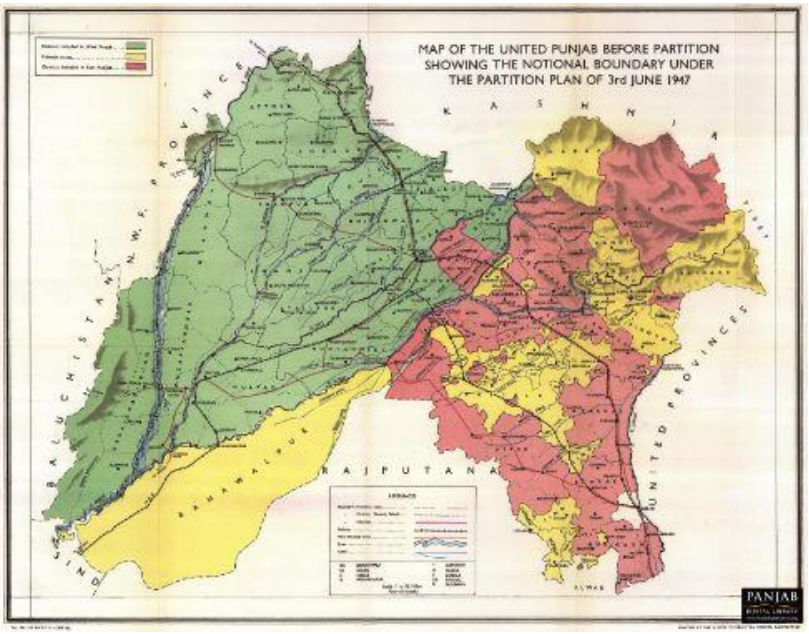
Илл. 1

Провинция Панджаб в 1909 году



Илл. 2

Провинция Панджаб (границы 1909 года)
как территория Халистана

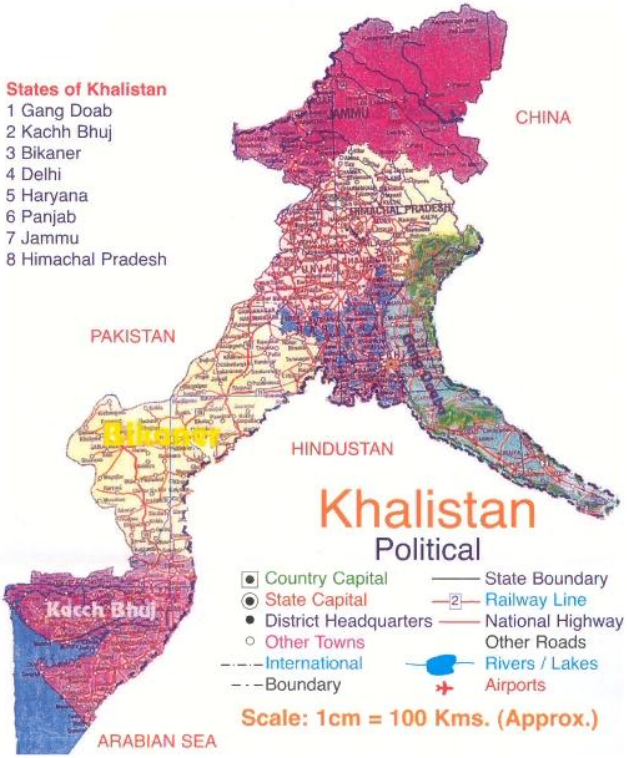


Илл. 3

Карта «большого» Панджаба
с предполагаемой линией границы
(в соответствии с планом раздела Индии, принятым 3 июня 1947 г.)

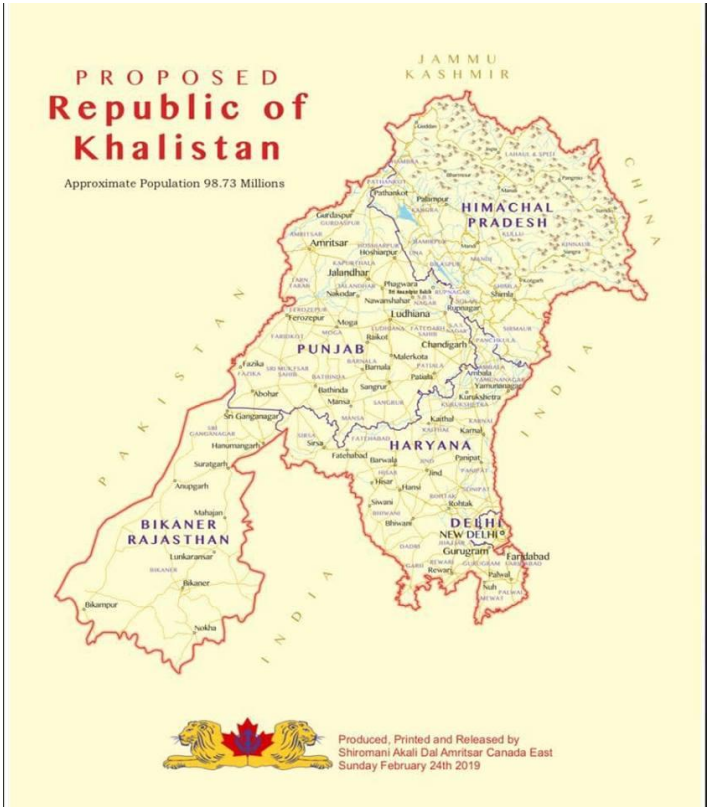
Илл. 4

Предполагаемые границы Халистана –
«буферного государства в Южной Азии»



Илл. 5

Вариант политической карты Халистана



Илл. 6

Конфигурация предполагаемой «Республики Халистан»

Илл. 7

Контуры «Сикхской Республики Халистан»
на карте Южной Азии

Н.В. Веселкова, Н.Б. Граматчикова

ВООБРАЖАЕМЫЕ ПРОСТРАНСТВА ИНДУСТРИАЛЬНОГО УРАЛА 1930-х ГОДОВ*

В социокультурных процессах индустриализации воображаемое выступало наравне с реальным, играя решающую роль при обсуждении архитектурных проектов эпохи (Ильченко 2021; Хан-Магомедов 1996), в формировании нового отношения к труду и личной профессиональной идентичности, в преобразованиях культурного ландшафта целых регионов. В отличие от понимания воображаемого картографирования у Д. Замятина (Замятин 2019: 12) как *дистанцирования* от конкретных мест, в данном случае акцент переносится на *привязывание* задаваемых образов к местам.

Анализируя тексты 1930-х годов как вербальную репрезентацию представлений о настоящем и будущем, мы отталкиваемся от понятия ментальных карт, обозначающего и образ «в голове», и его опредмечивание — в рисунках или словесных конструкциях (Митин 2017). Для того, что существует «в голове», в 1913 г. Кристофер Троубридж предложил название «воображаемые», или «вообразимые» карты (Trowbridge 1913; Глазков 2015: 108).

Опыт работы с ментальными картами как эмпирическим методом, когда мы просим информантов нарисовать свой город (Веселкова 2010; Вандышев и др. 2013; Прямикова и др. 2020), показывает, что далеко не всегда «в голове» уже есть готовый образ, зачастую он достраивается, конденсируется в процессе взаимодействия с исследователем. Для нашей темы эта двойственность означает рассмотрение во-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 21-011-43019).

ображаемой картографии пространства не только как внедрения готовой образности в формируемый локальный культурный ландшафт, но и ее фактического образования и трансформаций в изучаемый период.

Эффект «спрессованного времени», сопровождавший большинство проектов первой пятилетки, приводил к стойкому своеобразию текстов рубежа 1920–30-х годов, посвященных описанию строительства заводов-гигантов, и фиксируется нами в очерках, путеводителях и художественной прозе. Общесоветская тенденция обеспечивать такого рода текстами пуск любого крупного объекта приводила к тому, что автору приходилось писать, предваряяреальность, и корректируя материал по мере продвижения строительства, т.е. концептуализация нового объекта / его продукции / рабочего коллектива происходила фактически до того, как реальность предлагала некий «продукт» для осмысления. При этом активность воображаемого прямо пропорциональна ожиданиям субъекта и его зависимости от темпов построения воображаемых проекций. Сосредоточимся на текстах, которые создают новый культурный ландшафт Урала.

Во-первых, в текстах эпохи отразились усилия современников по интерпретации создаваемого «нового мира». Так, в дневниках М.М. Пришвина 1931 г. запечатлен не только его опыт немоты и ужаса от «окаянности» нового мира Свердловска, но и беседы с крестьянами на стройплощадке, в которых возникают классические (Пифия) и литературные образы гаданий (гоголевское «доедет/не доедет колесо» здесь как «достроят/не достроят завод»), а также архаические практики описания пространства через население его определенными «типами», осложненные радикальным переформатированием привычного соотношения «центр-периферия», так как теперь «фронт» оказался там, где шло строительство заводов, а Москва представлялась «тылом» (Пришвин 1931). В неопубликованном романе В. Федосеева «Обратный удар» (не позднее 1937 г.) находим схожий фрагмент попытки проникновения в замысел проектировщиков: отец с сыном идут по заводскому поселку в поисках нужного адреса: «Трубин читал цифры на фанерных дощечках; они

располагались в странном порядке <…> видимо дома нумеровались в той последовательности, как они возникали. А может быть эти дощечки означали кварталы? Или это были куски какого-то еще не реализованного полностью плана и пустоты между цифрами будут заполнены домами?» (Федосеев: Л. 77–76).

Для проектировщиков «Урала индустриального» необходимым качеством была инженерная прозорливость (излюбленное выражение главного инженера Уралмашинстроя В.Ф. Фидлера: «Инженер должен все предвидеть»), можно сказать, специфическое визионерство: так, Фидлер закладывает заводские цеха для объема выпуска продукции в разы больше, чем утверждено в настоящем, и оказывается победителем при скором повороте руля в пользу укрупнения Уралмаша, своей предусмотрительностью снимая необходимость переделки построенного.

Важность «вообразимости» как подвластности пространства, его читаемости и управляемости в повести Федосеева показана не только через Уралмаш, но и вечернюю работу героя с картами военных учений далеко от Урала: «С востока на запад проходит шоссе Волковыск-Городок. В нешироких долинах текут речки Свислочь, Куклянка, Норка, Луковица… Трубин старается представить себе эту местность, чтобы расположить средства обороны, но сквозь сетку карты проступает все тот же хаос» (Федосеев: Л. 26). Тексты 1930-х годов фиксируют именно *усилия*: собирание, выстраивание, нацеливание и устремление. Тотальность картографирующего, собирающего взгляда (сформулированная еще Ф. Джеймисоном) представлена у Федосеева и в описании целостности Уралмаша — «круглой поляны», «диаметром в четыре километра, вырубленной в глухом уральском лесу». «...В этот круг будут вписаны и завод и заводской город», где «из любого пункта города вы увидите лес», но встав лыжи, «как бы вы плохо ни шли, через десять-пятнадцать минут вы очутитесь в глухом лесу среди высоких, свечеобразных сосен». «Пять радиальных улиц, составляющих город, лучами расходятся от площади «Первой пятилетки»», где «высится многоэтажное, одинокое, как скала, в своей грандиозности, незакон-

ченное здание заводоуправления, видимое из каждой радиальной улицы» (Федосеев: Л. 69–70). Топография будущего соцгорода задает правильное направление движения «новых рабочих» и в другой повести об Уралмаше — «Зине Деминой» Л. Овалова (1937): лесные просеки — будущие улицы поселка — берут начало от лесного озера, утоптанными тропками проходя мимо одноэтажных домиков, и становясь асфальтированными дорогами ближе к центральной площади и заводской проходной.

Примечательна широта панорамы нового «воображающего взгляда» на Урал: прием оптического удаления описываемого промышленного объекта позволяет ступенчато включить в текст окружающее пространство. Принципиальна роль транспорта: по заводскому поселку проходят железнодорожные пути, однако с «городом» (вокзалом, историческим центром) завод соединен трамвайной линией. Поэтика новой логистики, отвергающей прежние туристические «красоты», прочитывается и в путеводителях пролетарского туризма Н. Ловцова (Ловцов 1931, Граматчикова 2019). Урбанистическое, промышленное и природное, стихийное, органическое находятся в состоянии динамического взаимного влияния, чаще всего — еще неразделенной и неподконтрольной диффузности.

В исторической памяти остается удачное, успешное, а иное отправляется в «несбывшееся». Воображаемая картография индустриального Урала в качестве основополагающего принципа содержит промышленный потенциал места / завода / населенного пункта, где настоящее старых заводов и шахт игнорируется в пользу невероятного рывка в будущем, которое может и не наступить (см., например, о романе Н. Ловцова «Канал» (Подлубнова 2013)).

Для созидания нового мира требовались титанические усилия по его воображению — задолго до того, как постмодернистская карта стала по-бодрийяровски предшествовать территории.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3 (68). С. 101–111.

Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 5–29.

Глазков К. Ментальные карты: ограничения метода и образ «чужого» в малом городе // Laboratorium. 2015. Т. 7. № 3. С. 106–117.

Граматчикова Н.Б. Пролетарский турист как адресат путеводителей: формирование историко-культурного ландшафта индустриального Урала в очерках Н. Ловцова 1930-х гг. // Цифровизация коммуникативно-культурной памяти: роль журналистики как социального института: сб. материалов Всероссийской науч.-практич. конференции с межд. участием (Екатеринбург, 25–26 апреля 2019 г.). В 2-х ч. Екатеринбург, 2019. Ч. 2. С. 22–29.

Замятин Д.Н. Постгород (II): воображаемые картографии и политики сопространственности // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 9–35.

Ильченко М. Архитектура слова. Символические трансформации советского архитектурного авангарда в публичной риторике // Новое литературное обозрение. 2021. № 1 . С. 7–18.

Ловцов Н. По Горнозаводскому Уралу. Путеводитель. М.; Л., 1931.

Митин И.И. Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 3. С. 64–79.

Овалов Л.С. Зина Демина. Свердловск, 1937.

Подлубнова Ю.С. Фантастическое, утопическое и историческое в романе Н. Ловцова «Канал» (1933) // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2013. Вып. 7. Т. 2. С. 291–296.

Прямикова Е.В., Веселкова Н.В., Вандышев М.Н. Визуальные документы (ментальные карты, «линии жизни» и др.) в исследовании мобильности: опыт применения // I Уральский историко-архивный форум. Екатеринбург, 2020. С. 127–133.

Пришвин М. Дневники. 1931 год. Записи от 1 марта и далее — Электронный ресурс [режим доступа: https://elsu.ru/prishvin.html, дата обращения — 20.06.2022].

Федосеев В. Обратный удар // ГАСО. Ф. р318. Оп. 1. Д. 44. 195 л. [не ранее 1935 г.].

Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. М., 1996. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения.

Trowbridge C.C. On fundamental methods of orientation and “imaginary maps” // Science. New Ser. 1913. Vol. XXXVIII. No. 990. P. 888–897.

Т.Н. Джаксон

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО «САГИ ОБ ОДДЕ-СТРЕЛЕ»

ФОРМИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЫ

Древнеисландская сага, на материале которой я хотела бы рассмотреть проблемы формирования и функционирования ментальных карт, это «Сага об Одде-Стреле», представляющая собой, по мнению исследователей, что-то вроде плутовского повествования о легендарном герое, который предпринимает ряд путешествий в экзотические уголки света, где он участвует в различных приключениях и совершает героические поступки (Clunies Ross 2017). В отечественной историографии сага в основном известна по той причине, что ее протагонист погибает от укуса змеи, как и древнерусский князь Олег, а исследователи усматривают в саге и летописи совпадение основных элементов сюжета и многих деталей (Тиандер 1906: 206–245; Мельникова 2005). В саговедении «Сага об Одде-Стреле» рассматривается преимущественно в работах, посвященных крайнему Северу и его обитателям, причем не столько живым людям, сколько разнообразным сверхъестественным существам из скандинавской мифологии (Ferrari 2006; Leslie 2010; Barraclough 2021). Но также эта сага включается в число так называемых «саг о путешественниках» (Sverrir Jakobsson 2006). В древнеисландской литературе имеется три сочинения, чей заглавный герой носит прозвище *víðfǫrli* — «Сага об Ингваре Путешественнике», «Сага об Эйреке Путешественнике» и «Прядь о Торвальде Путешественнике» (см.: Глазырина 2010: 391). В «Саге об Одде-Стреле» герой этим прозвищем нарекает себя сам в своей предсмертной песни, называемой «Ævidrápa»

(«Драпа о жизни», ст. 63), но также он дважды назван «Путешественником» в «Саге о Гриме Мохнатая Щека».

Одд-Стрела — сын Грима Мохнатая Щека, внук Кетиля Лосося (которому тоже посвящена отдельная сага), правнук некоего Халльбьёрна Полутролля, и происходит их род с Хравнисты — небольшого острова Рамста в устье Фольдафьорда в Намдале, в Нур-Трёнделаге на побережье Норвегии. Здесь и далее к северу от этих мест начинались области, населенные саамами. Общей для саг об Одде, его отце и деде является тема путешествия героев из Норвегии в земли, расположенные дальше на север, будь то в Финнмарк или в соседние с ним регионы Севера, чьи обитатели, саамы, прозываются в сагах «финнами» (*finnar*). Саамы отличались от норвежцев по внешнему виду, языку, одежде, образу жизни, верованиям. Саамское этнокультурное пространство было для норвежцев чужим и малознакомым. Исландские авторы саг творили этот «образ чужого», наделяя финнов-саамов, живших за северной границей обитания норвежцев, магическими свойствами и умениями. Но в те же неосвоенные и незаселенные регионы их воображение помещало диковинных существ, летающих драконов, мифических персонажей — разного рода великанов и троллей.

Одд отличается от своих отца и деда. Несмотря на примесь «чужой» крови (финнов-саамов, троллей и великанов), те оставались простыми смертными с обычным сроком отведенной им жизни. Но Одду в его юности одна вёльва и колдунья предсказала, что он будет жить 300 лет: «Ты будешь жить три сотни зим и странствовать из страны в страну, и всегда считаться величайшим там, куда бы ни пришел. Потому что твоя слава должна разойтись по всему миру, но как бы далеко ты ни зашел, ты умрешь здесь, в Берурьоде. Тут в стойле стоит конь серой масти с гривой другого цвета. Череп этого Факси принесет тебе смерть» (Ǫrvar-Odds saga 1888: 14). Это пророчество дает рассказчикам различных версий саги возможность украсить ее многочисленными приключениями Одда в далеких странах.

Вследствие этого ментальная карта «Саги об Одде-Стреле» гораздо объемнее и пространнее, чем карты других

саг. Она охватывает практически весь обитаемый мир, известный сагам, географическим сочинениям и другим древнескандинавским сочинениям. Это — Норвегия с Халогаландом, Финнмарком, островами Бьяркэй и Рамста, областями Йерен в районе Ставангера и Вик на востоке страны, Бьярмаланд с рекой Вина, Швеция с рекой Гёта-Эльв, многочисленными шхерами и островами, Сигтуной, Упсалой, озером Меларен, Дания с несколькими островами, Англия, Шотландия, Ирландия, Уэльс, Оркнейские и Гебридские острова, Фландрия, Франция, Саксония, Венгрия, Греция, Сицилия, Палестина, Иерусалим, река Иордан, Сирия, *Аустрвег* («Восточный путь») и лежащие на нем Польша, Вармия, земли вендов, куршей, эстов, карел, ливов и др., Древняя Русь с Новгородом, Киевом, Муромом, Ростовом, Суздалем и Полоцком.

На данной ментальной карте выдерживаются ориентационные принципы, присущие всем этим источникам, и в первую очередь королевским сагам: обитаемый мир делится на четверти, а направления движения указываются (хоть и нечасто) в соответствии с наименованием этих четвертей. Восточной части мира, как следует из текста саги, принадлежат река Гёта-Эльв и шхеры на месте впадения реки в пролив Каттегат, Швеция, *Аустрвег*, земли вендов, Русь, Новгород; западной — Атлантика, Англия, Ирландия; северной — Финнмарк и остров Рамста.

Надо сказать, что некоторые топонимы, еще более расширяющие ментальную карту «Саги об Одде-Стреле», фигурируют в древнескандинавских источниках не всех жанров, а только в «сагах о древних временах». В первую очередь это относится к *Húnaland* «Земле гуннов», которую знают также «Сага о Тидреке Бернском», «Сага о Хервёр и конунге Хейдреке», «Сага об Асмунде Убийце Победителей», «Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков» и др., помещающие эту землю в разных частях Западной и Центральной Европы. Определить местоположение данной земли по нашей саге не представляется возможным. Напротив, в ней дается очень (для саг) точное местоположение другого географического объекта — *Munarvágar* «Бухт Радости», — на острове Самсё, в месте известного также из труда Саксона Грамматика Сам-

сейского боя. Эти бухты известны еще и по «Саге о Рагнаре Кожаные Штаны» и «Саге о Хервёр и конунге Хейдреке».

Расширение этой всеохватной карты (редко в какой саге мир представлен столь широко) происходит несколькими способами. Во-первых, возможно добавление реального топонима при описании реальной (не-фантастической ситуации). Так в тексте появляется не известный другим источникам топоним *Skíða* — обозначение одного из Гебридских островов, — когда рассказывается о сражении Одда со знаменитым викингом по имени Соти. Любопытно, что имя острова соединено с ориентационным термином «юг»: викинг находится «на юге у Скиды», Одд плывет «на юг к Скиде» и т.д. «Южное расположение» острова, казалось бы, нарушает четырехчастную схему, о которой речь шла выше, но на деле, скорее всего, является отражением зафиксированного источниками древнескандинавского названия Гербидских островов — *Suðreyar* «Южные острова». Во-вторых, применяется использование достаточно редкого для древнескандинавских источников топонима в ситуации вымышленной. Таким топонимом является *Antiochia(borg)/Antekja(borg)*, имя древнего эллинистического города Антиохии (позднее Антакьи) на территории современной Турции (его знает только «Большая сага об Олаве Трюггвасоне»). А контекст его использования здесь таков: Одду нужно получить для конунга Херрауда (который правит Греческим государством) дань со страны, носящей название Бьялькаланд, названной так, потому что правит там конунг, которого зовут Альв по прозвищу Бьяльки. Вот он и отправляется в Антиохию, которая в прозаическом тексте будет названа своим исходным именем, а в предсмертной песни Одда — более поздним. В-третьих, увеличение пространства в северном направлении, в сторону неизвестных территорий достигается за счет «присоединения» к карте мест обитания йотунов и великанов (страна Рисаланд, о. Варгей), с одной стороны, и использования известных, реальных топонимов в ином значении и качестве (Хеллуланд, Гренландское море), с другой. В-четвертых, автор применяет включение неизвестного как другим древнескандинавским источникам, так и на сегодняшний день (то

есть, вероятно, вымышленного), топонима в очень хорошо знакомое и древним скандинавам, и современным картам пространство, в результате чего реальность и фантазия соединяются не только на крайнем Севере, но и в непосредственной близости. Так, среди шхер в устье реки Гёта-Эльв автор саги располагает *Trǫnuvágar* «Журавлиные бухты», где Одд вступает в битву с не-человеком, своим главным противником Эгмундом Убийцей Эйтьова. А из Дании Одд плывет на восток в *Аустрвег*, но не в прибалтийские земли, Русь или Грецию, а в *Гейррёдаргард* — владения ётуна (великана) по имени Гейррёд.

Итак, ментальная карта «Саги об Одде-Стреле» имеет как бы два пласта — пласт реально-географический и пласт мифологический. Реальная география распадается на две большие области: область крайнего Севера и всю остальную Европу. Именно в первой из них идет значительное пересечение и переплетение реальных знаний скандинавов о Севере с мифическими и мифологическими представлениями и верованиями. Вторая область — это некий конструкт на основании совокупных сведений о географии окружающего мира, сохранившихся во всем корпусе памятников древнескандинавской письменности, но и здесь не обходится без включения фантастических элементов и мотивов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Глазырина Г.В. Путь на восток — путь к христианскому спасению. Сюжеты исландских саг о скандинавах-путешественниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2010. С. 384–404.

Мельникова Е.А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Я.Н. Щапову / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2005. С. 95–108.

Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

Barraclough E.R. The Ice Giant Cometh: The Far North in the Old Norse-Icelandic Sagas // Myths and Magic in the Medieval Far North:

Realities and Representations of a Region on the Edge of Europe / Ed. by S. Figenschow, R. Holt and M. Tveit. Turnhout, 2021. P. 71–94.

Clunies Ross M. Ǫrvar-Odds saga. Introduction // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. 8: Poetry in *fornaldarsǫgur*. 2017 — Электронный ресурс [режим доступа: https://skaldic.abdn.ac.uk/db.php?id=35&if=default&table=text, дата обращения — 20.06.2022].

Ferrari F. Gods, Warlocks and Monsters in *Ǫrvar-Odds saga* // The Fantastic in Old Norse / Icelandic Literature. Sagas and the British Isles. Preprint Papers of The Thirteenth International Saga Conference, Durham and York, 6th–12 August, 2006 / Ed. by J. McKinnell, D. Ashurst and D. Kick. Durham, 2006. Vol. 1. P. 241–247.

Kroesen R. Ǫrvar-Odds saga // Mediaeval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. by Ph. Pulsiano et K. Wolf. New York, 1993. P. 774.

Leslie H.F. "The Matter of *Hrafnista*" // Quaestio Insularis. 2010. Vol. 11. P. 169–208.

Sverrir Jakobsson. On the Road to Paradise: 'Austrvegr' in the Icelandic Imagination // The Fantastic in Old Norse / Icelandic Literature: Sagas and the British Isles. Preprint Papers of the Thirteenth International Saga Conference, Durham and York, 6th–12th August, 2006 / Ed. by J. McKinnell, D. Ashurst and D. Kick. Durham, 2006. P. 935–943.

Ǫrvar-Odds saga / R.C. Boer. Leiden, 1888.

Л.С. Жирнова

МЕНТАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ В ЛАТЫШСКИХ КАРИКАТУРАХ

ОБРАЗЫ ГРАНИЦЫ И ЗНАЧИМЫХ ДРУГИХ

В результате распада СССР в Европе образовался целый ряд новых государств, которые столкнулись с необходимостью определить свое место в новом мире. Среди них была и Латвия, чья правящая элита взяла решительный евроатлантический курс и выстраивала образ страны через противопоставление России, которая остается для Латвии основным значимым Другим. Процесс дистанцирования от восточного соседа и формирования собственной пространственной идентичности продолжается в Латвии до сих пор.

Один из способов выявления и изучения особенностей пространственного позиционирования — это анализ карикатур, которые являются эффективным средством создания и распространения стереотипов как ключевого элемента национальной идентичности (как показано в сборнике: Demski, Baraniecka-Olszewska 2010). Латвия особенно подходит для подобного анализа, поскольку в ней сформировалась устойчивая традиция ежедневной публикации газетных карикатур по актуальным вопросам новостной повестки.

В основе нашего исследования лежит анализ карикатур всех четырех общенациональных латвийских ежедневных изданий на латышском языке (*Latvijas Avīze, Neatkarīgā Rīta Avīze, Diena* и *Dienas Bizness*), собранных за год — с 26 октября 2015 года по 25 октября 2016 года. Этот период представляет типичный год для российско-латвийских отношений без каких-либо знаковых событий, а рассмотрение материала за

12 месяцев позволяет сгладить сезонные колебания повестки. Анализ облегчается тем, что в указанное время исследовательница пребывала в Латвии, что значительно облегчает интерпретацию социально-политического контекста изображений.

Концептуальную рамку исследования составляет конструктивистский подход к национально-государственному строительству и международным отношениям. Основным методом является дискурс-анализ, в котором нарративы представлены не текстами, а карикатурами. Он позволяет выявить значимых Других, которые играют ключевую роль при формулировании пространственной идентичности, и прояснить роль отдельных элементов при формировании образов Своего и Чужого. Целый ряд исследователей отмечали значимость противопоставления себя реальному или воображаемому антагонистическому Другому при формировании национальной идентичности, причем этот Другой может быть как внешним (Eriksen 1995: 427), так и внутренним (Джонсон, Коулман 2012: 110). Важный элемент формирования идентичности — проведение границы между собой и Другим. По тому, как она отображается, можно судить как об отношениях с соответствующим Другим, так и о самовосприятии государства. Карикатуры отражают процессы формирования идентичности и становятся полем борьбы в рамках конструирования социальной реальности (Gurevitch, Levy 1985: 19), что делает их подходящим материалом в том числе и для анализа представлений о границе.

Из всего массива карикатур, опубликованных в указанных изданиях за год, а таких оказалось 910, были отобраны «геополитические», то есть отражающие международно-политические процессы и явления (в данном случае под геополитикой понимается исследование воздействия географии на международную политику (George, Devetak, Percy, 2017: 522). Таких карикатур было 238, то есть более четверти. Для целей настоящего доклада выделены те работы, на которых отображены границы государств, их оказалось 32, то есть более 13% от общего количества. Таким образом, мотив границы является весьма частым в геополитических ка-

рикатурах. Рисунки были внесены в соответствующую базу с указанием издания, даты и автора, сюжета, подписи и описания, изображенных стран, характера и типа границы. Такая классификация создала основу для дальнейшего анализа.

Если говорить об основных сюжетах, в которых фигурируют границы стран, прежде всего это вопросы миграционного кризиса, которые в тот период были актуальными для всей Европы, в том числе и для Латвии. Каждая третья карикатура с изображением границы была посвящена сюжету беженцев, причем чаще всего граница здесь изображена слабой или частично разрушенной, неспособной справиться с потоком мигрантов.

Показательный пример здесь — карикатура Гатиса Буравцовса в газете Diena от 04.03.2016. Информационным поводом для нее стал доклад МИД Норвегии, содержавший предупреждение, что после закрытия балканского маршрута нелегальной иммиграции может вырасти миграционной давление страны Балтии. На карикатуре рабочий надстраивает каменную стену на македонском участке границы ЕС. За стеной на горизонте видны лодки беженцев. Внутри границы видна надпись «Европа». Часть беженцев по суше проходят к латвийской границе и пересекает ее через большие прорехи. Внутри спиной к границе на абрисе Латвии сидит человек с вином и говорит, обращаясь к Македонии: «Давно надо было привести в порядок свою границу». В этой карикатуре одновременно представлена граница в двух видах. С одной стороны, это каменная стена с функцией обороны от внешней угрозы (беженцев), причем на македонском участке эта функция выполняется успешно, а на латвийском нет. С другой стороны, на карикатуре представлена и граница в виде контура карты Латвии, который расположен уже внутри крепостной стены. Функция этого элемента — показать принадлежность расслабленного человека с бокалом вина, который пеняет Македонии на недоработки, хотя его собственная граница легко пропускает мигрантов.

Среди карикатур с изображением границы тема миграции лидирует с большим отрывом, за ней следуют сюжеты конкуренции с соседями, обустройства границы с Россией и

экономических проблем. В случае конкуренции с соседями и экономической проблематики образ крепостной стены, столь характерный для тематики беженцев, уже практически отсутствует, зачастую граница либо просто обозначена линией, либо используется силуэт Латвии, чтобы отразить принадлежность героя рисунка или же сделать сам этот силуэт таким героем. В случае обустройства границы с Россией несколько раз обыгрывается мотив забора, который тогда начали сооружать в пограничной полосе. Особый интерес карикатуристов привлекли стометровые пробелы в этом заборе, предусмотренные для облегчения миграции животных. В карикатурах отражены популярные шутки на тему того, что этими дырами воспользуются не столько животные, сколько нелегальные иммигранты.

Если говорить о географическом охвате карикатур, на них упоминаются более 20 стран и их объединений, но вот перечень тех, чья граница отображена хотя бы раз, в полтора раза меньше. Граница чаще всего оказывается атрибутом «своих» — либо самой Латвии (в двух третях случаев), либо Европы, под которой понимается Евросоюз. То есть граница — это атрибут значимой территории, ядра идентичности. А значимый Другой может этим атрибутом и не обладать, поскольку для ключевого субъекта карикатур он является не столько конкретным территориальным образованием, сколько агентом воздействия на очерченную границей значимую территорию.

Особенно ярко это видно на примере России. В то время как в общем массиве «геополитических» карикатур латышских газет Россия упоминается очень часто, что отражает и подчёркивает ее роль как ключевого значимого Другого для Латвии наряду с Евросоюзом (Zhirnova 2021: 207), в случае карикатур с изображением границы упоминаний России значительно меньше, а граница России напрямую обозначена именно таким образом только однажды. В остальных случаях изображена граница или контур карты Латвии, а за ним некое неоформленное пространство, зачастую источник угрозы. Россия часто показана как агент воздействия на Латвию, но не оформлена картографически. Указание на нее в

изображении может полностью отсутствовать, а отсылка будет содержаться только в описании. Примером здесь может служить карикатура Гатиса Шлюки в газете *Latvijas Avīze* от 22.01.2016, посвященная сообщению Госпограны о непрекращающемся потоке нелегальных мигрантов на российско-латвийской границе, в первую очередь вьетнамцев. Художник изобразил контур карты Латвии с обозначением главных природных троп — Слитерской, Лигатненской и Кемерской, а на востоке страны показал еще одну «природную тропу» — Вьетнамскую. Она обозначена пунктиром и пересекает границу Латвии, но откуда она идет, не показано — за границами страны только пустота. В целом подобный подход к отображению границы встречается в изученных карикатурах наиболее часто — это, как правило, внешняя граница значимой территории, а не граница между двумя объектами. Самый употребимый формат изображения — это именно контур карты.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить ключевой характер изображения границы для обозначения себя и «своих» (в данном случае прежде всего Латвии и ЕС) в воображаемой картографии карикатур, в то время как антагонистические Другие (в данном случае Россия) представляются скорее не конкретным территориальным образованием, а агентом или источником воздействия, чаще всего враждебного.

БИБЛИОГРАФИЯ

Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: Диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2 — Электронный ресурс [режим доступа: https://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/56, дата обращения — 20.06.2022].

Demski D., Baraniecka-Olszewska K. (eds.). Images of the Other in Ethnic Caricatures of Central and Eastern Europe. Warsaw, 2010.

Eriksen T.H. We and us: Two modes of group identification // Journal of Peace Research. 1995. Vol. 32 (4). P. 427–436.

George J., Devetak R., Percy S. An Introduction to International Relations. Cambridge University Press, 2017.

Gurevitch M., Levy M.R. (eds.). Mass Communication Review Yearbook, 5, Beverly Hills, CA, 1985.

Zhirnova L. Russia and Other Significant Others in Latvian Caricatures. Galactica Media // Journal of Media Studies. 2021. 3 (3). P. 199–212. https://doi.org/10.46539/gmd.v3i3.196

Diena — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.diena.lv/, дата обращения — 20.06.2022].

Dienas Bizness — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.db.lv/, дата обращения — 20.06.2022].

Latvijas Avīze — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.la.lv/, дата обращения — 20.06.2022].

Neatkarīgā Rīta Avīze — Электронный ресурс [режим доступа: https://nra.lv/, дата обращения — 20.06.2022].

Д.Н. Замятин

КАРТОГРАФИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

К ОНТОЛОГИЯМ ЗЕМНОЙ ПЛАНЕТАРНОСТИ

Картография и планетарность: генезис онтологической проблематики

Картография — не только одна из визуальных и ментальных репрезентаций человеческого мышления, связанных с его неотъемлемой привязанностью к земле / Земле. Она, несомненно, имеет свою собственную онтологию, крайне важную для понимания онтологии человеческого существования и развития в целом. Начало попыток отдельных людей и различных человеческих сообществ картографировать свои представления и знания связано с важным онтологическим переломом или онтологическим поворотом, позволившим человечеству, так или иначе, осмыслить свою планетарность — заземлиться и одновременно раз-землиться в онтологическом смысле.

Планетарность — ключевое понятие, анализ которого может помочь осознанию наиболее значимых черт *картографического поворота* — так, по всей видимости, лучше назвать онтологические изменения в человеческой пространственности, накапливавшиеся довольно незаметно на протяжении тысячелетий человеческой истории. Конечно, этот переворот в его завершающей фазе можно уверенно отнести к эпохе Модерна, когда стремительно формировавшиеся современные общества стали интенсивно пользоваться всё более и более совершенными географическими картами, сопровождавшими, «оркестровавшими» и оформлявшими реальные и ментальные захваты большинства территорий и

акваторий Земли. По сути дела, карты, картографические атласы, а также и глобусы стали главным символом человеческой планетарности в ее пространственной динамике.

Расселение человеческих сообществ по земной поверхности, которое во многом можно назвать первичным заземлением, формировало исходные схемы планетарного мышления. Номадизм ранних первобытных племен способствовал «потоковому», узко канализированному мышлению, ориентированному на примитивные итинерарии, выключавшие слишком опасные или неизвестные территории из тщательно продуманных и относительно безопасных возможностей пути-кочевания. Первичная планетарность связана с непрестанными непрекращающимися мобильностями, испещряющими своими маршрутами земную поверхность — линейные, пересекающиеся и взаимодействующие пространственности создают остов ранней человеческой планетарности, коррелирующей не столько с картографированием в современном его понимании, сколько с плотно «прижатым» к кочевым маршрутам мэппингом (*mapping*), не предполагающим те или иные формы пространственного масштабирования.

Географическое воображение и картографичность бытия: к осознанию планетарности

Осознание планетарности в человеческом мышлении и человеческой деятельности тесно связано с формированием географического воображения, которое, с одной стороны, направлено на пространственную аналитическую дифференциацию земной поверхности и небесной сферы, ее фиксацию и репрезентацию, а, с другой — на построение синтетических знаково-символических комплексов, так или иначе выражающих целостность, холистичность антропологического взгляда. Самые архаичные и древние картографические опыты, безусловно, ориентировались прежде всего на процедуры пространственной дифференциации, призванные закрепить непосредственные эмпирические результаты освоения земного пространства. Вместе с тем, архаичные космогонические и космологические схемы, часто вписан-

ные в первичные системы мифологических и религиозных представлений, вполне могут быть отнесены к простейшим картографическим репрезентациям, опирающимся на интуитивное географическое воображение.

Однако — если выйти за пределы строго репрезентативистских подходов — следует обратить внимание на то, что картографичность человеческого мышления и действия может рассматриваться и как одна из существенных черт или признаков человеческих онтологий. Иначе говоря, способность к «картографированию» окружающей действительности могла быть сформирована уже на первых этапах человеческой эволюции. Несмотря на то, что понятие ментальных карт было введено впервые после опытов с животными, именно человек и человеческие сообщества осознают и осмысляют глубинную, внутреннюю «картографичность» своего бытия в различных его аспектах.

Пространственность — онтологический атрибут человеческого существования. Процессы и процедуры глубинного картографирования окружающей среды фиксируют повседневную пространственность бытия и в то же время создают ментальную дистанцию, позволяющую человеку осмыслить свой пространственный опыт. В известной мере можно буквально говорить о картографии самого бытия; бытие развивается, трансформируется, множится посредством своего собственного картографирования; антропологический опыт — возможно, лишь один из многих.

Телесные картографии: роль процессов детерриторизации и ретерриторизации

Картографирование можно рассматривать как одну из базовых онтологических моделей воображения, сформировавшихся в ходе человеческой эволюции и способствовавших освоению человеком земного пространства. Верно и обратное: пространственная экспансия человеческих сообществ стала необходимым условием возникновения такой онтологической модели воображения, как картографирование. В онтологическом смысле процесс картографирования можно рассматривать как глубинный фрейм, создающий

«интенсивность» поля наблюдения и действия, трансформирующуюся далее в серии взаимно упорядоченных пространственных характеристик и координат со своей собственной визуальностью и автономными знаково-символическими комплексами.

Всякое картографирование может быть основой как детерриторизации, так ретерриторизации отдельных людей и человеческих сообществ. Движения и перемещения, направленные на освоение новых пространств, связаны, с одной стороны, с ментальным отдалением, размыванием, разрушением сложившихся, устоявшихся статичных картографий уже освоенной, давно доместицированной территории, а, с другой стороны, с попытками создания новых, еще не совершенных и нестабильных, не проясненных окончательно, динамичных новых картографий, находящихся в определенной когнитивной асимметрии со старыми картографиями. Переходы от детерриторизации к ретерриторизации и наоборот сопровождаются кардинальными, зачастую конфликтными картографическими трансформациями: происходит наложение друг на друга нескольких картографий разного происхождения и различной давности, формирующиеся ментальные стратиграфии могут быть довольно не стабильными, а их, порой непредсказуемая, динамика вести к серьезным внутренним и внешним конфликтам — как экзистенциальным, так и вполне реальным.

Такие асимметричные наложения различных картографий могут быть характерны не только для окружающей отдельных людей и человеческие сообщества действительности, но и для их телесностей. Картографии тела и телесности могут рассматриваться как «внутренние» или «дополнительные», однако без них невозможно говорить о исчерпывающей, полной картографичности бытия. Пространства тел и телесностей являются не только полем имманентности для соответствующих картографических интенций, направленных вовне, но и конкретной «сценой» трансцендентности, постоянно «производящей» онтологические различения в качестве основы для формирования новых телесных картографий.

Карта как феномен плоской метаонтологии

Феноменологии различных телесностей создают возможности для построения как своего рода имманентных, «внутренних» картографий, ориентированных на выявление дифференциаций земного пространства в контексте множественных онтологий, сосуществующих друг с другом — так и трансцендентных, «внешних» картографий, направленных, как правило, на формирование единой онтологической реальности — в той мере, в какой она может вытеснять, по тем или иным причинам, другие конкурирующие реальности. В медиальной плоскости трансцендентные картографии доминировали б*о*льшую часть документированной истории человечества в силу необходимости создания единого образа реальности в рамках успешно развивавшихся человеческих сообществ; процессы социализации вели к образованию трансцендентных дискурсов, среди которых одним из базовых стал со временем и картографический дискурс. Тем не менее, имманентные, низовые, латентные картографии всегда остаются существенным компонентом человеческих представлений, создавая онтологическую «почву» как для постоянной корректировки господствующих картографических дискурсов, так и для обеспечения устойчивого феноменологического «воспроизводства» отдельности, единственности и «друговости» уникальных телесностей.

Картографические дискурсы как таковые являются феноменологическим «мостиком» между телесностями и планетарностями. Языки отдельных картографий формируют разнообразные пространства плоских онтологий (Деланда 2018: 20–21; Писарев, Астахов, Гавриленко 2017; Головашина 2021), в рамках которых с помощью специфических семиотических систем уравниваются и соотносятся многочисленные «географизирующиеся» объекты: заливы и горы, города и климатические зоны, транспортные пути и места битв, области обитания животных и месторождения полезных ископаемых. Несмотря на то, что все эти объекты могут быть классифицированы, типологизированы и «взвешены» в своих категориях, любая карта всегда выступает как феномен определённой плоской метаонтологии среди других метаон-

тологий — по сути, представляя собой уникальный элемент, «кубик», фрагмент совершенно различных географических представлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Головашина О. Событие как объект: к плоской теории событий // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 89–106.

Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь, 2018.

Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. 2017. Т. 27. №. 1 (116). С. 1–40.

К.В. Иванов

РУССКИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЧЕРТЕЖ XVII ВЕКА — РАБОТА ВООБРАЖЕНИЯ ИЛИ ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ?

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и (в гораздо меньшем количестве) в некоторых других архивах хранится множество документов, содержащих изображение участков земной поверхности. Они начали привлекать внимание исследователей еще со второй половины XIX в. (см. подробный историографический обзор: Яковлев 2019), однако впервые их систематическим изучением занялся В. С. Кусов (Кусов 1989; Кусов 1993; Кусов 2003; Кусов 2004). Именно он ввел в научное употребление термин «русский географический чертеж» (РГЧ), сначала определив его как: «…изображение части поверхности земли, выполненное без строгой математической основы, но обладающее значительной информацией о качественных сторонах изображаемой территории» (Кусов 1989: 3), а затем уточнив это определение: «…графическое изображение части пространства, как правило, дневной поверхности земли, выполненное в своеобразной манере, почти всегда без строгой математической основы, но обладающее значительной качественной информацией об изображаемой территории» (Кусов 1993: 3).

В.С. Кусов, как он сам пишет, «учел» 1173 чертежа (Кусов 1989: 8). В настоящее время в рамках совместного проекта РГАДА и Лаборатории исторической геоинформатики Института всеобщей истории РАН подавляющее большинство чертежей оцифровано с высоким разрешением, привязано к отображаемым ими географическим участкам виртуальной

карты земной поверхности и размещено в электронной геоинформационной системе (веб-ГИС) на сайте: http://rgada.info/geos2/. Данные указанного сайта находятся в свободном доступе. Таким образом, были созданы почти идеальные условия для дальнейшего изучения этого, по всей видимости, автохтонного явления российской культуры периода Московского государства. Тем не менее, как справедливо замечает В.О. Яковлев, «…известные на сегодняшний день русские географические чертежи в той или иной степени описаны и опубликованы, однако комплексно не изучены» (Яковлев 2019: 15). Я попытаюсь обозначить возможные подходы к изучению указанных графических документов.

Справедливости ради следует отметить, что была как минимум одна попытка комплексного изучения РГЧ, предпринятая американским историком Валери Кивельсон (Кивельсон 2012). В.О. Яковлев полагает, что многие утверждения Кивельсон «носят неоднозначный и спорный характер» (Яковлев 2017: 14). Вероятно, так оно и есть, хотя сам замысел Кивельсон представить предмет картографирования РГЧ не просто как важные детали абстрагированного ландшафта, а как выражение сложного комплекса переживаний, включающего в себя эмоциональное отношение московитов к месту своего обитания, эсхатологические религиозные устремления, граничащие с мессианством и являющиеся одним из важных поводов к экспансии, а также эстетическое любование природным миром делает эту книгу интересной для прочтения в контексте именно воображаемых картографий.

На мой взгляд, одним из препятствий, мешающих полноценному изучению РГЧ, является преувеличенное представление об однородности российских графических изображений XVII века. По всей видимости, это искаженное восприятие РГЧ стало результатом того, что изначально они были определены по принципу противопоставления «другой» картографической традиции западноевропейских стран. Но это «единство» носит исключительно номинативный характер и совсем не исключает тонких внутренних нюансировок во всей совокупности РГЧ. При ближайшем рассмотрении можно увидеть, что, на самом деле, чертежи не

образуют единого «корпуса» в семиологическом смысле этого слова. Более того, они несут в себе следы определенного культурного сближения с некоторыми западноевропейскими изобразительными практиками. К таковым следует отнести, например, планы городов и крепостей, обильно представленные в РГЧ и дополненные такой специфической российской топонимикой, как тюрьмы и остроги. В изображениях такого типа при сравнении их с западноевропейскими образцами можно увидеть больше сходств, чем различий.

Поэтому неверно, на мой взгляд, говорить об РГЧ как о продукте единой культурной практики, что, в частности, делает В.С. Кусов, пытаясь вводить иерархическое четырехуровневое масштабное деление, как будто бы все чертежи изготавливались одним и тем же штатом специалистов по одной и той же методике (Кусов 1989: 14). Гораздо логичнее видеть во всей совокупности РГЧ не один, а несколько корпусов, каждый из которых обладал собственной функциональной согласованностью. Если пытаться вводить подобные разграничения, то можно увидеть следующие самостоятельные категории чертежей. Во-первых, как уже говорилось, это планы городов, крепостей, тюрем, острогов и монастырей; во-вторых, приграничные территории, охватывающие широкие пространства (размером с уезд и более); наконец, в-третьих, это графические освидетельствования межевания. Эта категория самая многочисленная. Она представляет собой чертежи относительно небольших участков земной поверхности, примерно совпадающие по размерам с территорией двух или трех земельных владений. Существенным элементом этих изображений является так или иначе обозначенная межа.

Такое разграничение существенно облегчает анализ РГЧ, поскольку позволяет обнаружить в них функциональные элементы, тесно сопряженные с практикой их использования. Главное, нельзя сравнивать чертежи, принадлежащие к разным категориям. Внутри одной категории они вполне поддаются функциональному описанию. Продемонстрируем это на примере наиболее распространенного типа РГЧ — чертежей размежеванных владений. На первый взгляд, они

могут показаться вполне фантастичными: обилие буквальных изображений деревьев и детально проработанные изображения построек; обозначение деревень правильными окружностями, внутрь которых вписаны их названия и имена владельцев; отсутствие масштабной линейки и какой бы то ни было координатной сетки и т.д. Некоторые чертежи представляют собой небрежный набросок, а некоторые — высокохудожественные произведения с прекрасной графикой и колористикой. При ближайшем знакомстве, первое, в чем мы усомнимся, это в постулированном В.С. Кусовым «отсутствии строгой математической основы». На самом деле, чертежи изобилуют перечислением расстояний в саженях, а если нет, то имеются основания полагать, что эти расстояния (равно как площади в четях и десятинах) были перечислены в других документах, используемых совместно с чертежом.

Чтобы понять это, нужно вспомнить, что причиной изготовления межевых РГЧ были судебные разбирательства, касающиеся оспариваемых прав собственности на те или иные территории. Об этом имеются прямые свидетельства. Например, в указной грамоте от 18 сентября 1541 г. о расследовании тяжбы в Алексине между князем Иваном Волконским и княгиней Марьей Волконской великий князь Иван Васильевич поручает некоему Ивану (фамилия которого повреждена в списке) произвести межевание, а если они выразят несогласие («А о чем ся сопрут»), составить чертеж угодий и представить его в Москву (Акты 1997: 39–40). Чертежи изготавливались только в том случае, если тяжущиеся не могли договориться о взаимно их устраивающем размежевании на месте (в присутствии государственного чиновника); тогда решение по их делу принималось в столице, где чертеж служил наглядной иллюстрацией разногласий. Мне кажется ошибочным представление о том, что если у карты (или чертежа) нет легенды, то из этого автоматически вытекает отсутствие какой-либо вербальной коммуникации, сопряженной с практикой картографирования. Совсем наоборот. Чертежи обладали перегруженной «легендой», но излагалась она не на самом чертеже, а в документах, к которым они прилагались в качестве визуализирующих свидетельств.

Кроме того, на межевых РГЧ можно различить некоторые признаки сложившихся номенклатурных единиц или, если угодно, «топографических знаков». Объем сообщения не позволяет описать их подробно, но, скажем, правильные окружности деревень и пустошей могут быть прочитаны в том числе как особый код, аналогичный точке локализации на западноевропейских картах. Вероятнее всего, деревня (пустошь) не воспринималась как что-то отделенное от своего окружения. Документы сохранили описание трех видов недвижимой собственности: пахотной земли (измерялась в четях и десятинах), лугов (измерялись в количестве «копен» накашиваемой травы) и лесов (в десятинах), что образно фиксировалось в часто повторяемой юридической формуле: «куды истари плуг и коса и топор ходили». Окружность осуществляла формальную привязку очерченной (отмежеванной, «разъеханной») территории к обитаемой области владения, то есть буквально помечала область местожительства людей — актуального (деревня) или заброшенного (пустошь). Если населенный пункт был селом, то круг устойчиво замещался двойным рядом домиков и тщательно прорисованной церковью. Любая карта неизбежно задействует воображение, но в случае длительных (для РГЧ — не менее 200 лет) практик употребления она неизбежно складывается в особую семиологическую систему, которую, как правило, возможно расшифровать.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Сборник документов / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. В 4-х т. М., 1997. Т. 1.

Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012.

Кусов В.С. Картографическое искусство Русского государства. М., 1989.

Кусов В.С. Чертежи Земли Русской: Каталог-справочник. М., 1993.

Кусов В.С. Памятники отечественной картографии: Учебное пособие. М., 2003.

Кусов 2004. *Кусов В. С.* Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описания землевладений. В 2-х т. М., 2004.

Яковлев В.О. К вопросу о степени изученности и методологии исследований корпуса русских географических чертежей XVI–XVII вв. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 7–18.

Т.М. Калинина

НАРОДЫ ГОГ И МАГОГ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ КАРТАХ

Образ реального или воображаемого пространства любого региона Земли в представлении средневекового человека нередко зависел от мифов, которые играли важную роль в людском мировоззрении. Информация об ареале воображаемой территории была связана с устоявшейся традицией, зачастую основанной, в свою очередь, на нарративе вымысла (Гуревич 1984: 43–47; Замятин 2006: 21–84; Калуцков 2012: 64).

В генеалогических и эсхатологических сказаниях христианства есть персонажи и народы по имени Гог и Магог (Быт. 10:2; I Пар. 1:5; Иез. 38:1, 2–3, 14–16; Откр. 20:7–10). Нашествия гуннов и других кочевников через ущелья Кавказского хребта в области Междуречья вплоть до Средиземного моря связались в народном сознании с библейскими сюжетами о Гоге и Магоге. К этим веяниям присоединились греческие сказания об Александре Македонском. «Роман об Александре» Псевдо-Каллисфена и его разные варианты I–IV вв. распространились во многих версиях и языках на востоке и западе мира (Бертельс 1948: 10; Gog and Magog 2009: 16–17). В сирийской литературе образовался свод, состоящий из версии романа Псевдо-Каллисфена, краткого извлечения из него, христианской легенды об Александре, стихотворной гомилии, ошибочно приписываемой Иакову Серугскому (ум. 621 г.) (Пигулевская 2000: 416–430; Zade 2009: 106–107; Kotar 2013; Selden 2021: 36, 38). В них речь шла о походах Александра Македонского, защитника народов, построившего барьер от врагов в горах Кавказа. Этот персонаж, впрочем, не имел ничего общего с реальным царем Александром Македонским.

В древнейших греческих, латинских, армянских версиях не встречаются имена Гога и Магога (Gog and Magog 2009: 17). Только в сирийском «Сказании об Александре Македонском» и стихотворной гомилии появляются народы Гог и Магог, Агог и Магог, рассказывается о постройке железных ворот (Пигулевская 2000: 423; Gog and Magog 2009: 18–20). Слияние литературного мотива о барьере Александра с библейской традицией апокалиптических народов Гог и Магог появилось именно в сирийской литературе и оказало большое влияние на Коран, хадисы и арабскую литературу (Пигулевская, 2000: 427; Anderson: 1932; Doufikar-Aerts 2020: 392–393; Gog and Magog 2009: 18–21).

Согласно Корану, народы Йаджудж и Маджудж (Гог и Магог) обнаружил Зу-л-Карнайн — «Двурогий», то есть ходивший от одного конца света на западе до другого на востоке, хотя есть и иные версии (Пигулевская 2000: 427–428; Крачковский 1986: 572. Прим. 24; Horovitz 1926: 150–151).

По данным Корана (суры «Пещера»: 18, 83–97 и «Пророки»: 21, 96–97), Зу-л-Карнайн встретил некий народ, который соседствовал с нечестивыми Йаджудж и Маджудж там, где восходит солнце. В хадисах, произведениях толкователей Корана и у большинства арабских литераторов эти народы располагались там же (Anderson 1932). Астроном ал-Фергани (IX в.) при описании климатов (широтных зон) начинал отсчет пятого, шестого, седьмого «иклимов» и области «за седьмым климатом» с востока от страны Йаджудж (Ал-Фергани 1669: 38; Калинина 1988: 129–130), без упоминания барьера Зу-л-Карнайна. По такой же схеме, но с изменениями и дополнениями, описывали Йаджудж и Маджудж в X в. и позднее представители описательной географии: Ибн Руста, ал-Мукаддаси, ал-Мас‘уди, неизвестный автор общества «Чистые братья и верные друзья», ал-Бируни и многие другие. Ал-Йа‘куби (IX в.) считал Йаджудж и Маджудж потомками Йафета, живущими на востоке Земли, в стороне тюрков (ал-Йа‘куби 1883: 13). Ибн ал-Факих (писал в 903 г.), описывая Землю как птицу, отметил, что ее левое крыло (то есть восток) — это ал-Хазар, за ними Маншак и Машак, далее — Йаджудж и Маджудж (BGA V: 3). Этими именами отнюдь не

ограничивается перечень арабских литераторов, упоминавших о Йаджудж и Маджудж на востоке.

Многие ученые уделяли бóльшее внимание преграде, выстроенной Зу-л-Карнайном против этих народов. В «Книге путей и стран» Ибн Хордадбеха (IX в.) сохранился рассказ, повторенный затем целым рядом восточных писателей, о поездке Саллама ат-Тарджумана («переводчика»), по приказу халифа ал-Ва<u>с</u>ика, к преграде, воздвигнутой <u>З</u>у-л-Карнайном, дабы удостовериться в ее прочности (BGA VI: 162–170; Ибн Хордадбех 1986: 129–133; Zade 2011: 38–44, 51 et passim).

Местоположение этих народов и преграды на картах появилось не на много позднее, чем описания. Ученый ал-Хорезми (ок. 783–ок. 850) в «Книге картины Земли», основанной на «Географии» Клавдия Птолемея, ввел имена Йаджудж и Маджудж, определив этим областям места в самых отдаленных «климатах» — шестом, седьмом и «за седьмым», хотя в книге Птолемея не назывались Гог и Магог (Ал-Хорезми 1929: 32, 34, 37 и далее). Реконструкция данных ал-Хорезми указывает на крайний восток Земли.

Однако не все арабские географы говорили о востоке как местонахождении Йаджудж и Маджудж и запиравшего их барьера. Несохранившаяся книга «Изображение климатов» ал-Балхи (920–922 гг.) состояла из собрания карт с пояснительными текстами. В некоторых хранилищах имеется круглая карта мира, которую часть исследователей считает принадлежащей именно ему; там народы Йаджудж и Маджудж показаны на севере обитаемой Земли. На карте последователя ал-Балхи ал-Истахри (первая половина X в.) повторены такие данные. Его младший современник Ибн Хаукал переработал и изменил труд ал-Истахри. Ибн Хаукал, кроме общих с ал-Истахри сведений, упоминал о торговле русов с людьми Йаджудж, о трудности пути через горы к этим народам. На картах ал-Истахри и Ибн Хаукал располагали Йаджудж и Маджудж в стороне севера, вблизи земель славян и кимаков, а также северного берега Окружающего океана (BGA I: 7, 9; BGA II^2: 12, 14, 202, 281, 392). Эти географы не писали о поездке Саллама ат-Тарджумана и о барьере Зу-л-Карнайна.

Анонимная «Книга чудес и диковины виденного воочию» XI в. содержит прямоугольную карту обитаемого мира. В нижнем левом углу ее на краю обитаемых земель видна стена и ворота Зу-л-Карнайна позади реальных объектов: реки Джайхун (Амударьи) и города Тараз на реке, вытекающей от стены Йаджудж и Маджуж (An Eleventh-Century 2011: 428, notes 274, 275; Go and Magog 2009: 179–180).

Географ и картограф XII в. ал-Идриси упоминал страну Йаджудж и Маджудж в связи с территориями севера или северо-востока обитаемой земли, оговариваясь, что он не обладает новыми известиями (Коновалова 2006: 187). Описывая Море Индии и Китая (*ал-Хинд ва ас-Син*, то есть часть Индийского океана), он упомянул о соприкосновении его на севере с Окружающим океаном рядом с областью Йаджудж и Маджудж. На двух картах показан барьер и ворота против Йаджудж и Маджудж, в относительной близости «булгар» и «тюрок адкиш» (Zade 2009: Plate 6b, Plate 7).

Кроме делений на семь климатов, арабы восприняли персидскую традицию деления Земли на семь *кешваров* — кругов, расположенных вокруг центрального четвертого кешвара (Ирак или Вавилон). В центре каждого круга находилось название тех стран, которые считались главными. Такую систему описал ал-Мас‘уди (X в.) и показал ал-Бируни (XI в.). На иллюстрациях нижний круг (шестой кешвар) был назван именами Йаджудж и Маджудж; в одних сохранившихся схемах внутри показаны только хазары и тюрки, на других — хазары, тюрки, гузы, хирхизы, кимаки, русы, славяне (*сакалиба*) (Абу Райхан Беруни 1966: 115; Zade 2009: 85).

Таким образом, представления арабских географов и литераторов о народах Йаджудж и Маджудж в ряде случаев показывают осознание мифа как реальность, как переход от мифического образа к действительности. Однако в основном образы Йаджудж и Маджудж были конструктами, создававшимися как в народной, так и в ученой среде Халифата.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения. Ташкент, 1966. Т. III.

Бертельс Е Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.; Л., 1948.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Наили Велихановой. Баку, 1986.

Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Калуцков В.Н. Географические подходы к созданию историко-культурных образов // Культура и пространство: Историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. Ростов-на-Дону, 2012. С. 58–82.

Крачковский И.Ю. Комментарий // Коран / Пер. и комм. акад. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986.

Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.

Anderson A.R. Alexander's Gate, Gog and Magog and inclosed Nations. Cambridge (Mass.), 1932.

BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum.

BGA I — Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870.

BGA II² — Opus geographicum auctore Ibn Haukal... / J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.

BGA V — Compendium libri Kitab al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhânî / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885.

BGA VI — Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordâdhbeh... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.

Doufikar-Aerts F. Gog and Magog Crossing Borders: Biblical, Christian and Islamic Imaginings // Cultural History of Apocalyptic Thought / Ed. by C. Feik, V. Wieser, Ch. Zolles, M. Zolles. Oldenburg, 2020 . P. 390–414.

An Eleventh-Century Egyptian Guide to the Universe. The “Book of Curiosities”/ Ed. with an annot. and transl. by Y. Rapoport., E. Savage-Smith. Leiden; Boston, 2014.

Gog and Magog in Early Syrian and Islamic Sources. Sallam Quest for Aleksander’s Wall / Ed. by Van Donzel E., Schmidt A. Leiden; Boston, 2009.

Horovitz J. Koranische Untersuchungen. Berlin; Leipzig, 1926.

Ibn Wadhîh qui dicitur al-Jaʻqûbî Historiae. Leiden, 1883. T. I.

Das Kitab Surat al-ard des Abu Ǧaʻfar Muhammed Ibn Musa al-Huwarizmi / H. v. Mžik. Leipzig, 1926.

Kotar P. Der syrische Alexanderroman: eine Untersuchung über die Beziehungen des syrischen zum griechischen Alexanderroman des Pseudo-Kallisthenes. Hamburg, 2013.

Muhammedis Filii Ketiri Ferganensis qui vulgo Alfraganus dicitur. Elementa Astronomica, arabice et latine. Amstelodami, 1669.

Selden L. Mapping the Alexander Romance // The Alexander Romance in Persia and the East / Ed. by R. Stoneman, K. Erickson, I. Netton. Groningem, 2012 P. 19–59.

Zadeh T. Mapping Frontiers across Medieval Islam. Geography, Translation and the ‘Abbasid Empire. London, 2011.

В.Н. Калуцков

TERRA INCOGNITA И ГЕОГРАФИЯ ВООБРАЖЕНИЯ

Terra incognita — одно из важнейших понятий географии и картографии воображения. Сыграв огромную роль в развитии географии и в истории Великих географических открытий, в мировоззренческом аспекте *Terra incognita* выступает важной — периферийной — частью любой географической картины мира. Будучи пространственной зоной воображения, она обладает огромным культурным потенциалом. При этом в зависимости от культуры ее конкретное предметное наполнение разное (фантастические обитатели и придуманные страны) и меняется исторически. В ситуации ребрендинга территорий рассматриваемое понятие имеет большие перспективы. Один из первых, кто в литературе использовал образный потенциал этого понятия, был В.В. Набоков, написавший рассказ, который так и называется — *Terra incognita*.

1. **Гносеологический аспект: *Terra incognita* (Земля Незнаемая) — зона географического незнания.** Представление о Земле Незнаемой сыграло огромную роль в развитии географии, подготовив гносеологическую почву для эпохи Великих географических открытий. Для развития мировой географии оно явилось научным катализатором, определяя направление географического поиска, ориентируя географов на открытие, картографирование и описание новых стран.

Изображенная на географических картах, зона *Terra incognita* будоражила воображение не только географов, но и авантюристов, предпринимателей, искателей приключений.

Так, Неведомую Южную Землю (*Terra australis incognita*), показанную еще на карте Птолемея, искали почти 15 столетий, пока не открыли Австралию. Неудивительно, что в течение столетий география, обладая высоким общественным авторитетом, была воистину царицей наук.

Однако к первой половине XX века все неизвестные области на Земле были открыты. К примеру, последние крупные географические открытия в СССР были сделаны в 1930-х годах, когда экспедиция Г.А. Ушакова составила точную карту архипелага Северная Земля. Представление о *Terra incognita*, казалось бы, навсегда потеряло свое значение для географии. Однако, утратив гносеологическое значение для географии, понятие *Terra incognita* сохранило важный мировоззренческий статус.

2. **Мировоззренческий аспект: *Terra incognita* (Земля Неведомая) как периферийная часть любой географической картины мира.** С позиций культурной географии Земля Неведомая хорошо встраивается в пространственную структуру любой национальной географической картины мира, которую можно представить в виде трех вложенных друг в друга концентрических окружностей: Земля Знаемая, центральная пространственная зона географической картины мира, переходная зона и расположенная на периферии, наиболее удаленная от центра Земля Незнаемая / Неведомая (Илл. 1).

Илл. 1

Принципиальная пространственная структура национальной географической картины мира

Расположенная в центре географической национальной картины мира Земля Знаемая выстраивается преимущественно на основе **географического знания.** Так, на картах мира античного, средневекового и нового времени центральная зона заполняется изображениями реальных стран, народов, городов, морей, рек с точностью до уровня географического знания времени составления карты. При этом конфигурации географических объектов, как правило, соответствует их реальным очертаниям.

Вторая — переходная — зона, которую можно назвать **зоной геокультурной турбулентности**, содержит как реальные, так и мифологические характеристики.

В основании третьей пространственной зоны, зоны Земли Неведомой, расположенной на границе географической картины мира, лежит... **географическое воображение** (Harwood 2006). Это удаленная от центра мировосприятия пространственная зона, всегда расположенная на краях карты, то есть на границах обитаемого мира, заполнялась другими сущностями — мифологическими людьми и животными, неведомыми землями, фантастическими морями и реками.

К примеру, на известной карте Э. Дженкинсона, которая характерно называется Картой Московии и Тартарии, Московия выступает в качестве переходной зоны в западной картине мира, а Тартария — в качестве зоны *Terra incognita* (Postnikov 1996: 14). В первом случае реальные и фантастические характеристики перемешаны; применительно к Тартарии (на карте она охватывает степную часть Европейской России и Сибирь) преобладает неточная географическая конфигурация объектов, показаны несуществующие народы и их обычаи.

3. «Заполнение» *Terra incognita* в разных национальных картинах мира. Важно осознавать, что древние и современные (!) картографы, будучи частью национального сообщества, отражают существующие в обществе культурные реалии. Картографы во многом сами способствовали развитию географического воображения применительно к пространственной зоне *Terra incognita*. На своих картах они часто «заполняли» пустую «клеточку» Земли Неведомой

изображением фантастических животных — драконов, львов и т.п. (Harwood 2006). Подобная традиция, несомненно, с одной стороны, локализовала существующие в обществе мифы, с другой стороны, будила и усиливала потенциал воображения общества.

Отметим, что в каждой национальной географической картине мира оформлялись и развивались свои мифологические страны и народы. Так, среди наиболее известных мифологических стран в западной географической картине мира были Атлантида, Земля пресвитера Иоанна, Тартария. В русской картине мира в качестве таковых выступали Беловодия, светлый град Китеж, на начальных этапах русского освоения — Сибирь. Интересно, что в России миф Тартарии не имел такого значения, как в Европе (Postnikov 1996; Фоменко 2020). Одна из важнейших причин такой ситуации — геокультурная: тартарский миф был придуман в Европе и локализовывался в восточной части России, «неведомой» дальней земли на краю европейского мира (Калуцков 2018).

Все названные страны объединяет то, что в реальность их существования верили не одно столетие, эти страны описывались в научных трудах и изображались на многочисленных географических картах, но — главное — эти мифологические страны всегда размещались на краях знаемого мира, в пространственной зоне *Terra incognita*.

В современных географических картинах мира пространственные мифы, связанные с *Terra incognita*, оказывают большое воздействие на восприятие стран и на политические предпочтения. К примеру, сильный негативный образ Тартарии, устойчиво связанный с образом России, стал одной из причин негативного восприятия страны в западном мире.

4. ***Terra incognita* как основа ребрендинга российских территорий.** *Terra incognita* представляет собой пространственный сосуд, наполняемый культурно сообразным географическим воображением. С учетом размеров страны и удаленности многих ее регионов от центра для ребрендинга возможно использование как укорененных в культуре образов мифологических стран (типа Китежа или Беловодии) и их фантастических обитателей, так и новых географических образов.

В этих разработках необходимо опираться на гигантский ресурс, накопленный гуманитарными науками — топонимикой, диалектологией, этнографией, фольклористикой, исторической географией и картографией, включая сведения о культурно сообразных региональных пространственных мифах. В таком контексте большим потенциалом обладают старые карты с локализованными на них пространственными мифами.

Заключение. Итак, любая географическая картина мира предполагает наличие трех основных пространственных зон — центральной зоны («Земля Знаемая»), пограничной зоны геокультурной турбулентности и *Terra incognita* («Земля Неведомая»).

Именно здесь, в зоне Земли Неведомой, контакты с которой минимальны, создаются идеальные условия для географического воображения. Выражаясь иначе, можно утверждать, что ***Terra incognita*** представляет собой **идеальное местообитание** для жизни и постоянного обновления **пространственных мифов**, включая представления о неведомых животных, «чудесных» народах и мифологических странах.

Это происходит и в наши дни. И хотя мы не встретим на современных географических картах надписи *Terra incognita*, тем не менее в современной географической картине мира любого народа она присутствует, по-прежнему охватывая наиболее удаленные страны и народы и наделяя их фантастическими далекими от реальности свойствами. Данное обстоятельство может и должно выступать важной основой ребрендинга территорий.

БИБЛИОГРАФИЯ

Калуцков В.Н. Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare, или о судьбе одной мифологической страны // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 93–105.

Фоменко И.К. «Страна чудес». Россия на старинных картах (XIII–XIX вв.). М., 2020.

Harwood J. To the ends of the Earth: 100 maps that changed the world. Hong-Kong, 2006.

Postnikov A. Russia in maps: a history of the geographical study and cartography of the county. Moscow, 1996.

М.М. Киктева

СТРАНА МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ НА ЯПОНСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТАХ РУБЕЖА XVIII–XIX ВЕКОВ

СОЧЕТАНИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ БУДДИЙСКОЙ, ЕВРОПЕЙСКОЙ И ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ КОСМОГРАФИИ

Для Японии на протяжении практически всей истории характерно заимствование, переосмысление и сочетание с автохтонными иноземных космологических и космографических моделей. Если до XVI в. основными источниками заимстований были Китай и Индия (через Китай), то с приездом первых миссионеров в Японию начинают проникать европейские географические представления и космологические модели. В период закрытия страны *сакоку* (1641–1853), когда контакты с европейцами были строго ограничены, а все письменные материалы, имеющие отношение к христианству, были запрещены к ввозу, поток информации о европейских научных достижениях и географических сведениях, тем не менее, не иссякает. Элементы европейских географических представлений случайными образом или намеренно включаются в существовавшие на тот момент космологические модели или полностью заменяют их. В этой работе на примере страны маленьких людей Сёнинкоку мы проследим взаимное влияние традиционных дальневосточных и европейских географических представлений и визуальное отображение их взаимодействия на картах второй половины XVIII – начала XIX века.

В Японии эпохи Токугава (1603–1868) сосуществовали три основных модели представления о внешнем простран-

стве. Это буддийская космологическая модель, модель *сангокукан* (мир, состоящий из трех частей: Индии, Китая и Кореи и Японии) и китайские представления о других странах, изложенные в многочисленных географических сочинениях и трактатах, описывающих обитателей окружающих стран, по большей части вымышленных. Что касается графического изображения мира, модно выделить две основные картографические традиции. К первой мы можем отнести карты мира, которые переносят на плоскость буддийские космологические представления, дополняя их новыми землями, сведения о которых почерпнуты из европейских книг или карт. Ко второму типу — японские карты европейского типа, созданные на основе перевода карты мира Маттео Риччи (1552–1610).

С развитием коммерческого книгопечатания и ростом интереса к окружающему миру в Японии эпохи Токугава увеличивались объемы печати карт. Карты печатались как для нужд правительства, так и в ответ на запрос со стороны грамотных слоев городского населения. Коммерческие карты мира печатали в складном формате и окружали объемным сопроводительным текстом, а также помещали в популярные энциклопедии наряду с картами столиц и изображениями известных мест. Неотъемлемой частью карт Японии и карт мира было изображение на них вымышленных стран и народов. Большинство карт, которые были доступны горожанам низших сословий и оказывали влияние на фомирование представлений о внешнем мире, основываются на копиях карты Маттео Риччи, которая была издана в Пекине в 1602 г. и была хорошо известна в Японии с начала XVIII века. Карты этого типа являют собой наглядную иллюстрацию неосознанного комбинирования элементов различных географических моделей. Примером подобного сочетания может служить изображение страны маленьких людей Сёнинкоку на подобных картах.

Маленькие люди или карлики, *кобито* или *сёнин*, — обитатели вымышленной страны, которые часто становятся героями популярной развлекательной литературы эпохи Токугава. Образ маленьких людей своими корнями уходит в

древнекитайские географические трактаты. Упоминание об этом народе и его стране есть в «Каталоге гор и морей» (рубеж н.э.), в «Трактате о земле» (642 г.), в «Сансай тухуэй» (1609) и многих других. В китайских источниках страна карликов описана с небольшими вариациями как земля, лежащая за морем на востоке, о ее обитателях говорится, что они малы ростом и всегда ходят взяшись за руки, чтобы их не утащила гигантская птица. Японские географические описания практически дословно повторяют эти описания и точно копируют изображения карликов. Описание этого вымышленного народа можно видеть в энциклопеции «Вакан сансай дзуэ», составленном в 1712 г. Тэрасима Рёан, в иллюстрированной энциклопедии «Куммодзуи», изданной в 1666 г. Накамура Тэкисай (1629–1702), в книге о дургих странах и их обитателях «Икоку моногатари». Кроме описаний, основывающихся на китайских памятниках, есть и немногочисленные примеры обращения к европейским географическим представлениям и мифам. Так, в книге Нисикава Дзёкэн (1648–1724) «Дополненные записки о торговле с варварами» (1708) в последнем томе среди разделов о европейских народах помещено описание страны маленьких людей без иллюстрации. О самой стране и ее обитателях сказано, что она находится к северу от Поториа, Польши. В стране много оленей, на них ездят. Мужчины и женщины одинаковые, величиной 2 сяку (около 60 см). Бровей и волос на голове нет. Мацуо Рюносукэ видит в этом описании смешение представдений о северных народах и сведений из популярной книги о путешествиях XIV в. «Приключения сэра Джона Мандевиля». Описание содержит также элементы легенды о борьбе пигмеев и журавлей, которая упоминается в «Илиаде» Гомера. Таким образом, в письменных источниках описание карликов и их страны за редкими исключениями основывается на китайских представлениях.

Создавая карту мира на китайском языке, Маттео Риччи руководствовался методами иезуитов и стремился вписать элементы традиционного китайского взгляда на географическое устройство мира в христианскую или европейскую модель. Примером этого метода может стать изображение на

карте страны маленьких людей Сёнинкоку как традиционного элемента китайских географических представлений. Маттео Риччи поместил страну маленьких людей в северную часть Европы — вероятно, имея в виду скандинавские легенды и сказания. Другой пример подобного умышленного переосмысления традиционной китайской географической модели — страна великанов Тёнинкоку. Маттео Риччи помещает ее в Патагонию, которая ассоциировалась с великанами в европейской традиции.

Авторы карт, копировавшие карту Маттэо Риччи, полностью или частично, также помещали землю карликов и землю великанов не в традиционные для них места, указывавшиеся в письменных китайских источниках. Примером такой карты может служить карта мира Нагакубо Сэкисуй (1717–1801), считавшаяся одной из самых современных и пользовавшаяся уважением и авторитетом в свое время. Еще один пример — карта мира, помещенная в начале сочинения Нисикава Дзёкэн. Другой пример — карта мира из энциклопедии «Токай сэцуё хяккацу» (1801). Последние две представляют собой типичный для своего времени пример переплетения географических концепций — на них можно видеть графическую интерпретацию буддийского взгляда на мир с центром в Тэндзику (Индия) и одним материком, вписанную в европейскую карту мира.

Примечательно, что популярные энциклопедии, в которые помещали карты мира, были наполнены поучительным содержанием неоконфуцианского толка, что соответствовало официальной идеологии того времени. Поэтому представляется возможным предположить, что их авторы не умышленно помещали в них элементы китайской космологии переосмысленные посредством христианских и европейских мифологических концепций.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисл., пер. и комм. Э.М. Яншиной М., 2004.

Нисикава Дзёкэн. Ёндзиникоку дзимбуцусэцу [Пояснение об обитателях сорока двух земель]. Эдо, 1720.

Такаясу Рооку, Мацуни Додзин, Нива Токэй. Токай сэцуё: хяккацу: [Полезная энциклопедия для горожан]. Осака, 1819.

Терасима Рёан. Вакан сансай дзуэ. [Японо-китайская ээнциклопедия о трёх мирах]. Осака: О:ноги итибээ. Из библиотеки университета Васэда: http://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/bunko31/bunko31_e0860/index.html

Литература:

Мацуо, Р. Сакоку-но тикю:ги. [Глобус времён Сакоку.] Фукуока: Гэнсёбо: 2017.

Половникова, Е. "Kinsei shomin no sekaizō: Setsuyōshū no sekaizu o chūshin ni." [Представление о мире у представителей низших сословий в Новое время на материале карт мира из *сэцуёсю*] // Nihon shisōshi kenkyū, no. 45 (2013): 62-93.

Kazutaka, U. Cartography in Japan // The History of Cartography: Cartography in the Traditional East and Southeast Asian Societies. Ed. John Brian Harley, David Woodward. University of Chicago Press: 1987.

Radu, Leca. The versatility of ship iconography on a 17th-century Japanese maps // Programme & Abstracts of the 26th International Conference on the History of Cartography (2015): 51

Qiong, Zhang. «Making the New World Their Own: Chinese Encounters with Jesuit Science in the Age of Discovery.» Leiden: Brill, 2015.

Yonemoto, M. Mapping Early Modern Japan: Space, Place, and Culture in the Tokugawa Period, 1603-1868. University of California Press, 2003.

С.А. Козлов

КАКУЮ РЕАЛЬНОСТЬ ОТРАЖАЕТ ЛЕТОПИСНЫЙ «ПУТЬ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»?

Главным источником наших знаний о географическом воображении автора «Повести временных лет» (ПВЛ) является ее так называемое космографическое введение и, в частности, известный пассаж о «пути из варяг в греки» (ПВГ). Это подробное, не имеющее аналогов описание содержит ряд свидетельств-указаний о северном отрезке Волховско-Днепровского пути и способах прохождения по нему, поражающих своей топографической детализированностью (Ипат., стб. 6; Лавр., стб. 7): «тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское» (пер. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова).

Проблема происхождения и датировки описания ПВГ традиционно рассматривалась в связке с последующим рассказом о путешествии по будущим русским землям апостола Андрея. Ученые по-разному оценивали историческую достоверность данного известия. Среди различных подходов к этому описанию можно выделить два направления, которые условно можно обозначить как «филологическое» и «презентистское». Представители первого акцентируют внимание на происхождении и соотношении различных редакций ПВЛ. Внутри этого направления, в свою очередь, выделяется «ультрафилологический» подход, который рассматривает ПВГ исключительно как книжный конструкт, не имеющий никакой связи с реальностью. Представители второго направления рассматривают ПВГ как позднюю проекцию ле-

тописца начала XII в. в прошлое. В рамках «презентистского» подхода ПВГ также рассматривается как конструкт, но конструкт не литературный, а идеологический.

В данном докладе мы намерены показать, почему описание ПВГ не может рассматриваться как чисто кабинетный конструкт, не основанный на личном опыте прохождения по нему, и подвергнуть ревизии ультрафилологические подходы к этому описанию и космографическому введению ПВЛ в целом, как сугубо литературной (и рукописной) реальности. Хотя в прошлом эти подходы были продуктивны и, очевидно, необходимы, теперь — в условиях прогресса социальных наук — они явно недостаточны, поскольку игнорируют культурную историю изучаемого описания. Эта история реконструируется нами в следующем виде:

1. Пассаж о ПВГ — не книжный конструкт и не рассказ «из вторых рук», например, некоего скандинавского моряка-информатора. Против первого предположения свидетельствует высокая степень географической детализации, которую невозможно обеспечить, сидя в монастырской келье, не имея под рукой дорожников, карт или подобных источников. Кроме того, такой географически детализированный «конструкт» не имеет аналогов в древнерусской литературе и его постулирование остается сугубо умозрительной гипотезой, не основанной на прямых источниках.

Против второго говорит очевидный взгляд на ПВГ «с суши» (волоки), а не «с реки/моря» (где волховские пороги? ср. описание днепровских порогов: Const. Porph. *DAI*, cap. 9.24–65). В историографии уже обращалось внимание, что «волок» в рассказе о ПВГ слишком велик, чтобы быть волоком корабельным (где упоминание о Западной Двине, лежащей между Ловатью и Днепром?). Речь идет, скорее, о сухопутном пути через обширное водораздельное лесное пространство и одновременно о самом этом пространстве («средневековый волок — это дорога через водораздел и связанные с ней поселения, одиночные или образующие гнезда», по определению исследователя северорусских волоков Н.А. Макарова: 1997: 103).

Известный по древнескандинавским текстам годологический принцип также не может служить доказательством в пользу гипотезы о книжном характере описания ПВГ: хотя в нем описан путь, но это описание отражает не элементы пространственного воображения скандинавов, структурированного «путями по сторонам света» (Мельникова 2006: 123–130), а реальный опыт путешествия, которое просто проходит по каким-то путям.

2. Если это не книжный конструкт и не рассказ «из вторых рук», то пассаж о ПВГ должен быть основан на личном опыте путешествия некоего книжника по этому пути. В пользу этого говорит:

а) общая концепция космографического введения ПВЛ («Откуда есть пошла Русская земля…») — масштаб замысла подобного Введения должен был соответствовать масштабу подготовительной работы, включая путешествие по «Русской земле» или, как минимум, посещение ее главных центров — Киева и Новгорода;

б) предметный интерес летописца к «местам памяти» Русской земли (Оковский лес) и региональным этнографическим деталям (археологические находки в Ладоге в известии под 6622 (1114) г.: Ипат., стб. 277–278);

в) принципиальная проходимость ПВГ: об это говорят как позднесредневековые и раннемодерные путевые описания региона (Адам Олеарий), так и современные экспедиции реконструкторов-энтузиастов. Важно подчеркнуть, что отмеченная проходимость вовсе не означает, что ПВГ активно использовался как торговая и исключительно водная магистраль, как это часто подается в историографии, но подразумевает, что по нему принципиально можно пройти в зависимости от замысла и цели путешествия.

3. По гипотезе И.С. Чичурова, пассаж о ПВГ и примыкающее к нему сказание об апостоле Андрее возникли при Всеволоде Ярославиче, по косвенным данным получившем при крещении имя Андрей (Чичуров 1990: 10). В период его киевского княжения (1078–1093) были основаны как минимум два андреевских храма — в Киеве в 1086 г. и в Переяславле в 1089 г. Кроме того, почти все известные печати Все-

волода несут изображение апостола Андрея на одной стороне и надпись «Господи, помози рабу Своему Андрею Свладу» (+K[ΥPI]E BOHΘEI TΩ ΣΩ ΔOΥΛΩ ANΔPEA TΩ ΣBΛAΔΩ) — на другой. Самые ранние изображения апостола встречаются в мозаичных панно Софийского собора, завершенных к 1046 г., и Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (1111/2 г.), он включен во все известные месяцесловы древнерусских евангелий первой половины XI — начала XII вв., а церковные службы ему есть в древнерусских рукописях конца XI в. И.С. Чичуров относил создание Сказания об апостоле Андрее к 1030-м, но Л. Мюллер датировал его появление 1080-ми гг. (Мюллер 1974: 51–58).

4. Нам известен, как минимум, один книжник, близкий семье Всеволода Ярославича и совершивший путешествие в города Северной Руси. Это анонимный составитель «ипатьевских известий» (по А.А. Шахматову, третьей редакции ПВЛ, датируемой 1118 г.), близкий к внуку Всеволода Мстиславу Владимировичу и, видимо, сопровождавший его в поездке из Киева в Новгород и Ладогу. На это указывает, с одной стороны, интерес автора этих известий к строительной деятельности Мстислава, с другой — его хорошее знакомство с северорусскими городами. Согласно Ипат., стб. 277, в 6622 (1114) г. Мстислав торжественно заложил в Новгороде новый кремль («больше прежнего») и присутствовал в Ладоге при закладке каменной крепости «на насыпи» (на расширенном насыпью Мысовом городище в устье Ладожки). Известию под 6622 г. принадлежит рассказ от первого лица о посещении Ладоги, составленный, очевидно, нашим безымянным автором. Возможно, перу того же автора принадлежит летописная вставка под 6598 (1090) г. о постройке каменной бани возле Андреевской церкви в Переяславле (Ипат., стб. 200).

5. Отдельную сложную проблему составляет вопрос о соотношении Лаврентьевской и Ипатьевской версий. В Лавр. отсутствуют известия о Мстиславе и северных городах, но есть пассаж о ПВГ и путешествии апостола Андрея. Каково соотношение между Лавр. и Ипат.? Восходят ли они к общему архетипу (например, Начальному своду или Своду 1072 г., по А.А. Гиппиусу)? О.В. Творогов предполагал, что пассаж о ПВГ

был интерполирован уже в текст Начального свода, не сохранившийся в НПЛ (Творогов 1976: 3–26). А.А. Гиппиус придерживался сходной точки зрения, но считал, что вставка была сделана в текст не Начального свода, а постулируемого им Свода 1072 г. (Гиппиус 2006: 56–96).

Таким образом, можно предположить, что автор пассажа о ПВГ и анонимный книжник, сопровождавший Мстислава Владимировича в поездке из Киева в Новгород и Ладогу, это одно и то же лицо. В пользу этого говорит не только степень географической детализации ПВГ, но и предметный интерес автора «ипатьевских известий» к этногеографии Севера, включая описание северных «диковинок», привлекших внимание выходца из Киева или какого-то другого, более южного города.

Мог ли этот автор приложить руку к составлению всего космографического введения ПВЛ? С крещением Руси и распространением христианства перед летописцем-монахом встала задача создать нарратив, вписывающий географию и историю Руси в универсальную христианскую космографию. В этой работе летописец опирался на предшествующие тексты и церковные практики, но поскольку Северная Русь никогда не была частью универсального римско-имперского (а позднее христианского) порядка и отсутствовала в античной традиции, ему пришлось как бы «дособирать» ее, опираясь на личный опыт путешествия. К аналогичному выводу приводит анализ географического описания «южной» части днепровского пути, отраженного в трактате «Об управлении империей» (Козлов 2019).

Такой вывод оставляет немного места для рассуждений о книжном характере ПВГ, о его чисто кабинетном происхождении как некоем «государствообразующем» стержне и т.п. Объяснение топографических реалий пассажа о ПВГ, в том числе волоков, следует искать не в филологической, а историко-географической реальности и, шире, в контексте пространственных практик средневековых авторов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: к 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.

Козлов С.А. Василики на путях Гардарики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 9 (83) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: https://history.jes.su/s207987840007494-2-1/ (дата обращения: 10.10.2021).

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997.

Мельникова Е.А. Росия и росы в *De administrando imperio* Константина VII Багрянородного // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация: XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто (Москва, 14–17 апреля 2009 г.). Материалы конференции. М., 2009. С. 201–209.

Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Летописи и хроники: сб. статей. 1973 г. / Ред. Б.А. Рыбаков. М., 1974. С. 51–58.

Творогов О.В. Повесть временных лет и начальный свод (текстологический комментарий) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. XXX. С. 3–26.

Чичуров И.С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России / Отв. ред. А.И. Клибанов. М., 1990. С. 9–25.

И.Г. Коновалова

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МИРА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Карта, по словам географа и историка картографии Дж.Б. Харли, служит «посредником между внутренним ментальным миром человека и внешним физическим миром» (Harley1987: 1). Это образное выражение очень точно определяет место карты — как материализованной формы пространственного мышления — в общем массиве представлений об окружающем мире, в котором собственно картографические изображения составляли лишь малую часть от совокупного объема пространственной информации, бытовавшей в различных формах, — в виде устных сведений, записок путешественников, ученых трудов, административно-политических документов, литературных произведений и т.п. Этот обширный информационный контекст, помноженный на особенности пространственного мышления в различных этнокультурных и религиозных традициях, часто недооценивается при анализе карт и их истории.

Если говорить об исламской средневековой географической литературе, то два ее ведущих направления — астрономическая (или математическая) и описательная география — начали формироваться параллельно в IX веке.

Становление астрономической географии во многом было связано с созданным халифом ал-Ма'муном (813–833) «Домом мудрости», в основу деятельности которого был положен принцип изучения и перевода трудов греческих философов и ученых. Это направление географии получило большое развитие в исламском мире, а астрономические таблицы арабо-персидских ученых-астрономов IX–XV вв. — ал-Хорезми, ал-Фаргани, ал-Баттани, Сухраба, аз-Заркали, ал-Бируни, На-

сира ад-Дина Туси, Улугбека и др. — по точности и полноте намного превзошли аналогичные данные античных ученых.

Ко времени ал-Ма'муна относятся и упоминания о первой карте, изготовленной исламскими учеными. Сама карта не сохранилась, но она известна по описаниям видевших ее более поздних авторов.

По мнению арабского энциклопедиста середины X в. ал-Мас'уди, «Ма'муновская карта» превосходила карты Птолемея и Марина Тирского: «Лучшее, что я видел в таком роде, было в книге "Географии" Марина, — а география значит пересечение земли, — и в "ма'муновской карте", исполненной для ал-Ма'муна, в составлении которой участвовало несколько ученых его времени. На ней был изображен мир с его сферами и планетами, сушей и морями, обитаемыми и необитаемыми частями, поселениями народов и прочим. Она лучше упомянутых раньше "Географии" Птолемея и "Географии" Марина и других» (BGA 1894: 33; перевод: Крачковский 1957: 87).

Если ал-Мас'уди уверенно связывает «Ма'муновскую карту» с традицией Птолемея, то другой знакомый с нею ученый, испано-арабский географ XII в. аз-Зухри, описывает карту совершенно иначе. «Ма'муновская карта», которую видел аз-Зухри, хотя и была разделена на семь «климатов», — что в принципе согласуется с птолемеевской традицией, — но расположение «климатов» на ней было иным, чем у Птолемея: они были изображены в виде шести кругов, окружавших помещенный в середине седьмой (Kitāb al-Dja'rāfiyya 1968: 306), то есть следовали персидской системе деления ойкумены на изолированные одна от другой культурно-географические области (*кишвары*).

Хотя видевшие «Ма'муновскую карту» исламские авторы все время говорят о ней в единственном числе, скорее всего, учеными «Дома мудрости» были изготовлены несколько карт мира, отражавших разные географические традиции, чем и можно объяснить существование столь противоречивых описаний «Ма'муновской карты».

Несмотря на большие успехи исламских астрономов, средневековая исламская картографическая продукция, до-

шедшая до наших дней, была почти исключительно связана — против ожидания — не с трудами по астрономической географии, а с описательными географическими сочинениями разных жанров — всемирными географиями, историко-географическими описаниями, географическими разделами в космографиях и энциклопедиях, «книгами чудес» (Karamustafa 1992: 4–6). При этом картографические изображения, сопровождавшие описательные географические сочинения, не опирались на координатные данные даже тогда, когда последние массово включались в описательные труды — как, например, во всемирные географии Ибн Саʿида ал-Магриби или Абу-л-Фиды (подробнее см.: Коновалова 2022).

Именно с иллюстративной ролью исламских карт исследователи исламской картографии связывают то, что в арабском языке длительное время отсутствовал точный термин для обозначения географической карты как таковой — термин *ḫарӣṭа* («географическая карта») в арабском языке является поздним заимствованием из французского (Maqbul 1997: 1077–1078). Слова, использовавшиеся для указания на картографическое изображение, подходили для обозначения любых визуальных объектов: *ṣӯра* («вид, образ, картина, изображение, копия»), *расм* («чертеж, план, рисунок, изображение»), *наḳш* («рисунок, украшение»). Весьма распространенными названиями книг географического толка — в том числе и в жанре астрономической географии — были «Книга картины земли» (*Китāб ṣӯрат ал-арḍ*), «Картина климатов» (*Ṣӯрат ал-аḳāлӣм*), «Картины климатов» (*Ṣувар ал-аḳāлӣм*), «Рисунок обитаемой земли» (*Расм ал-ма'мӯр мин ал-арḍ*).

Наиболее раннее описание картины (карты) мира приписывается ʿАбдаллаху ибн ʿАмру ибн ал-ʿАсу, жившему в VII веке. Это описание приводит ʿАбд ар-Рахман ибн ʿАбд ал-Хакам (IX в.): «Мир создан пятичастным по фигуре птицы с головой, грудью, двумя крыльями и хвостом. Голова ее — Мекка, Медина и Йемен; грудь — Сирия и Египет; правое крыло — Ирак, а за Ираком народ, называемый ал-вак, а за ним — народ, который называют ваквак, а за ними — наро-

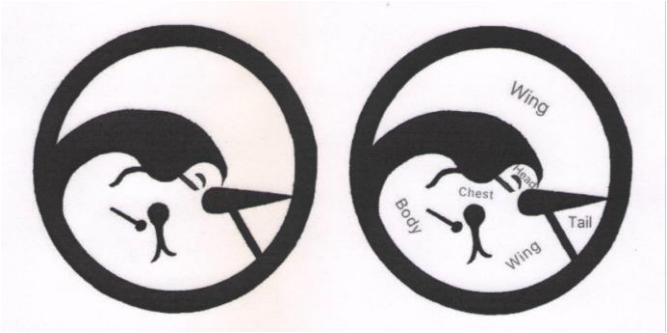
ды, которых не знает никто, кроме Аллаха преславного и превеликого; левое крыло — это Синд, а за Синдом — Хинд, а за Хиндом — народ, называемый насик, а за ними — народ, который называют мансак, а за этим — народы, которых никто не знает, кроме Аллаха превеликого и преславного; а хвост — от Зат ал-Хумам до заката солнца; а то, что [составляет] хвост птицы, — плохое» (ʻАбд ар-Рахман ибн ʻАбд ал-Хакам 1985: 18). Как видно, описание обрисовывает распределение народов по земле, а его образный характер служит средством идентификации и маргинализации.

В дальнейшем исламские авторы, использовавшие этот образ земли как птицы, могли вносить изменения как в номенклатуру народов, так и в порядок их распределения. К примеру, Ибн ал-Факих (начало X в.), хотя и ссылается на слова того же ʻАбдаллаха ибн ʻАмра ибн ал-ʻАса, но приводит их в иной редакции: «Земля по своей форме делится на пять частей, как голова птицы, два крыла, грудь и хвост. Голова мира — Китай, а за Китаем народ, который называют Вак-Вак, а за Вак-Ваком столько народов, что их может счесть только Аллах. Правое крыло — Хинд, а позади Хинда море и нет за ним тварей. Левое крыло — хазары, а позади хазар два народа, один из которых называют Маншак и Машак, а позади Машака и Маншаха — Йаджудж и Маджудж, из тех народов, про которых знает только Аллах. Грудь мира — Мекка, Хиджаз, Сирия, Ирак и Египет, а хвост — от Зат ал-Хумам к западу. И худшее, что в птице — хвост» (BGA 1885: 3–4; перевод: Крачковский 1957: 51–52).

Впоследствии именно этот зооморфный образ мира лег в основу «Атласа ислама» — серии карт, сопровождавших сочинения географов так называемой «классической школы» арабских географов X века (подробнее см.: Pinto 2021). В состав их сочинений входили круглая карта мира, карты Индийского океана, Средиземного и Каспийского морей, а также набор региональных карт, в основном относящихся к различным областям исламского мира.

На карте мира (Илл. 1), ориентированной на юг, изображен окружающий землю океан и три части света — Африка, Азия и Европа, очертания которых напоминают птицу. Голо-

вой птицы служит Аравийский полуостров, соединяющий Африку и Азию; одно крыло — показанная в форме полумесяца Африка, другое крыло, грудь и туловище — Азия; Европа изображена как остров, отрезанный от остальной суши Средиземным морем и Константинопольским проливом, и представляет собой хвост птицы.



Илл. 1

Схема карты мира из «Атласа ислама» (Pinto 2021: 46)

Подобные карты мира были чрезвычайно популярны в исламской картографии и неоднократно тиражировались, отличаясь между собой техникой и стилистикой исполнения, но сохраняя все основные элементы, указанные на схеме. Самая ранняя дошедшая до нас карта мира из «Атласа ислама» сохранилась в рукописи XI века, а наиболее поздние из известных к настоящему времени манускриптов относятся к XIX–XX векам.

БИБЛИОГРАФИЯ

'Абд ар-Рахман ибн 'Абд ал-Хакам. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / Пер. с араб., предисл. и примеч. С.Б. Певзнера. М., 1985.

Коновалова И.Г. Координатные данные в средневековых описательных географических сочинениях // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем / Отв. ред. М.С. Петрова. М., 2022. Вып. 6. С. 290–305.

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.

BGA — Bibiliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885. T. V; 1894. T. VIII.

Harley J.B. The Map and the Development of the History of Cartography // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1987. Vol. I. P. 1–42.

Karamustafa A.T. Introduction to Islamic Maps // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. P. 3–11.

Kitāb al-Dja'rāfiyya: Mappemonde du calife al-Ma'mun reproduite par Fazari (IIIe/IXe s.) rééditée et commentée par Zuhri (VIe/XIIe s.) / Texte arabe établi avec introduction en français par M. Hadj-Sadok // Bulletin d'Études Orientales. 1968. T. 21.

Maqbul A.S. Kharīṭa // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden, 1997. Vol. IV. P. 1077–1083.

Pinto K.C. It's a Bird. It's a Plane. No, it's the World! An Exploration of the Spiritual Meanings Underlying the Bird Forms Used in Islamicate World Maps // Geography and Religious Knowledge in the Medieval World / Ed. by Ch. Mauntel. Berlin; Munich; Boston, 2021. P. 39–56.

*Tibbets G.*R. The Balkhī School of Geographers // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. P. 108–136.

Н.Л. Конюшихина

КОРОЛЕВСТВА В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ВООБРАЖЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИСПАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Административно-территориальное деление Испании, приближенное к современному, на официальном уровне было закреплено в 1833 году в результате реформы Хавьера де Бургос: Испания была разделена на 49 провинций и 11 исторических регионов (Artola Gallego 1971: 8–9). Во второй же половине XVI века институциональная организация пространства представляла собой наслоения различных уровней территориального деления еще времен Средневековья (García Álvarez 2002: 107). Высшими ее звеньями были королевства. Рассматриваемый нами регион Короны Кастилии — современные провинции Мадрид, Толедо и Сьюдад Реаль — попадал в королевство Кастилия, в которое после 1085 года вошло также и королевство Толедо.

Нас будет интересовать, как большие территориальные образования, а именно королевства, воспринимались в сознании обитателей этих земель. Иными словами, каким образом происходило их ментальное конструирование в географическом воображении жителей данного региона. Для этой цели мы обратились к «Топографическим донесениям Филиппа II» (Alvar Ezquerra 1993; Viñas y Mey, Paz 1951; Viñas y Mey, Paz 1963; Campos y Fernández de Sevilla 2009). Нами были проанализированы ответы респондентов современных провинций Мадрид, Толедо и Сьюдад Реаля на четвертый вопрос королевской анкеты 1575 года (он же пятый вопрос анкеты 1578 г.): «Королевство, к которому обычно причисляют ука-

занное селение, иными словами, попадает ли оно в королевство Кастилия, Леон, Галисия, Толедо, Гранада, Мурсия, Арагон, Валенсия, Каталония или Наварра … » (Конюшихина 2021: 100, 114). Как видно, в отношении интересующего нас региона выбор стоял между королевствами Кастилия и Толедо.

Анализ полученных данных показал, что большинство респондентов анкеты отнесли свои населенные пункты исключительно к королевству Толедо — 85,5 % от общего числа всех опрошенных; 9,3% указали иную территориальную принадлежность, а 5,2 % не сообщили никаких сведений. Испанские исследователи Х. и А. Лопес Гомес объясняют идентификацию жителей центральной Испании преимущественно с этим королевством тем, что понятие «королевство Толедо» было сильно укоренено в народном сознании в связи с близостью к городу Толедо и влиянием его названия (López Gómez 1990: 746). Ф. Х. Кампос и Фернандес де Севилья считает, что Корона Кастилии во второй половине XVI века во многих селениях все еще называлась королевством Толедо (Campos y Fernández de Sevilla 2009: XCIII).

Однако наибольший интерес представляют как раз те донесения, в которых указана иная территориальная принадлежность: Кастилия и королевство Толедо одновременно, исключительно королевство Кастилия, королевство Толедо и Новая Кастилия, только Новая Кастилия. Примечательно также упоминание Старой Кастилии в некоторых свидетельствах опрошенных жителей.

Респонденты 17 селений рассматриваемого региона отнесли свои населенные пункты одновременно к Кастилии и королевству Толедо. Для анализа их пространственного мышления обратимся к формулировкам, которые они используют при ответе на этот вопрос анкеты. В донесениях из Арробы (совр. Арроба де Лос Монтес), Арробы де лос Монтес (северо-запад совр. провинции Сьюдад Реаль) и Сан Бартоломе (совр. Сан Бартоломе де Лас Абьертас, на западе совр. провинции Толедо) упоминается фраза «в королевстве Толедо в Кастилии» или «в Кастилии в королевстве Толедо», без уточнения, какой территориальный статус имеет Кастилия. Респонденты донесений таких населенных пунктов, как Пу-

эбла де Альморадьель (юго-восток совр. провинции Толедо), Досбарриос де Оканья (совр. Досбарриос, на северо-востоке провинции Толедо), Вильяррубия (совр. Вильяррубия де Лос Охос, на севере совр. провинции Сьюдад Реаль), Оканья (северо-восток совр. провинции Толедо), Эль Тобосо (самый юго-восток совр. провинции Толедо), Аламбра (восток совр. провинции Сьюдад Реаль), Ла Торре де Хуан Абад (самый юго-восток совр. провинции Сьюдад Реаль), Вильянуэва де лос Инфантес (юго-восток совр. провинции Сьюдад Реаль), Кампо де Криптана (самый северо-восток совр. провинции Сьюдад Реаль) и Вильярехо де Сальванес (самый юго-восток совр. провинции Мадрид) идентифицируют себя с королевством Толедо и провинцией Кастилия. В этом случае употребление термина «провинция» вместе с Кастилией объясняется тем, что на эти селения распространялась юрисдикция ордена Сантьяго (López Gómez 1990: 743). В донесении селения Уманехос (самый юг совр. провинции Мадрид) появляется отсылка на королевство Кастилия, с уточнением, что оно относится к Толедо (*en el reino de Castilla de Toledo*), в Фуэнте дель Фресно (чуть севернее г. Мадрида) королевство Толедо «называется Кастилия» (*es el reino de Toledo y se llama Castilla*), в Мигельтурре (центр совр. провинции Сьюдад Реаль) напрямую говорится, что «королевство Толедо есть Кастилия» (*el reino de Toledo es Castilla*), а в Вильяррубии Кастилия обретает статус «королевства», наряду с Толедо (*en el reino de Castilla y en el reino de Toledo*).

Таким образом, прослеживается связь в сознании респондентов между двумя пространственными категориями — королевством Толедо и Кастилией. И если с определением Толедо как королевства у респондентов не возникает проблем, то территориальный статус Кастилии им не всегда ясен, поэтому в донесениях она предстает по-разному: без какого-либо территориального определения, как провинция и как королевство, но при этом в прямой ассоциации с королевством Толедо. Как отмечает Г. Мартинес Диес, понятие Кастилия могло использоваться не только для обозначения политической формы территориальной организации, но и чисто как географический концепт (Martínez Díez 1981: 526).

Принадлежность исключительно к королевству Кастилии высказали респонденты только семи населенных пунктов провинций Мадрид и Сьюдад Реаля. По провинции Толедо таких упоминаний нет, что опять-таки свидетельствует о территориальной близости к архиепископскому центру.

Следующую группу составляют населенные пункты, которые отнесли себя одновременно к королевству Толедо и Новой Кастилии. Примечательно, что они ограничиваются лишь современной провинцией Мадрид (по провинциям Толедо и Сьюдад Реаль упоминаний о таком территориальном сочетании нет). Отметим также, что Новая Кастилия в отличие от Кастилии не упоминается ни в статусе королевства, ни в статусе провинции, и скорее ассоциируется с географической общностью за одним лишь исключением: респонденты Фуэнте эль Сас дель Харама (к северо-востоку от г. Мадрид) относят себя к королевству Толедо, которое, согласно их показаниям, «называется Новая Кастилия». Сам факт появления в народном сознании названия Новая Кастилия заслуживает внимания. Неопределенность в восприятии двух Кастилий хорошо прослеживается на примере донесений Фуэнте дель Фресно, в одном из них, как отмечено выше, селение отождествляется с королевством Толедо и Кастилией, в другом же — с королевством Толедо и Новой Кастилией.

Принадлежность исключительно к Новой Кастилии указывают респонденты Вальдеторреса (к северо-востоку от г. Мадрид) и Лусильоса (северо-запад совр. провинции Толедо), причем в толедском селении даже говорится, что ее природной границей являются горы (*porque ansi lo hemos oido nombrar de los puertos acá*). Еще одно упоминание о Центральной Кордильере — как границе с другой Кастилией мы находим в мадридском селении Сан Агустин де Гвадаликс (к северу от г. Мадрида), здесь же встречается и название Старой Кастилии (располагается в королевстве Толедо «между вильей Мадрид и горным перевалом, который разделяет королевства Старая Кастилия и Новая Кастилия»), а Новая Кастилия впервые называется королевством. Х. Гарсия Фернандес считает, что выражение Новая Кастилия было аккумулировано с течением времени, как синоним королевству

Толедо (García Fernández 1985: 69). Схожесть ландшафта по обеим сторонам Центральной Кордильеры, факт принадлежности к Короне Кастилии, а также более позднее отвоевание этого региона, привело к тому, что он получил название Новой Кастилии. Жители территорий, расположенных на юге от Центральной Кордильеры, осознавали, что они относятся к другому пространству, находясь при этом внутри большего объединения, поэтому зачастую Новую Кастилию не отделяли от королевства Толедо. Она фигурирует самостоятельно там, где есть указание на четкую границу со Старой Кастилией. Понятие Новая Кастилия вводилось долго, поскольку обитателям тех мест довольно сложно было отказаться от использования выражения «королевство Толедо», и даже в начале XVII века существовала такая же неточность в отношении Старой и Новой Кастилии, свидетельствующая о том, что эти понятия еще не получили широкого распространения (García Fernández 1985: 71–73).

Таким образом, жители центральной Испании во второй половине XVI века имели довольно хорошую пространственную осведомленность в рамках больших территориальных структур и соотносили себя, прежде всего, с королевством Толедо. Пространственная идентификация респондентов с королевством Толедо связана с общим отождествлением населенных пунктов с Короной Кастилии, где королевство Толедо — лишь одна часть ее обширной территории. Понятие «королевство Кастилия» было чуждо в основном именно жителям провинции Толедо в виду близости к ее центру. Во второй половине XVI века выражение «Новая Кастилия» еще не вошло в общий обиход, тем не менее, под этой территориальной общностью уже понимались земли, лежащие к югу от Центральной Кордильеры, в противовес тем, что находились к северу от нее и входили в состав Старой Кастилии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

Los pueblos de Ciudad Real en las «Relaciones topográficas de Felipe II» / ed. por F.J. Campos y Fernández de Sevilla. Ciudad Real, 2009. Vol. 1–2.

Relaciones histórico-geográfico-estadísticas de los pueblos de España hechas por iniciativa de Felipe II. Reino de Toledo / Ed. por C. Viñas y Mey, R. Paz. Madrid, 1951. Pt. 1.

Relaciones histórico-geográfico-estadísticas de los pueblos de España hechas por iniciativa de Felipe II. Reino de Toledo / Ed. por C. Viñas y Mey, R. Paz. Madrid, 1963. Pt. 2. Vol. 1–2.

Relaciones Topográficas de Felipe II, Madrid / Ed. por A. Alvar Ezquerra. Madrid, 1993. Vol. 1–3.

Литература:

Конюшихина Н.Л. Анкеты 1575 и 1578 годов для «Топографических донесений Филиппа II» // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2021. Т. 5. С. 79–124.

Artola Gallego M. La España del Antiguo Régimen. Salamanca, 1971. Fasc. VI: Castilla la Nueva y Extremadura.

Campos y Fernández de Sevilla F.J. Estudio general // Los pueblos de Ciudad Real en las «Relaciones topográficas de Felipe II» / Ed. por F.J. Campos y Fernández de Sevilla. Ciudad Real, 2009. Vol. 1–2. P. XXIII–CCXXX.

García Álvarez J. Provincias, regiones y comunidades autónomas. La formación del mapa político de España. Madrid, 2002.

García Fernández J. Castilla (entre la percepción del espacio y la tradición erudita). Madrid, 1985.

López Gómez J. y López Gómez A. El nombre de Castilla la Nueva en las Relaciones Topográficas de Felipe II // Estudios Geográficos. 1990. Vol. 51. № 201. P. 739–746.

Martínez Díez G. Génesis histórica de las provincias españolas // Anuario de Historia del derecho español. 1981. Vol. LI. P. 523–593.

М.А. Курышева

КАРТА МИРА В ГРЕЧЕСКОЙ РУКОПИСИ XVI ВЕКА

Знаменитый писец греческих рукописей XVI в. Ангелос Вергикиос (Ἄγγελος Βεργίκιος (Βεργίτζης) ὁ Κρής) заслуженно занимает первое место в ряду греческих каллиграфов этого столетия. Датированные рукописи Вергикиоса известны с 1535 по 1569 годы. Он был эмигрантом с острова Крит. Находясь в Венеции, Риме и Париже, Ангелос Вергикиос зарабатывал на жизнь перепиской греческих рукописей. Приехав во Францию, он с 1539 г. и до своей смерти в 1569 г. был библиотекарем королевской библиотеки в Фонтенбло, хранителем королевской коллекции греческих рукописей.

Ангелос Вергикиос принимал активное участие в издании книг как корректор греческих текстов королевской типографии. В марте 1545 г. он упомянут в указе, изданном королем Франциском I (1494–1547) в пользу профессоров созданного в 1530 г. Коллеж де Франс, где он был назван *Angelo Vergetio nostre escrivain en grec*. Именно замечательный каллиграфический греческий почерк Вергикиоса был положен в основу нового греческого шрифта королевской типографии, известного как *Grecs du Roi*, созданного в 1540 г. Клодом Гарамоном (1499–1561).

Работая библиотекарем в Фонтенбло при дворе французских королей Франциска I, Генриха II (1519–1559) и Карла IX (1550–1574), он скопировал более сотни рукописей. Это были древнегреческие и византийские тексты Гомера, Фукидида, Эвклида, Демосфена, Аристотеля, Полибия, Оппиана, Иоанна Дамаскина, Георгия Писиды, Мануила Фила, Иоанна Каматира, Георгия Пахимера, Никифора Григоры и других

авторов. В современной базе данных греческих кодексов *Pinakes* собраны данные о 107 скопированных Ангелосом Вергикиосом рукописей, сохранившихся в собраниях Франции (68), Великобритании (18), Италии (7), Ватикана (4), Швейцарии (4), Нидерландах (3), Испании (2), США (1).

Его деятельность как переписчика рукописей изучалась такими выдающимися эллинистами как Э. Легран (1841–1903), А. Омон (1857–1940) и А. Дэн (1896–1964) (Legrand 1885; Omont 1916; Dain 1937), однако монографическое исследование его жизни и творчества до сих пор так и не создано.

В последнее время появились публикации американского исследователя Г. Пирса, посвященные иллюминованным рукописям Ангелоса Вергикиоса, содержащим стихотворения византийского поэта Мануила Фила (Peers 2012). В историографии была дискуссия о том, кто был художником его рукописей — его дочь, которая стала художницей, или он сам. Окончательно этот вопрос пока не разрешен. Отмечу, что в некоторые скопированные Ангелосом Вергикиосом тексты были добавлены иллюстрации, которых не было в его протографах. Сам Вергикиос в своих письмах покровителю искусств и библиофилу Анри де Месме (1532–1596) сетует на то, что трудно хорошо продать рукопись, для которой уже существует печатное издание.

Особого внимания заслуживает карта мира, которая была нарисована в двух рукописях, переписанных Вергикиосом. Первая рукопись — из собрания Российской государственной библиотеки, Фонд 68 (собрание рукописей Генерального штаба), Греч. 150. Краткое описание рукописи было составлено в 1945 г. А.П. Кажданом, а почерк в 1965 г. был определен Б.Л. Фонкичем. Другая точно такая же рукопись — из Библиотеки св. Марка в Венеции: Marc. gr. VII 54 (coll. 1283). Она описана в каталоге Э. Мьони в 1960 году. Обе рукописи содержат основанное на эксцерптах из Птолемея и Страбона сочинение знаменитого византийского гуманиста и ученого Георгия Гемиста Плифона (около 1360–1452) «Из географических сочинений о Земле и форме вселенной…» (Ἐκ τῶν γεωγραφικῶν βιβλίων περὶ ὀ τῆς γῆς καὶ τῆς οἰκουμένης σχῆμα ἐπί διορθωθὲν παρὰ Γεωργίου Γεμιστοῦ τοῦ καὶ Πλήθωνος.

Incipit: Τὸ τῆς γῆς τῆς οἰκουμένης σχῆμα χλαμυδοειδές τι ἐστίν…) (Diller 1937). Оба манускрипта небольшого формата в роскошных ренессансных переплетах французского королевского печатного двора были написаны на заказ для продажи. В обоих, помимо полихромной заставки в начале сочинения Плифона, в конце в качестве иллюстрации нарисована карта мира. Отмечу, что оригинальные сочинения Плифона в сохранившихся его рукописях-автографах византийского времени не имеют сопроводительных карт. Следовательно, именно Ангелос Вергикиос принял решение обогатить этот текст картой.

Плифон написал текст научного характера на основе трудов Птолемея и Страбона. После Ферраро-Флорентийского собора 1439 г. он убедился в том, что географическая система Страбона неизвестна европейцам (перевод Птолемея на латинский язык был сделан в 1406 г., а Страбона — в 1458 г. Якопо д' Анджело). Между тем, ему было очевидно, что необходимо сочетать принципы описания Земли и географические данные этих двух античных географов. Опираясь на эту античную традицию, Плифон исходит из представлений о сферической форме Земли, считает Каспийское море озером, а не заливом океана, тропическую зону представляет обитаемой, а Нил не считает границей между Азией и Африкой, считая таким рубежом между ними Аравийский залив (Красное море). *Imago mundi* в трактате Плифона отражает уровень географических знаний образованных кругов поздневизантийского общества накануне великих географических открытий.

Карта же Ангелоса Вергикиоса была нарисована уже после открытия Америки Христофором Колумбом в 1492 г., но еще до открытия Австралии в 1606 году. Ойкумена представлена на ней в обобщенном стиле карты Птолемея в виде сферы, окруженной двенадцатью кругами с названиями ветров. На карте можно видеть Америку, Азию, Европу и Африку, Средиземное, Каспийское и Красное моря, отдельно выделен красным цветом недавно открытый остров Мадагаскар.

Очевидно, что карты в обе рукописи были добавлены самим писцом-каллиграфом (или его художником). Необхо-

димо задаться вопросом, как Ангелос Вергикиос пришел к идее нарисовать в своих двух рукописях карту мира: был ли это отголосок утраченной византийской картографической традиции, или же карты рисовались на о. Крит в поствизантийское время, или же эту идею изобразить земное пространство он почерпнул уже в эмиграции — в Италии и Франции?

Основной причиной добавления карт-иллюстраций, конечно, было его желание придать большую значимость и повысить стоимость этих манускриптов. Однако, одновременно, грек-эмигрант, наследник поздневизантийской и поствизантийской ученой традиции, пытался приноровиться к интересам и запросам своих заказчиков — европейских интеллектуалов. В итоге классический поздневизантийский трактат сопровождается картой, на которой отражены итоги европейских географических открытий Нового времени, но выполненных в поствизантийской технике и стиле. Здесь проявилась разница географического мышления «поздних византийцев» («последних ромеев»), для которых первичен был именно текст с описанием Ойкумены, и «европейцев» эпохи Модерна с яркой культурой визуализации их географического знания. Посредником же выступил «поствизантиец» критский грек Вергикиос, сумевший объединить эти малосовместимые традиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Dain A. Commerce et copie de manuscrits grecs // Humanisme et Renaissance. 4. 1937. P. 395–410.

Diller A. A Geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho / Isis. 27 (3). 1937. P. 441–451.

Legrand É. Bibliographie hellénique, ou description raisonnée des ouvrages publiés par des grecs aux XVe e XVIe siecles. Paris, 1885. Vol. I. P. CLXXV–CLXXXVI.

Omont H. Procès d'Ange Vergèce au Châtelet et au Parlement de Paris (1561) // Bibliothèque de l'École des Chartes. 77. 1916. P. 516–520.

Peers G. Forging Byzantine Animals: Manuel Philes in Renaissance France // Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici. 49. 2012. P. 79–103.

А.П. Люсый

ВЕСЬ МИР — КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕАТР

СИТУАТИВНОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ВЗАИМОСВЯЗИ РАЗНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ПРОСТРАНСТВА

В глобальной геоэкономической схватке рубежа XX и XXI веков пространственной и временной модели мира в форме борьбы нарративов капитализма и социализма *остаточно-избыточное* пространство в известной мере потеряло определенность (М.В. Тлостанова).

«Что это значит — время-после? Это время посткатастрофическое, то есть время, которое останавливает все другие времена; и появляется то, что зовут иногда безвременьем», — отмечает В.А. Подорога, имея в виду Освенцим и ГУЛАГ, сугубые «картографии зла» (Подорога 2017: 4). Куда более кризисным для понимания пространства (как, впрочем, и того же времени) оказалась ситуация «постсоветского» и *геополитического ГУЛАГа* (Люсый 2019а), из неотрефлексированных недр которого философ картографирует «отрицательную» историю.

Стоит в связи с обозначенными дихотомиями обратиться к двум основным истокам картографии — эгоцентричному, в котором точками пространственной ориентации выступают направления компаса, и предметно-ориентированному, присущего людям, не озабоченным представлениями о сторонах света, воспринимающими пространство в соответствии с местом своего рождения. Это и позволяет прояснить современное сочетание двух типов картирования — ментального и когнитивного. Основным методом становится образное по форме, социальное по содержанию картографирование, представляющее собой процедуру переноса социально значимой информации на карту (Глазков 2013: 40).

Тем самым культура и литература в частности картируется посредством вертикальной (в связи с утратой современного пространства экстенсивного смысла) и «остаточной» горизонтальной картографии.

Построение адекватной методологии междисциплинарного современного картирования осуществляется в процессе критического переосмысления таких направлений, как когнитивное картирование в контексте гобализации (Ф. Джеймисон), «картографический шизоанализ» (Ж. Делез и Ф. Гваттари), психогеография (Ги Дебор), картографической семантики (А. Соломоник), гуманитарная география и метагеография (Д.Н. Замятин) и российской исследовательской группы «неогеография», включая радикальное отрицание реальности поглощаемого скоростью пространства у П. Вирилио. Понятие картографического диспозитива (М. Фуко), означающего размещение геокультурных представление в сети подвижных исторических отношений, определяют способы текстуализации пространства, маршруты циркуляции, многочисленные и несводимые к друг другу способы его использования (Гавриленко 2020: 134–135).

Вслед за Томасом Мором, которому, кстати сказать, посвящена загадочная, ни разу не поставленная на сцене пьеса группы авторов с участием великого драматурга «Томас Мор», Шекспир сам, кем бы он ни был, в «Комедии ошибок» затеял игру с реальным, сквозь призму современного ему картографического осмысления, пространством. Один из героев при ироничном описании претенциозной кухарки (заявляющей в произведении свои права чуть ли не на «управление государством») отмечает, что она в своих формальных очертаниях сферична словно глобус и на ее теле можно обнаружить любые страны света. Ирландия находится на задней части, о чем можно судить по топям, Франция на лбу, «вооруженном и поднявшемся войною против собственных волос», Шотландия — там, «где голо и шероховато: на ладонях», (что очевидно по ее бесплодности), а Англия — на подбородке, «судя по соленой влаге, протекающей между этою частью ее тела и Францией». Испания уподобляется процессу вдоха-выдоха, а Америка и обе Индии располагаются «на ее

носу, украшенном сверху донизу рубинами, карбункулами и сапфирами; все они рассыпали свои сокровища под горячим дыханием Испании, выславшей целые армады галер для нагрузки под ее носом». Что касается «Бельгии и Нидерландской низменности» — «так низко я не стал смотреть» (Шекспир 1958: 139–140).

Посредством картографии здесь выражена актуальная (вполне в духе позднейших «разных прочих шведов») политическая телесность в контексте тогдашней эстетики преподнесения пространственных представлений, с интуитивным постижением его горизонтального (собственно география) и вертикального (телесность) измерений.

А. Нестеров связывает подобные шекспировские образы с распространенными тогда «шутовскими» эмблематическими картами, воплощавшими в себе мир, каким он виделся тогдашнему отрешенному интеллектуалу: мир как обитель бессмысленной суеты, «повесть, // Рассказанная дураком, где много // И шума и страстей, но смысла нет» (Шекспир. Макбет. Акт V, сцена 5. Пер. М. Л. Лозинского) (Нестеров 2015: 100). В этом же ключе можно рассматривать концептуальные пространственно- семантические поиски современного шведского художника Ойвинда Фальстрёма, который в своих игровых конструкциях («Монополия», «Карта мира» и др.) работает с границами, маршрутами, маркерами географической карты. Карта становится не столько отражением географических территорий, сколько социально-политической критикой, выявляя и обозначая лживость и неадекватность географических карт. «В этих работах карта для Фальстрёма становится концептуальным инструментом, благодаря которому можно переосмыслить окружающее пространство… Для Фальстрёма картирование — это жест, это аргумент, это сильная, иногда жесткая, всегда остроумная и дерзкая критика социально-политических систем. Это метод, позволяющий создавать новые комбинации, открытые смыслы, которые располагают к новым интерпретациям» (Минаева 2014).

Однако в куда более обостренном, на наш взгляд, восприятии ситуативный аспект ментального картирования по отношению к пространству современной России выражен в

документальном романе В.О. Авченко «Дальний Восток: иероглиф пространства. Уроки географии и демографии». «О существовании Кондопоги мы узнали после межнациональной поножовщины. О существовании Краснокаменска — после отправки туда по этапу зэка Михаила Ходорковского. О существовании Светлогорья — после остановки вольфрамового комбината. О существовании Териберки — после фильма Звягинцева “Левиафан”»…» (Авченко 2021).

То есть страна уподобляется человеку, не ведающему о наличии того или иного органа, пока этот орган не заболит. Собирательно-разбирательная роль пандемического картографирования требует, конечно, особого осмысления.

«Когда болит, забывшаяся страна начинает заново узнавать саму себя, вспоминать о том, что есть в ней и такие места — разные, интересные, замечательные. Что не только в столицах и даже не только в городах живут люди. Что у этих нестоличных людей не только такое же тело, но такая же душа, такие же мысли, чувства».

Имеет ли какое-либо собирательную применимость тектологическая концепция культуры как суммы и системы локальных текстов?

«Раньше за расширение географических представлений отвечала литература. Сегодня она переместилась на периферию, перестав быть полем всеобщего интереса. Кино, оставшись искусством более или менее массовым, слишком привязано к столицам: Владивосток снимают в Севастополе, чукотскую тундру — в сибирской тайге. Российское общество знакомят с периферийными территориями информагентства. Чаще всего новости — негативные: таковы законы журналистики. А дальше включается великий и могучий интернет с очередями *комментов*, шрапнелью лайков и разрывами перепостов. Жаль, конечно, что где-то должно взорваться, чтобы страна узнала о себе, но хоть так…». Тут можно привести более развернутый пример крымской сценической площадки, наиболее насыщенной «местами» кинематографического воспроизведения разных реальных ландшафтов, от Палестины до Чукотки (Люсый 2019b: 44–46). Можно, конечно, вспомнить и о засекреченности «геокатастрофизма»

в СССР, когда «скрепой» была *тайная связь*, а не познавательная шоковая терапия, *оперативно* переходящая в хирургию.

Особая тема в книге — относительность масштабов текущей российской ментальной карты с ее «пульсирующими образованиями» (Замятин 2002: 109). «Владивосток и Хабаровск считаются городами соседними. Между ними меньше восьмисот километров; по местным меркам — рядом. До Петропавловска-Камчатского от Владивостока — две тысячи с лишним, до Анадыря — три тысячи семьсот… Есть у нас такие края, откуда не то что Магадан — даже Сусуман кажется центром цивилизации. Дело не в расстояниях как таковых, а в доступности. До Москвы из Владивостока добраться куда проще и быстрее, чем до Камчатки или Чукотки, куда не ведут ни автомобильные, ни железные дороги». Всё это, полагает автор, наброски к еще никем не сформулированной теории зауральской относительности, то есть новая, альтернативная, русская, лобачевская, неевклидова география. Автор собственным телом прочувствовал в своем *право-рулевом* проскакивании по этому пространству вполне в духе экстремального лежебоки И.А. Гончарова, российскую картографическую относительность в предыдущем документальном романе «Правый руль».

Такова фиксация «запасного полка» российской *остаточно-избыточной* пространственности в контексте транснационального взаимодействия идей как основы текущего ситуационного ментального картографирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

Авченко В.О. Дальний Восток: Иероглиф пространства. Уроки географии и демографии. М., 2021.

Гавриленко С.М. Картографический диспозитив (несколько замечаний о «Глобусах» Питера Слотердайка // ПРАΞНМА. 2020. 2 (24).

Глазков К.П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.

Замятин Д.Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Мир России. 2002. № 2. С.105–138.

Люсый А.П. Метаполитика и метатекстуальность: Александр Солженицын и пятнадцать советских союзов геополитического ГУЛАГа // Наследие А.И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья (к 100-летию со дня рождения писателя). Сборник материалов Международной научно-практической конференции (28-29 ноября 2018 г.). Рязань, 2019. С. 15–23.

Люсый А.П. Литературный киноглаз: учебное пособие по опознанию кинопотенциала пространства и текста. М., 2019.

Минаева И.В. Картирование как метод репрезентации в работах Овинда Фальстрёма // АРТИКУЛЬТ. Электронный научный журнал. 2014. № 4. С. 104–113. — Электронный ресурс [режим доступа: http://articult.rsuh.ru/upload/articult/journal_content/016/ARTICULT-16_(4-2014,P.104-113)-Minaeva.pdf, дата обращения — 27.09.2022].

Нестеров А. Географические карты XVI–XVII вв.// Гетеротопии: Миры, границы, повествование. Вильнюс, 2015. С. 88–110.

Подорога В.А. Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. М., 2017.

Тлостанова М.В. Постконтинентальная теория и реабилитация места, или Существует ли постсоветский хронотоп // Художественный журнал. 2013. № 90. — Электронный ресурс [режим доступа: http://moscowartmagazine.com/issue/7/article/97, дата обращения — 27.09.2022].

Шекспир У. Полное собрание сочинений: В 8 т. М., 1958. Т. 2.

Е.А. Мельникова

СЕВЕР И СЕВЕРО-ЗАПАД ОЙКУМЕНЫ ВИКИНГОВ НА МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСЛАНДЦЕВ

Плавания скандинавов вдоль «Северного пути» (*Norðrvegr* > совр. *Norge*, *Noreg*, совр. англ. *Norway*), то есть вдоль западного побережья Норвегии и вокруг Кольского полуострова, начались самое позднее во второй половине IX в., когда норвежцы, уже знакомые с саамами, установили контакты с квенами и бьярмами на берегах Белого моря («Орозий» короля Альфреда: Древняя Русь 2009: 20). Эти контакты отразились позднее в исландских королевских и родовых сагах о поездках в Бьярмаланд, который в географических описаниях, отражавших ментальную карту ойкумены, помещался к северу от Норвегии (в соответствии с принципом отнесения стран к той стороне света, в направлении которой начинался путь, см.: Джаксон 1994). За Бьярмаландом, который в сагах обычно связывался с Подвиньем, лежали «земли, не заселенные северными народами» («Описание Земли I»: Мельникова 1986: 72–84). Однако северная граница ойкумены не заканчивается Бьярмаландом, а находится значительно дальше, за Гренландией: «за не заселенными северными народами землями» лежит Гренландия («Описание Земли I»), которая, «как считается, находится севернее всех этих [земель] («Грипла»: Мельникова 1986: 157–160). Восприятие Гренландии не как острова, а как части материка существовало и в европейской географии вплоть до значительно более позднего времени и было обусловлено недостатком сведений об Арктике из-за невозможности плаваний вокруг острова в то время (Chekin 2003). Однако для исландцев, основавших две

колонии на юге Гренландии и добиравшихся до ее северо-западного побережья, о чем говорят археологические находки, и норвежцев, поддерживавших тесные торговые связи с колонистами, соединение Бьярмаланда и Гренландии отрезком суши могло опираться на пусть и крайне немногочисленные посещения безлюдных Шпицбергена или расположенного южнее острова Ян-Майен. Наименование *Svalbarðr*, которое ныне обозначает Шпицберген (предположительно, то же значение оно имело и в средние века) впервые упоминается в исландских анналах под 1194 годом (Chekin 2020). Автор анонимной «Истории Норвегии» (1160-е гг.) упоминает рассказы моряков, которые «прибыли в край между гренландцами и бьярмами, где, по их рассказам, обнаружили людей огромных размеров и страну дев, которые, по их словам, зачинали детей от глотка воды» (История Норвегии 2017: 127) — «заселение» какой-либо области мифическими существами является свидетельством крайне малого знакомства (или полного незнакомства) с этой областью. Здесь же, на крайнем севере, находится *Jótunheimr*, страна великанов-йотунов, главных противников богов-асов, в древнескандинавской мифологии и *Glæsisvellir* («Сверкающие равнины»), сказочная страна великанов и колдунов «викингских саг». Таким образом, в северной четверти ойкумены в качестве продолжения «северного пути» на ментальной карте исландцев и норвежцев XIII–XIV вв. располагались хорошо знакомый норвежцам Финнмёрк («Финский лес»; в скандинавских языках этноним финны прилагался как к собственно финнам, так и к саамам), Бьярмаланд, «незаселенные земли» (или заселенные фантастическими существами) и Гренландия.

Надо отметить, что такова была ментальная карта ученых исландцев, составлявших географические описания ойкумены. В практической системе ориентации по сторонам света (Haugen 1957), которой руководствовались, прежде всего, моряки во время плаваний в открытом море, Гренландию располагали к западу от Исландии: Эйрик Рыжий, изгнанный из Исландии, отправился на поиски земли, «которую видел Гуннбьёрн, сын Ульва Вороны, когда его отнесло далеко на запад в море» («Сага о гренландцах), и которую

Эйрик назвал «Зеленой землей» (*Grœnland*). В действительности, южная оконечность Гренландии, где были основаны две исландские колонии, находилась к юго-западу от Исландии, и Эйрик, как рассказывает сага, достигнув восточного берега Гренландии, еще какое-то время плыл вдоль берега на юг. Несомненно, о реальном расположении Гренландии — не на севере, а на западе (скандинавские колонии в Гренландии находились на той же широте, что и Берген) — знали и норвежские купцы, совершавшие туда более или менее регулярные плавания, иначе они не могли бы попасть на остров.

Дальнейшее продвижение на запад, теперь уже гренландцев, привело к открытию земель в Северной Америке около 1000 г. Сын Эйрика Лейв Удачливый (*Leifr hinn heppni*) отправился на поиски земли, к которой несколькими годами раньше занесло исландцев, плывших в Гренландию. Он последовательно высадился в трех местах, которые назвал по особенностям местности «Землей плоских плит» (*Helluland*), «Лесной землей» (*Markland*) и «Виноградной землей» (*Vínland*). Точная локализация этих земель — предмет споров, но, судя по их характеристикам, они располагались от Лабрадора до Новой Англии (небольшое скандинавское поселение с кузницей и жилым помещением, датируемое временем около 1000 г., исследовано в *L'Anse aux Meadows* на севере Ньюфаундленда, Канада). По «Саге о гренландцах», исландцы, предшественники Лейва, возвращался в Гренландию при попутном юго-западном ветре, то есть плыли на северо-восток. Позднее брат Лейва, стремясь попасть к жилищу, оставленному Лейвом, плыл на юго-запад. Таким образом, было известно, что Винланд находится юго-западнее Гренландии (точнее юго-юго-западнее).

Однако на ментальной карте североамериканские земли, посещавшиеся гренландцами в XI в. (были ли плавания в Винланд позднее, неизвестно), Хеллуланд, Маркланд и Винланд Добрый находятся к югу от Гренланда («Описание Земли I»). Локализация этих земель, казалось бы, создавала неразрешимое противоречие: если Гренландия — самая дальняя область на севере в цепочке Норвегия — Бьярмаланд — «незаселенная земля» — Гренландия, то к югу от Гренлан-

дии должны бы были находиться в обратном порядке «незаселенная земля», Бьярмаланд и Норвегия. Это противоречие, видимо, преодолевалось восприятием основного направления не как линейного вектора, а как пространства всей четверти мира, обозначаемой стороной света (ср. ориентацию по административным четвертям Исландии: движение, например, в восточную четверть всегда оценивалось как движение на восток, независимо от реального направления). И Норвегия, и Бьярмаландл, и «не заселенная земля» лежали в северной четверти; поскольку Гренландия находилась дальше всего от Норвегии, то и считалась самой северной частью ойкумены.

Путь из Гренландии в Северную Америку в реальности вел на юго-запад, но общее южное направление позволило автору «Описания Земли I» утверждать, что «к югу от Гренланда находится Хеллуланд, затем Маркланд, а там недалеко до Винланда Доброго» и продолжить этот ряд собственным умозаключением: «до которого некоторые люди думают добраться из Африки. И если это так, то внешнее море должно отделять Винланд и Маркланд [от Африки]». Возможность плаваний между Африкой и Винландом является умозрительной конструкцией автора трактата, но основывается она на основном принципе организации собственно скандинавской ментальной карты: деления ойкумены на четверти по сторонам света. Отнесение Винланда к югу от Гренландии как бы предполагало его нахождение не в северной или западной, а в южной четверти ойкумены. Однако расположенная далее всего от Скандинавии и наиболее редко посещаемая скандинавами, южная четверть крайне неопределенна, и области, которые должны бы были помещаться в ней, Германия, Италия, Сицилия, практически никогда не определяются как расположенные «на юге» (*suðr*), за исключением Северной Германии (*Saxland*). В географических трактатах, где принцип членения ойкумены — на три части (Азия, Африка и Европа) — заимствован из европейской ученой литературы («Этимологий» Исидора Севильского и «Об образе мира» Гонория Августодунского), эти страны локализуются, естественно, в Европе. В сагах же, весьма редко рассказы-

вающих о поездках скандинавов в Средиземноморье, их местоположение в системе четвертей практически никак не определяется, как и Серкланда (*Serkland*, «Страна сарацин») и Блаланда (*Bláland*, «Страна черных [людей]») находящихся в Африке. Согласно Исидору и Гонорию, которых использовал автор «Описания Земли I», Африка — южная часть ойкумены, то есть согласно собственно древнескандинавским представлениям, она находится в южной четверти Земли. Соединение двух систем организации пространства, очевидно, и позволило автору «Описания Земли I» соположить Винланд и Африку и допустить связь между ними.

Таким образом, локализация и взаимное расположение земель на севере и северо-западе древнескандинавского мира определялись сложившейся, видимо, задолго до эпохи викингов ментальной картой, которая структурирована делением ойкумены на четверти по сторонам света. На ней Бьярмаланд помещался севернее Финнмёрка, а Гренландия располагалась на крайнем севере. Как и в других случаях, отнесение того или иного региона к конкретной четверти определялось направлением начала пути к нему и последующее, иногда, радикальное, изменение направления движения не оказывало влияния на начальное обозначение четверти (так, Византия оказывалась в восточной четверти, поскольку начальный участок пути в Византию шел на восток, а Испания оказывалась в западной четверти, поскольку маршрут туда пролегал через западную Англию). Эта условно говоря «теоретическая» ментальная карта нередко противоречила практическим знаниям о местоположении земель, посещавшихся скандинавами. Уже в рассказе Охтхере (др.-ск. Оттар) называются меняющиеся направления на его пути из северной Норвегии (Халогаланда) в Бьярмаланд. Однако многовековое сосуществование «теоретической» ментальной карты и практических знаний, очевидно, не создавало сложностей и позволяло, как ориентироваться в огромной ойкумене викингов, так и безошибочно достигать желаемой цели.

Знакомство с европейской ученой географией (основы которой восходили к античности), в которой структура ойкумены была трехчастной, породило неразрешимое проти-

воречие: согласовать обе системы не представлялось возможным, как это происходило с другими географическими концептами (например, представлением о внешнем море — океане, амазонках и др.). Исландские ученые приняли «христианское» членение пространства ойкумены, и во всех землеописаниях (включая «Историю Норвегии» и «Круг Земной» Снорри Стурлусона др.) ойкумена делится на традиционные три части, Азию, Европу и Африку. Однако, как показывает соположение Винланда и Африки, традиционная скандинавская четырехчастная ментальная карта продолжала оставаться актуальной.

БИБЛИОГРАФИЯ

Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей: Человек в истории. М., 1994. С. 54–64.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2009. Т. V: Древнескандинавский источники / Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова.

Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Не только саги… Ранняя история Норвегии в средневековых памятниках / Под общ. ред. С.Ю. Агишева. СПб., 2017. С. 111–178.

Chekin L.S. The World Ocean in Medieval Cartography History of Oceangraphy. Abstracts of the VII International Congress on the History of Oceanography. Kaliningrad, 2003. P. 16–21.

Chekin L.S. Svalbarðs fundr. The Place Name Svalbard and Its Connotations in Medieval and Modern Literature and Cartography // Nordlit: Tidsskrift i litteratur og kultur. 2000. No. 45. P. 18–38.

Haugen E. The Semantics of Icelandic Orientation // Word. 1957. Vol. XIII. № 3. P. 447–459.

И.И. Митин

МЕСТО И БЕЗМЕСТЬЕ В МЕНТАЛЬНОЙ КАРТОГРАФИИ

НА ПУТИ К ГУМАНИСТИЧЕСКИМ ГИС?

Место — ключевой фокус географической науки, ставший понятием и научным термином в парадигме англо-американской новой культурной и гуманистической географии 1970-х годов в качестве означенного и осмысленного (участка) пространства (Tuan 2002; Relph 1976; Митин 2021). В последующие десятилетия в рамках критической географии и в постгородских концепциях место *теряло* свое значение в научном дискурсе.

Место в географии превратилось в понятие, благодаря раннему культурному повороту и новой культурной географии, тесно переплетающемуся со становлением гуманистической парадигмы в географии. Место «переопределяется как создаваемое посредством человеческого означивания локаций» (Jeans 1979: 207–208). «Создать место, — пишет Д.Н. Джинс, — значит окружить локальность человеческим значением» (Jeans 1979: 209).

И-Фу Туан выделяет два типа мест (Tuan 1974). Помимо всем понятных и широко впоследствии изученных *общественных символов (public symbols)*, основатель гуманистической географии выделяет ещё и второй тип мест, называемый в оригинале *fields of care*. Так называют не точечные (как общественные символы), а площадные культурные ландшафты, которые служат основанием локальной идентичности. Это те места, где человек чувствует себя дома, «домашние пространства». Они отражают внутренний, а не внешний контекст территориальной идентичности. Это именно то чувство места, которое *разделяется* всеми членами местного

сообщества, формируя саму *принадлежность* к месту и сопричастность сообществу. И это те места, которые могут быть совершенно не видимы внешним посетителям, «чужим», сторонним невовлеченным наблюдателям. В отсутствие адекватного перевода на русский язык можно было бы назвать их «местами сопричастности» или «точками принадлежности». Места сопричастности сами могут служить основаниями для формирования устойчивых локальных сообществ: в отличие от тиражируемых и стереотипных туристских достопримечательных мест, выступающими общественными символами, смысл и значения мест сопричастности может быть доступен лишь определенному кругу укорененных местных жителей — значит, для них знание и принятие этих значений сами по себе служат базой для формирования разделяемых ценностей и формирования вокруг них сообщества.

Таким образом, место как «точка принадлежности» (*fields of care*) к сообществу *порождает местную идентичность* и становится, в конце концов, центром наших (социальных) значений. Этот тезис, развиваемый в работах Р. Сэка (Sack 1997) и Дж. Мальпаса (Malpas 1999), Тим Крессвелл концептуализирует так: «Место не основывается на субъективности, скорее оно составляет то, на чем основывается субъективность» (Cresswell 2015: 35). Место в результате превращается не просто в точку на карте, а в «способ видения, познания и понимания окружающего мира» (Cresswell 2015: 17).

Становление места как понятия в географии логически вызвало к жизни дискуссию о возможности *отсутствия мест*. Может ли участок пространства, окружающего человека, быть не осмысленным и не означенным, оставаться для него безразличным, быть намеренно лишенным какого бы то ни было смысла и значения? Первой фундаментальной географической работой, отвечающей на эти вопросы, стала книга Э. Релфа «Место и безместье» (Relph 1976). Ее автор почти полвека спустя выявляет и анализирует несколько десятков социологических, географических, исторических, искусствоведческих, философских концепций, рассматривающих безместье (Relph 2016). Их тематический и содержа-

тельный разброс поражает: они охватывают различные дискурсы, материальные воплощения и ситуации от физического разрушения места в ходе войны до унификации вследствие глобализации, от бездомности М. Хайдеггера до гетеротопии М. Фуко (Relph 2016).

Для географии в контексте понимания мест через туановские *fields of care* особенно важна, на наш взгляд, *потеря уникальности места вследствие стандартизации и унификации*, на которую обращал внимание еще сам Э. Релф (Relph 1976). В современном городе потенциальным — а порой и вполне реальным — «месторождением» подобной безместности становятся *городские периферии*.

Застроенные типовыми жилыми кварталами из многоэтажек стандартизированных серий промышленного домостроения, эти кварталы в постсоциалистических странах зачастую не имеют явно артикулируемой местной специфики (Аларушкина и др., 2019). Как и в других случаях безместья, описанных гуманистической географией, их чистая *функциональность* не только подменяет собой поиски значений конкретной территории, но и заменяет собой всякий запрос на чувство принадлежности к месту и укорененности в нем. Удобный город, хорошая доступность, комфортная городская среда реализуют запрос на унификацию и универсализацию качества жилья, однако для уникальных особенностей потенциала уже не остается.

Символический капитал города оказывается сосредоточенным в его центре, в тех самых общественных символах, выражающих и потому подменяющих собой весь город (Ter-Ghazaryan 2013; Федотова, Васильева 2017; Млечко 2015). Окраины же остаются без собственных значений, их жители не считают их уникальными и потому заслуживающими внимания. Они мобильны и заняты, поэтому их места жительства выполняют только свою чистую функциональность и не формируют полноценных означенных мест.

Картографирование вопросов означивания и осмысления пространства и — шире пространственных представлений — остается актуальной проблемой и *вызовом* для карто-

графии. Наиболее близко к этой теме подходят дифференцированные подходы к *ментальным картам*.

Под ментальной картой понимают «схему пространственных представлений человека или группы людей, а также отражающий такие представления рисунок» (Замятина, 2008: 250); «когнитивную репрезентацию информации об окружающем мире, которую человек приобретает из различных (прямых или косвенных) источников» (Klippel 2010) или просто «психологическую или внутреннюю репрезентацию места или мест» (Jacobson 2006: 299). Иными словами, ментальная карта — это *способ фиксации человеческих представлений о географическом пространстве* (Митин 2017).

К настоящему времени сложились две противостоящие друг другу трактовки термина «ментальные карты» и, соответственно, два способа развития конкретных методик ментального картографирования.

Во-первых, это *мысленные карты*, существующие лишь в сознании людей и отражающие схемы ориентации в пространстве или визуализируемые в виде абстрактных диаграмм. Пространственная локализация и, соответственно, потенциал выражения смыслов, формирующих конкретные места, здесь могут присутствовать лишь в виде задачи и назначения самой карты — как, например, в *образно-географических картах*, служащих для графической репрезентации взаимосвязанных географических образов места (Замятин 2006).

Во-вторых, это геоизображения, служащие визуальной репрезентацией индивидуальных или обобщенных представлений о территории. Они могут быть построены информантами по заданию исследователя или же самим ученым на основе обобщения полученных данных. Крайним случаем второго подхода выступают традиционные географические карты, тематическое содержание которых связано с изображением представлений о пространстве.

Сложность фиксации множественности пространственных представлений об одном и том же месте приводит к тому, что разработанных и устоявшихся способов картографирования значений мест, на наш взгляд, явно недостаточно.

При этом множественность значений в *предельном* варианте может говорить об особом случае формирования безместья: значений так много, что затруднительно зафиксировать хотя бы одно относительно устойчивое.

Несмотря на указанные обстоятельства, именно в теории *картографии* в последние несколько лет возникает интенция к переосмыслению роли геоинформационных систем в отражении культурно-географической информации.

Так, для решения задач картографической репрезентации динамики общественных систем разработана так называемая *splatial framework — пространственно-местный подход*, объединяющий множественные физические, ментальные, относительные, релятивистские подходы к пространству и месту (Shaw, Sui 2020). В абсолютном пространстве в рамках этой модели место интерпретируется через географическое положение, в относительном — через соседство и отношения (локейл); в реляционном доменом места выступает локальная идентичность, а в ментальном пространстве — чувство места (Shaw, Sui 2020: 341–345).

Л. Бергманн и Н. Лалли в попытке охватить пространственные представления людей, находящиеся в фокусе двух из четырех компонентов указанной выше модели, акцентируют внимание на возможностях картографирования человеческого опыта в пространстве. Они предлагают идею ГИС как *geographical imagination systems*, систем географического воображения как одновременно концептуального подхода к расширению содержательной сферы картографирования и призыва к внедрению новых методик и подходов в геоинформатике (Bergmann, Lally 2021).

Наконец, Бо Чжао рассматривает разрозненные попытки картографирования человеческого опыта как призыв к созданию интегральной теоретической рамки *гуманистических ГИС*. Их задачей выступает картографирование и фиксация в цифровом пространстве опыта проживания, исследования и осмысления людьми окружающего их мира (Zhao 2022). Геоинформационные системы, таким образом, поворачиваются лицом к гуманистической географии, а на место традиционной картографической основе приходят более

сложные и гибкие системы, в которых ГИС служат посредником между человеком и местом.

Позволит ли артикуляция подобной методологической позиции современной картографии и геоинформатики использовать свой аппарат и возможности для охвата и содержательной *репрезентации множественности мест*? И откроет ли это дорогу для *картографирования безместья*, которые станут своеобразными «белыми пятнами» на картах нового поколения? Постановка подобных вопросов служит *целью* настоящей работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аларушкина С.А., Борисов А.А., Воронина А.А., Гладун П.И., Гришунов Е.Л., Зиатдинова С.Г., Квеладзе М.Г., Кирюхин Д.Н., Митин И.И., Михайлов А.А., Молодцова В.А., Фатехова А.Х. Увидеть невидимое: в поисках локальной идентичности района Ясенево в Москве // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2019. Т. 11. № 20. С. 133–163.

Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.

Замятина Н.Ю. Ментальная карта (1) [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. М., 2008. Вып. 5 / Отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин. С. 250–253.

Митин И.И. Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 3. С. 64–79.

Митин И.И. Топонимический палимпсест: переименования как символическое (пере)конструирование пространства и места // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 4. С. 73–83.

Млечко Л.Е. «Символический капитал» города Волгограда в анализе территориальной идентичности // Форум: гуманитарные и экономические науки. 2015. №2 (5). С. 51–60.

Федотова Н.Г., Васильева Н.Ю. Символический капитал Великого Новгорода в дискурсе социальных медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. №2 (24). С. 119–127.

Bergmann L., Lally N. For geographical imagination systems // Annals of the American Association of Geographers. 2021. Vol. 111. No. 1. P. 26–35.

Cresswell T. Place: An Introduction. 2nd ed. Chichester, 2015.

Jacobson D. Mental maps // Encyclopedia of Human Geography / Ed. by B. Warf. Thousand Oaks, CA; London; New Delhi, 2006. P. 299–301.

Jeans D.N. Some literary examples of humanistic descriptions of place // Australian geographer. 1979. Vol. 14. No. 4. P. 207–214.

Klippel A. Mental maps // Encyclopedia of Geography / Ed. by B. Warf. Thousand Oaks, CA, 2010.

Malpas J.E. Place and Experience: A Philosophical Topography. Cambridge, 1999.

Relph E. Place and placelessness. London, 1976.

Relph E. Overview of Non-Place/Placelessness Ideas // Placeness, Place, Placelessness. January 2, 2016. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.placeness.com/overview-of-anti-place-terms-and-processes-placelessness-non-place-rootshock-etc/, дата обращения — 13.10.2022].

Sack R. Homo Geographicus. Baltimore, 1997.

Shaw S.L., Sui D. Understanding the New Human Dynamics in Smart Spaces and Places: Toward a Splatial Framework // Annals of the American Association of Geographers. 2020. Vol. 110. No. 2. P. 339–348.

Ter-Ghazaryan D.K. “Civilizing the city center”: symbolic spaces and narratives of the nation in Yerevan’s post-Soviet landscape // Nationalities Papers. 2013. Vol. 41. No. 4. P. 570–589.

Tuan Y.-F. Space and place: humanistic perspective // Progress in geography. 1974. Vol. 6. P. 211–252.

Tuan Y.-F. Space and Place. The Perspective of Experience. 9th ed. Minneapolis; London, 2002.

Zhao B. Humanistic GIS: Toward a Research Agenda // Annals of the American Association of Geographers. 2022. Vol. 112. No. 6. P. 1576–1592.

Д.Е. Мишин

‘АБҚАР, ОБИТЕЛЬ ДЖИННОВ, В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ И МУСУЛЬМАНСКИХ АВТОРОВ

Понятие об ‘Абқаре как о месте, где обитают джинны, появилось у арабов в доисламскую эпоху. Поэты Маймӯн Подслеповатый (*ал-А‘шā*) и Зухайр ибн Абӣ Сулмā упоминают в своих стихах о «джиннах ‘Абқара» или «абқарских джиннах», уподобляя им конных воинов, которые неудержимо несутся на врага и неистовы в битве (Gedichte 1928: 243; Шарḫ 2008: 87; Ши‘р 1980: 35). Впоследствии аналогичные упоминания и мотивы мы находим в поэзии раннеисламского и омейядского периодов (Дӣвāн 1968: 63; Дӣвāн 1982: 139).

Помимо этого в доисламской поэзии упоминаются узоры ‘абқарских разноцветных одеяний (Шарḫ 1962: 11) и покрывала (тоже разноцветные, так как они уподобляются местности, покрывающейся растительностью после дождя) (Дӣвāн 1998: 64). В этих фрагментах джинны не упоминаются. Внешне перспективной кажется трактовка, по которой речь идет об удивительных, необычных тканях, которые производили джинны. Но до нас дошло сказание, по которому в древние времена арабы из племени банӯ Ḫулвāн, принадлежавшего к объединению ḳудā‘а поселились в Месопотамии, в месте, называемом ‘Аḳбара; их женщины делали шерстяные плащи *‘абḳарийййа* (Тāрӣḫ 1999: 503). Согласно другому источнику, восходящему к X веку, покрывала *сӯсинджард* назывались *‘абḳарӣ* (Китāб 1987: 1328). В средние века под названием Сӯсангард (в араб. передаче — *Сӯсанджирд*, что на письме неотличимо от *сӯсинджард*) было известно селение в области Багдада (Му‘джам 1977: 3/281).

Возможно, между этими сведениями есть взаимосвязь, и на каком-то этапе существовали «ʻабḳарские» узорчатые ткани, которые изготовляли в Ираке. В рамках этой гипотезы необходимо сделать допущение, что во втором из стихов, на которые даны ссылки в этом абзаце, имеет место поэтическая вольность, и в форме *зарāбиййу ʻАбḳарā* слово *ʻАбḳарā* представляет собой название *ʻАбḳара(тун)*, изменённое для того, чтобы соответствовать стихотворному размеру и рифме. Отбрасывание последней графемы, *тāʼ марбӯṭа*, встречается довольно часто и считается допустимым.

Для полноты картины следует отметить, что наиболее раннее упоминание об ʻАбḳаре принадлежит знаменитому поэту Имруʼ-ул-ḳайсу, творившему в первой половине VI в.; ʻАбḳар а нем — место, где чеканят плохие (неполновесные) монеты (Дӣвāн 2000: 421). На данном этапе исследований этому фрагменту трудно дать надлежащую интерпретацию.

Во всех рассмотренных упоминаниях ʻАбḳара в стихах он представляет собой скорее образ, нежели топоним. Единственное исключение — один стих омейядского времени, где есть строка: «Узнал ли ты обитель между Тибрāком и двумя [участками] твердой почвы ʻАбḳара?» (The Mufaḍḍalīyāt 1921: 153; ал-Маʻāриф 1981: 698). Тибрāк, если отождествлять его с современным Тибрāком в Саудовской Аравии, находился к юго-западу от Эр-Рияда, то есть в Йемаме. Судя по тексту фрагмента, ʻАбḳар стиха должен был находиться неподалёку от Тибрāка, но определить его местонахождение точнее невозможно. Кроме того, как будет показано далее, уже в средние века высказывались сомнения относительно того, тождествен ли этот ʻАбḳар «обители джиннов».

В последующие времена (то есть начиная с ʻаббāсидской эпохи) история названия ʻАбḳар определялась двумя существенными чертами. Средневековые авторы описывали ʻАбḳар как место, где много джиннов (Китāб 2003: 87) или как одну из земель джиннов (Китāб 1987: 1122). При этом название ʻАбḳар, формально будучи топонимом, на практике не означало никакой конкретной географической реалии. Обращает на себя внимание то, что Абḳар почти не упоминается в мусульманских географиях жанра «путей и государств», кото-

рые отличаются повышенным интересом к действительности и реалистичностью описаний. ʻАбḳар появляется только в географическом трактате X в. ал-Хамдāнӣ, но это исключение лишь подтверждает правило. Ал-Хамдāнӣ упоминает об ʻАбḳаре в трех местах, но каждый раз сообщает лишь то, что это — место, где есть джинны или где их много (Al-Hamdâni's Geographie 1884: 128, 154, 223).

В дальнейшем ʻАбḳар как обиталище джиннов появляется в географических энциклопедиях ал-Бакрӣ (вторая половина XI в.) и Йāḳӯта (первая треть XIII в.) (Муʻджам 1977: 4/79–80; Муʻджам 1983: 917). Это объясняется особенностями жанра: в энциклопедиях освещались не только реалии современной жизни, но и то, что выходило за их пределы, — легенды, история и т.п. Читая сообщения об ʻАбḳаре у ал-Бакрӣ и Йāḳӯта, мы без особого труда замечаем, что оба автора во многом основываются на рассмотренных выше арабских стихах. Тема ʻАбḳара как обители джиннов присутствует в обоих источниках. В то же время, поскольку предшественники обоих энциклопедистов, как мы видели, почти не упоминали об ʻАбḳаре, и ал-Бакрӣ, и Йāḳӯт вынуждены основываться на стихах, очень немногочисленных сведениях из других источников и своем собственном понимании этой информации. Поэтому ал-Бакрӣ не указывает, где находился ʻАбḳар, и лишь утверждает, что ʻАбḳар того стиха, где он упомянут наряду с Тибрāком — не тот, что фигурирует в других стихах. Йāḳӯт, ссылаясь на комментаторов стиха Имру'-ул-ḳайса, сначала пишет, что по их словам ʻАбḳар находился в Йемене. Затем он приводит легенду о рождении ʻАбḳара, сына Х̱аc̱ʻама (прародителя одного из южноарабских или «ḳаḥṭāнитских» племён) на горе ʻАбḳар. Похожая легенда известна и по одному более раннему источнику (Китāб 1981: 113), однако у Йāḳӯта приводится со следующим окончанием: эта гора находилась в ал-Джазӣре (здесь это название применяется к Аравийскому полуострову, а не к Месопотамии), и на ней делали узорчатые изделия из ткани. Далее он приводит еще одно мнение, по которому ʻАбḳар находился в Йемаме.

На основании изложенного можно, кажется, заключить, что как «обитель джиннов» ʻАбқар представлял собой образец легендарного топонима: никто не отрицал его существования, никто точно не знал его местонахождения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Al-Hamdâni's Geographie der Arabischen Halbinsel / Hrsg. von D.H. Müller. Leiden, 1884.

Gedichte von Abû Baṣîr Maimûn Ibn Qais al-'Aʻšâ / Hrsg. R. Geyer. London, 1928.

The Mufaḍḍalīyāt / Ed. Ch.J. Lyall. Oxford, 1921. Vol. I.

Дӣвӣн ал-ʻАббӣс бин Мирдӣс ас-Суламӣ / Изд. Й. ал-Джабӯрӣ. Багдад: ал-Му'ассаса ал-ʻāмма ли-ç-çаҳāфа ва-ṭ-ṭибāʻа, 1968.

Дӣвӣн Имри'-ил-қайс ва мулҳақāту-ху би шарҳ Абӣ Саʻӣд ас-Суккарӣ / Изд. А.ʻА. Абӯ Сувайлим, М.ʻА. аш-Шавāбика. Эль-Айн: Марказ Зāйид ли-т-турāç ва-т-тāрӣҳ, 2000.

Дӣвӣн Йазӣд бин Муфарриғ ал-Ҳимйарӣ / Изд. ʻА. Абӯ Çāлиҳ. Бейрут: Му'ассасат ар-рисāла, 1982.

Дӣвӣн ан-Нāбиға ал-Джаʻдӣ / Изд. В. аç-Çамад. Бейрут: Дāр Çāдир, 1998.

Китāб ал-ʻайн мураттабан ʻалā ҳурӯф ал-муʻджам. Таçнӣф ал-Ҳалӣл бин Аҳмад ал-Фарāхӣдӣ / Изд. ʻА. Хиндувāнӣ. Бейрут: Дāр ал-кутуб ал-ʻилмиййа, 2003. Ч. 3.

Китāб джамхарат ал-луға ли Абӣ Бакр Муҳаммад бин ал-Ҳасан бин Дурайд / Изд. Р.М. Баʻлбаккӣ. Бейрут: Дāр ал-ʻилм ли-л-малāйӣн, 1987.

Китāб фурҳат ал-адӣб фӣ ар-радд ʻалā Ибн ас-Сӣрāфӣ фӣ шарҳ абйāт Сӣбавайх ли Абӣ Муҳаммад ал-Аʻрāбӣ ал-мулаққаб би ал-Асвад ал-Ғундиджāнӣ / Изд. М.ʻА. Сулṭāнӣ. Дамаск: Маṭбаʻат Дāр ал-китāб, 1981.

ал-Маʻāриф ли Ибн Қутайба / Изд. С̲. ʻУкāша. Каир: Дāр ал-маʻāриф, 1981.

Муʻджам ал-булдāн ли-ш-шайҳ ал-имāм Шихāб ад-дӣн Абӣ ʻАбдиллāх Йāқӯт бин ʻАбдиллāх ал-Ҳамавӣ ар-Рӯмӣ ал-Бағдāдӣ. Бейрут: Дāр Çāдир, 1977.

Муʻджам мā истаʻджам мин асмā' ал-билāд ва-л-мавāдиʻ. Та'лӣф ал-вазӣр ал-фақӣх Абӣ ʻУбайд ʻАбдиллāх бин ʻАбд ал-ʻАзӣз ал-

Бакрӣ ал-Андалусӣ / Изд. М. ас-Саққā. Бейрӯт: ‘Ālам ал-кутуб, 1983.

Тāрӣх ал-‘аллāма Ибн Ҳалдӯн. Каир: Дāр ал-китāб ал-миṣрӣ, Бейрут: Дāр ал-китāб ал-лубнāнӣ, 1999. Т. 3.

Шарḥ дӣвāн Лабӣд бин Рабӣ‘а ал-‘Āмирӣ / Изд. И. ‘Аббāс. Эль-Кувейт: Визāрат ал-иршāд ва-л-анбā’ фӣ ал-Кувайт, 1962.

Шарḥ ши‘р Зухайр бин Абӣ Сулмā. Ṣан‘ат Абӣ-л-‘Аббāс Са‘лаб / Изд. Ф. Ḳабāва. Дамаск: Мактабат Хāрӯн ар-Рашӣд ли-т-тавзӣ‘, 2008.

Ши‘р Зухайр бин Абӣ Сулмā. Ṣан‘ат ал-А‘лам аш-Шантамарӣ / Изд. Ф. Ḳабāва. Бейрут: Дāр ал-āфāḳ ал-джадӣда, 1980.

М.М. Морозова

КАРТИРУЯ ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ

ГЕОГРАФИЯ ВООБРАЖЕНИЯ А.С. ПУШКИНА

Значение путешествий Пушкина для развития его творчества чрезвычайно велико, хотя, может быть, оно еще не всеми достаточно оценено. А ведь именно благодаря путешествиям было создано большое число творений великого поэта, благодаря им Пушкин нашел много новых сюжетов и образов… Сколько же наездил наш великий поэт?.. 34 750 км!

П.П. Померанцев

Карта художественного пространства есть воображаемый мир писателя, положенный на карту. Осваивая территорию вокруг себя, человек насыщает ее яркими образами, генерирует топофильные и топофобные места, маркирует ее сетью ассоциативных связей, которые объединяют прошлое, настоящее и будущее через отражение ландшафта в воображении. Та картина, которая появляется вследствие познания, переживания ландшафта, встречи с ним, у художника, писателя, поэта трансформируется в произведения — художественные тексты или полотна, тем самым порождая новые образы, новые места и новые смыслы ландшафта. Но как картировать эти смыслы? Как наносить на карту воображение? Воображение, которое можно увидеть лишь в его преломлении, в его отражении в тексте, слове.

Существует много подходов к картированию воображения — составление ментальных карт, образных карт, картирование литературы, живописи, мест творчества писателя, составление карт до написания произведения писателем и после, создание карт-анаморфоз и т.д. Картирование воображения является одним из направлений исследований культурной и гуманитарной географии. Отечественные исследо-

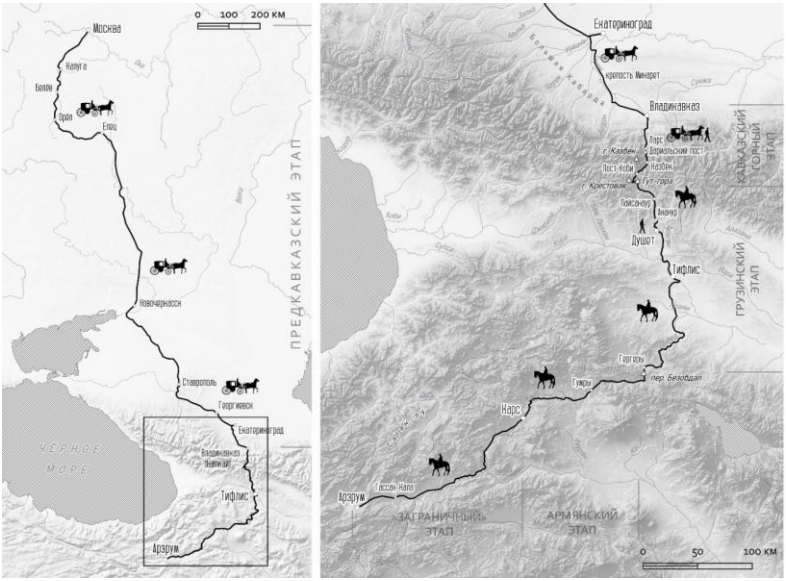
вания географии культуры, в отличие от зарубежных, особое значение уделяют реальному географическому пространству, территории, первоисточнику, являющемуся триггером художественных образов писателя. Данная статья отчасти продолжает эту традицию через исследование отражения границ культурных и географических, которые в путешествии в Арзрум переживал А.С. Пушкин, в воображении писателя, смена восприятия и описаний в их связи с перемещением писателя и переходом через границы.

«Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» было написано А.С. Пушкиным в 1835 г. на основе записок, сделанных имя во время путешествия на Кавказ и участия в событиях русско-турецкой войны 1829 года. Многие исследователи обращались к теме путешествий А.С. Пушкина (Берг 1937; Померанцев 1949). Отдельную группу исследований составляют работы, посвященные исследованию Путешествия как форме ориентального травелога (Чхаидзе 1979; Алексеев 2014а, 2014б; Иванова 2015; Касумова 2015). Такие исследования подробно освещают природный, культурный и исторический контексты путешествия. Однако требуется работа по определению структуры путешествия поэта, систематизации его художественных образов.

В настоящей статье на основе отраженных в художественных текстах природных и культурных образов предлагается выделение семи этапов Путешествия А.С. Пушкина в Арзрум:

- Предкавказский этап (путь до Владикавказа);
- Кавказский горный этап (от Владикавказа до Гут-горы);
- Грузинский этап (путь от Гут-горы до горы Безобдал);
- Армянский этап (от горы Безобдал до Арпачая);
- «Заграничный» этап (от Арпачая до Арзрума);
- Арзрумский этап;
- Владикавказский этап.

Каждый этап представляет собой пространственно-временной хронотоп и связанную с ним систему образов. Рассмотрим каждый из этапов более подробно (Илл.1).



Илл. 1.

Карта этапов Путешествия А.С. Пушкина в Арзрум
(сост. — О.М. Железный)

Предкавказский этап (от Москвы до Владикавказа)

Начало этапа — выезд А.С. Пушкина из Москвы в Арзрум. Эта часть его путешествия включает более десяти городов России. А.С. Пушкин перемещается в экипаже, который при приближении к Кавказу сопровождается конвоем с пушкой, а затем конвоем с пехотой и казаками.

Эта часть путешествия представляет собой переход от Европы к Азии, переход из хорошо знакомого ландшафта к *terra incognita*. А.С. Пушкин пишет: «Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественников» (Пушкин 1981: 299).

С приближением А.С. Пушкина к Кавказу увеличивается число новых образов — встреча А.С. Пушкина с калмычкой, степной Цирцеей; казачий и пехотный конвой с пушкой. Приближение к Кавказу сопровождается более подробным описанием встречающихся на пути мест и географических объектов — вершины Кавказа, крепость Минарет.

Кавказский горный этап (Грозный Кавказ, от Владикавказа до Гут-горы)

Для Пушкина Кавказ начинается с Владикавказа, отправляясь из Владикавказа в Ларс, он пишет: «Кавказ нас принял в свое святилище» (Пушкин 1981: 303). Также с Владикавказа начинается сохранившаяся до настоящего времени часть Военно-грузинской дороги в качестве исторического пути, что позволяет выделить новый этап путешествия и ее первую точку, название которой говорит само за себя, — город, который является вратами в мир Кавказа.

Выделяется несколько географических объектов, формирующих образ Кавказа и этого этапа путешествия, — Терек, Дарьяльское ущелье, Троицкие ворота и Бешеная балка (ущелье ручья Куро).

Повествование Пушкина о Кавказе наполнено историей и легендами посещаемых мест. Расширяясь, пространство обретает свойства палимпсеста, так как Пушкин одновременно фокусируется на актуальном состоянии места и связанных с ним исторических слоях, он одновременно находится в нескольких хронотопах.

На протяжении всего путешествия, начиная с Кавказа, Пушкин стремится перескочить в следующий этап путешествия, получить новые впечатления, ему быстро становится скучно, когда он начинает глубже познавать ландшафт.

Грузинский этап (Миловидная Грузия, путь от Гут-горы до горы Безобдал)

Ландшафтные и климатические образы меняются с пересечением границы Грузии — «голые утесы» сменились «зелеными горами и плодоносными деревьями». В образ Грузии Пушкина вошли Кайшаурская долина, Арагва, Кура и Тифлис.

Пушкин представляет читателю Тифлис так, словно вводит новый персонаж. Дается подробное описание городского ландшафта, климата, населяющих город людей и его истории. В конце грузинского этапа путешествия Пушкиным овладевает скука. Тот, край, что был полон загадочных образов, становится ему понятен, он спешит дальше.

Армянский этап (Древняя Армения, от горы Безобдал до Арпачая)

Граница между Грузией и Арменией точно прослеживается в «Путешествии в Арзрум». Пушкин выделяет естественную границу — гора Безобдал и малое ущелье на ее вершине, а также отмечает смену климата при переходе из Грузии в Армению.

Ландшафты Армении для А.С. Пушкина представляют собой земли прекрасные, чье «плодородие вошло на Востоке в пословицу» (Пушкин 1981: 314). Важнейшими образами этого этапа являются крепость Гергеры, гора Арарат, Арпачай. Арарат является одной из палимпсестных точек ландшафта, увидев его Пушкин вспоминает связанные с Араратом образы.

Арпачай для Пушкина — это граница России и остального мира, возможность выйти за пределы. Поэт радостно пересекает реку и оказывается на турецком берегу, но не ощущает перехода в новое пространство, другой мир. То, что турецкий берег завоеван русскими, для А.С. Пушкина означает, что он все еще находится в России. Но все же это граница, граница миров и частей Путешествия в Арзрум.

«Заграничный» этап (от Арпачая до Арзрума)

С пересечением границы происходит резкая смена образов. По дороге к Арпачаю А.С. Пушкина сопровождают мифы, сказки, мечты о том, что ждет его за границей. Все то, что он встречает после, вызывает у него негативные эмоции. Важнейшими географическим образами этого этапа являются: Хребет Саган-лу, берега Карс-чая, Аракс, Гасан-Кале.

Заграничный этап путешествия тесно связан с описанием армии и лагерной жизни А.С. Пушкина. Начиная с Карса и до Арзрума описание ландшафта уходит из текста путешест-

вия, словно ландшафт сменился оживлявшей его армией и ее генералов. На этом этапе путешествия из текста исчезают красочные описания ландшафта, горы и леса становятся для Пушкина лишь фоном, ландшафт внушает ему скуку.

Арзрумский этап

А.С. Пушкин отмечает, что Арзрум выделяется в качестве главного города «Азиатской Турции», через который проходит главная сухопутная торговля между Европой и Востоком. Оказавшись в Арзруме, поэт встречает не пространство сказок и мифов, но реальную территорию, и дает ей лишенную романтизма оценку.

Владикавказский этап

Дорога Пушкина обратно представляет собой краткое резюме самых ярких образов путешествия — Саган-лу, Безобдал, Тифлис, Коби, Казбек, Бешеная Балка и Терек. Пушкин отмечает пустынность ландшафта, который ранее был оживлен войсками.

***

Таким образом, в Путешествии в Арзрум выделяется и может быть картографировано семь пространственно-временных этапов, каждый из которых обладает системой художественных и географических образов. Посещаемые А.С. Пушкины территории насыщены сказками, мифами и образами. Далекий азиатский Арзрум был путеводной звездой, к которой он спешил, оставляя Кавказ, Грузию и Армению.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев П.В. Ориентализация пространства в «Путешествии в Арзрум» А.С. Пушкина. Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 5–12.

Берг Л.С. Пушкин и география // География в школе. 1937. № 2. С. 18.

Иванова Н.П. Экспликация ментальной оппозиции «ожидаемое — действительное» в картинах окружающего мира «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкина // Пушкинские чтения. 2015. С. 14–24.

Касумова М.Ю. Исследование Востока художественными средствами в жанре «Путешествия» // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. С. 78–79.

Померанцев П.П. Карта путешествий Пушкина // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Вып. 5. С. 453–454.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М., 1981. Т. 7.

Чхаидзе Л.Д. К источникам «Путешествия в Арзрум» // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979.

О.В. Окунева

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БРАЗИЛИИ КАК ОСТРОВА НА ЕВРОПЕЙСКИХ КАРТАХ XVI–XVII ВЕКОВ

В докладе речь пойдет о европейских картах Южной Америки, на которых изображено не существующее в реальности озеро, в котором якобы берут исток крупнейшие реки континента (Амазонка на севере и Парана на юге), что в совокупности образует «остров» и представляет собой естественные границы португальских владений. Умозрительное предположение путешественников и дальнейшая интерпретация этой идеи картографами послужили основой настоящего мифа об «острове Бразилии», который, в свою очередь, получил политическое, дипломатическое, а с течением времени еще и историософское измерение.

Важно подчеркнуть, что подобное представление Бразилии как острова на европейских картах XVI–XVII вв. является лишь одним (и при этом не единственным) из способов осмысления пространства Нового Света. Даже в рамках португальского или нидерландского корпуса карт — картографы именно этих стран чаще всего помещали на свои карты озеро с общим истоком двух рек — можно найти близкие по хронологии примеры то использования идеи острова, то отказа от нее (порой эти колебания демонстрирует один и тот же картограф).

Считается, что одним из первых авторов, развивших идею о Бразилии как об острове, является француз «Жан Альфонс родом из Сентонжа»: сейчас его чаще всего отождествляют с португальцем на французской службе Жуаном Афонсу. В приписываемой ему стихотворной «Космографии» говорится об озере, из которого изливаются Амазонка и Рио-

де-Ла-Плата (как известно, эта последняя, представляющая собой обширный эстуарий реки Парана, в XVI веке считалась самостоятельной рекой). В дальнейшем такое озеро (вариант — просто соединение речных систем) встречается в «Книге гидрографии» Жана Розе (Джона Ротца) 1542 г., на картах Андре Омена (1559), Бартоломеу Велью (1561), Луиша Тейшейры (ок. 1600), Жуана Тейшеры Албернаша I (1628), Жуана Тейшейры Албернаша II (1667). Новый импульс идея Бразилии как острова получила у нидерландских картографов XVII века — благодаря тому, что их произведения имели сводный характер, пополняясь за счет самых разных источников, и издавались и переиздавались большими тиражами. Озеро с общим истоком появляется у Левиния Хульсия (1599), а затем неоднократно фигурирует в различных изданиях двух карт (*Americae descriptio* и *America Meridionalis)* из так называемого Малого Атласа Меркатора-Хондия (1607), опубликованного Я. Янсоном, на картах Янсона 1636 и 1637 гг., на картах мира и картах Америки Вилема Блау (карта мира, издания 1630–1662 гг. [модель восходит к 1606 г.]; карта Америки 1630 и 1665 гг. [Атлас Майор]), а также на карте Вишера 1669 г., восходящей к модели Янсона. Отметим здесь же английские издания карт Питера ван ден Кеере (полномасштабная карта Америки 1626 г.; карманный атлас 1646 г. с миниатюрной картой мира в двух полушариях и отдельной миниатюрной картой Америки). При этом другие известные и авторитетные нидерландские картографы XVI–XVII вв. (Ортелий, Меркатор, Планций) идею островного положения Бразилии не поддерживали. Озеро с общим истоком для двух рек появляется также на некоторых картах французского производства: на так называемой карте мира Буассо (ок. 1645) и на карте Николя Сансона д'Аббвиля 1650 г. (однако в случае именно этого картографа существуют и другие карты его авторства без соединения истоков южноамериканских рек).

Изучение и представление комплекса в основном португальских, а также некоторых европейских карт XVI–XVII вв. с изображением Бразилии как острова связано с именем португальского историка и специалиста в области исторической картографии Жайме Кортесана (1884–1960). Много лет зани-

маясь историей Великих географических открытий и ролью в них Португалии, а также историей освоения территорий именно португальской Америки, он создал убедительную, связную и непротиворечивую концепцию, наглядность которой придавали иллюстрации из второго (посмертно вышедшего) тома его «Истории Бразилии на старинных картах» (1970): с помощью современных картографов Кортесан наложил контуры карт XVI–XVII вв. с их обозначениями рек и демаркационных линий на современный контур Бразилии, провел работу по приведению проекций этих карт к единому знаменателю и продемонстрировал эволюцию изображений «острова Бразилии», попутно увязав ее с различным расположением на картах Тордесильясского меридиана и умышленно допущенными диспропорциями в изображении северо-восточной, наиболее выдающейся в океан части Бразилии. Идея Кортесана заключалась в том, что португальская корона (или португальская колониальная администрация в годы Иберийской унии, когда Португалия находилась с Испанией в составе единого государства) и поощряла такое представление, и сама вдохновлялась им, поскольку оно сообщало португальской Америке внутреннюю целостность перед лицом, как сказали бы современные историки, «конституирующего Другого»: испанской Америки, обладающей естественными границами. Кроме того, Кортесан связал идею «острова Бразилии» с важным этапом освоения внутренних территорий Бразилии — так называемым движением бандейрантов (конец XVI–XVII вв.).

Критики концепции Кортесана утверждали, что автор преувеличил связность и рациональность этой несомненно существовавшей тенденции в картографии, поскольку в произведениях XVI–XVII вв. Кортесан искал (и находил) подтверждение собственных представлений о внутреннем физико-географическом, а в дальнейшем и метафизическом единстве Бразилии. Современные исследователи говорят об идее «Бразилии как острова» как о конкретно-историческом *мифе*, имевшем при этом геополитическое измерение и активно использовавшимся в процессе разграничения португальских и испанских колониальных владений в Южной Америке в XVI–XVIII веках.

А.В. Подосинов

ГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В АНТИЧНЫХ ТЕКСТАХ — СВИДЕТЕЛЬСТВО РЕАЛЬНОЙ ИЛИ ВООБРАЖАЕМОЙ КАРТОГРАФИИ?

Античные тексты содержат большое количество географических описаний, в которых формы (контуры) той или иной местности, острова, полуострова, моря, города, страны, материка уподобляются какой-то геометрической фигуре или предмету (треугольнику, квадрату, параллелограмму, прямоугольнику, трапеции, ромбу, конусу, месяцу, кораблю, плащу, столу, веретену, кухонному ножу, щиту, мечу, военному луку, листу платана или дуба, сосновой шишке, человеческой голове, ступне, женской груди и другим частям тела, рогам животных, буквам греческого алфавита Δ, E, N и др.). Особенно охотно использует такие образы древнегреческий автор «Географии» Страбон (подробный обзор таких уподоблений у Страбона см.: Dueck 2005: 19–57; см. также анализ географических уподоблений в античной географической литературе: Dueck, Brodersen 2012: 83; Poiss 2014: 69–87; Bekker-Nielsen 2017: 128).

Часто предполагается, что в основе таких уподоблений лежат карты, с которыми будто бы сверялся географ (см., например: Harley, Woodward 1987: 175: “It is not clear how we should interpret these familiar graphic similes Strabo employed to describe to his readers the land areas and other features on the world map. But they do suggest that he was writing with a map in front of him”). Л.И. Грацианская, говоря об этих уподоблениях у Страбона, пишет, что «введение образных уподоблений

пространств в текст, по Страбону, с одной стороны, определяет простоту восприятия этого материала читателем (II, 5, 13), а с другой стороны, косвенным образом указывает на наличие у нашего географа карты (схемы, чертежа) отдельных частей ойкумены, а может быть, и всей ойкумены. Крупномасштабные пространственные части ойкумены выделяются Страбоном явно картографически» (Грацианская 2006: 34).

Представляется, что для таких выводов нет серьезных оснований. Использование географических карт в античной практической жизни, да и в географических трудах, почти не фиксируется в наших источниках (Podossinov 2016: 5–11). Речь может идти, вероятно, о «воображаемой» картографии, основой которой являются ментальные карты, несомненно, возникавшие в воображении путешественников, географов, и, конечно, картографов, если брать ненаучную картографию и географию (обозначаемую часто как *common sense geography*, см. Geus, Thiering 2012). Основой презентации пространства — речевого акта человека, запечатленного в письменном источнике, и графического изображения пространства, запечатленного в карте, является когнитивный акт постижения пространства, порождающий в мозгу человека ментальные карты. Это могут быть ментальные карты комнаты, дома, двора, городского квартала, всего города, местности, страны, материка, ойкумены, Земного шара.

В этой связи заслуживает особого внимания следующий пассаж Страбона (II, 5, 11):

> Бóльшую часть сведений [о географии. — *А. П.*]… (мы) получаем по слухам и затем составляем наши представления о форме, величине и других характерных особенностях — качественных и количественных, — так как ум образует свои представления из чувственных впечатлений (ἡ διάνοια ἐκ τῶν αἰσθητῶν συντίθησι τὰ νοητά). … Когда мы имеем дело с большими фигурами (τῶν μεγάλων σχημάτων), наши чувства воспринимают только части их, ум же составляет представление о целом на основании восприятия чувств (ἐκ τῶν ὀραθέντων). И люди любознательные поступают таким же образом: они полагаются как на органы чувств, так и на тех лиц, кто видел или объездил какую-нибудь страну, куда бы их ни привел

случай (одни в одной, другие — в другой части земли), и они объединяют в одну картину свой мысленный образ целого обитаемого мира (συντιθέασιν εἰς ἓν διάγραμμα τὴν τῆς ὅλης οἰκουμένης ὄψιν). Полководцы, хотя и делают все сами, но не везде присутствуют, а большинство своих дел проводят через других, полагаясь на сообщения вестников и рассылая надлежащим образом приказания в соответствии с услышанными донесениями. И тот, кто считает знающими о каком-либо явлении только тех, кто действительно видел его, уничтожает критерий чувства слуха, хотя для научных целей (πρὸς ἐπιστήμην) это чувство гораздо важнее, чем зрение» (перевод Страбона здесь и далее А.Г. Стратановского).

В этом тексте я вижу, во-первых, красноречивое теоретическое описание возникновения и функционирования ментальных карт (Страбона, на мой взгляд, следует признать «отцом» современной теории когнитивных карт); во-вторых, он в очередной раз показывает отсутствие реальных карт даже у полководцев. Обращение к графическим фигурам для характеристики географического положения и формы географических объектов, кроме исследовательского аспекта (работа писателя-географа) имеет и другой аспект — нахождение наиболее удобного способа передать читателю свое видение пространственных структур, свою ментальную карту. Так, в II, 1, 30 Страбон пишет:

Границы страны точно определены, когда ее можно ограничить реками, горами или морем, племенем или племенами, наконец, по величине и форме там, где это возможно. Но вообще вместо геометрического определения достаточно простого определения в общих чертах (ἀντὶ τοῦ γεωμετρικῶς τὸ ἁπλῶς καὶ ὁλοσχερῶς ἱκανόν). Таким образом, что касается величины страны, то достаточно указать ее наибольшую длину и ширину…; что касается формы, то [достаточно будет] уподобить страну какой-нибудь геометрической фигуре (τῶν γεωμετρικῶν τινὶ σχημάτων) (например, Сицилию — треугольнику) или какой-нибудь другой из известных фигур (например, Иберию — бычьей шкуре, Пелопоннес — листу платана).

Представляется, что с помощью этих фигур (метафор) Страбон предлагает читателю создать свою ментальную карту описываемых им местностей, облегчающую восприятие его словесного описания, и здесь совершенно права Л.И. Грацианская, отмечающая «простоту восприятия этого материала читателем» как цель Страбоновых уподоблений (см. выше; см. также Dueck 2005: 54–55; 57 о их “didactic motivation”), но при этом речь, как мне кажется, не идет об использовании или составлении каких-то реальных карт. Исключение следует сделать для некоторых геометрических уподоблений, которые используются Страбоном в рассуждениях о научной картографии Эратосфена и Гиппарха, с чьими картами ойкумены он мог быть знаком (Dueck 2005: 56), и они касаются, как правило, крупных географических объектов (материков и стран).

Важно также отметить, что местность обычно сравнивается с предметом, который хорошо известен всем читателям.

Так же и Дионисий Периэгет, который в своем поэтическом «Описании ойкумены» часто прибегал к уподоблениям такого рода, сравнивает контуры Ливии с геометрической фигурой в целях лучшего усвоения читателем ее географического положения (170–179):

> А теперь я расскажу о каждом из материков, чтобы ты, даже и не видя их воочию, мог бы иметь [о них] ясное представление (ὅφρα καὶ οὐκ ἐσιδών περ ἔχοις εὔφραστον ὀπωπήν). В результате ты сможешь обрести почет и уважение, излагая подробности несведущим. Ливия простирается на юг (175) и юго–восток, по форме она сходна с трапецией, начинаясь от Гадиры, где ее «вершина» сужается к Океану; а «основание» ее — около Аравийского моря (здесь и далее перевод Дионисия Е.В. Илюшечкиной).

Далее Дионисий рисует ментальную карту Европы и Африки, вместе взятых (275–280), и для лучшего восприятия их положения читателем предлагает уподобление с конусом:

> И если бы ты объединил оба [материка] в один, эта фигура представляла бы собой конус с двумя равными сторонами, с вершиной на западе и с основанием на востоке,

[проходящим] посреди [ойкумены]. Теперь же, после того как ты таким образом увидел очертания этих двух материков, ты легко представишь границы Европы (ῥέα τέρμα κιχήσεαι Εὐρωπείης)».

Прямо-таки ментальную карту имеет в виду Дионисий, когда он говорит о форме Южной Азии (887–888): «Вообрази ее очертания (σχῆμα) [в виде] четырехугольника, вытянувшегося своими просторными равнинами на восток».

Хорошо сказала об этой черте античного географического описания Даниэла Дуэк: “Early geographers needed some pictorial images in order to transmit visual impressions through words, thus establishing a sort of verbal cartography” (Dueck 2005: 20).

Важен для нашей темы и вывод когнитивной психологии о существовании наряду с индивидуальными образами пространственных структур также и образов «общественных», присущих определенной социально-культурной группе людей, объединенных различными обстоятельствами (место проживания, пол, возраст, уровень образованности, социальная принадлежность, профессия и т.д.). Это может объяснять наличие в рамках одной культуры нескольких различных когнитивных схем в восприятии пространственных объектов, при существовании неких «общенациональных» пространственных схем и образов.

Думается, что приверженность традиции и зависимость от нее (т.е. как бы вторичность), характерные для литературной и картографической форм репрезентации географического пространства, свойственны и «ментальным картам», ведь и эти последние зарождаются в голове человека не в малой степени благодаря знакомству с традиционными образами, существующими в устной, литературной или графической форме; особенно это касается отдаленных территорий ойкумены или всей Земли, составить ментальную карту которых невозможно только в результате личного когнитивного опыта. Таким образом, устанавливается и обратная связь между вербально-графическими образами, с одной стороны, и ментальными — с другой.

Обобщая, можно сказать, что любое географическое описание, если это не механическая компиляция, представляет собой «перевод» когнитивной (или ментальной) карты в текст вербальными средствами (Д. Дуэк очень точно назвала этот феномен *verbal cartography*). То же можно сказать и о географической карте: карта — это перевод ментальной карты (*mental cartography*?) в изобразительный артефакт графическими средствами, но это была уже работа в сфере научной картографии, имевшей в античности узкий, кабинетный характер (я бы назвал ее по аналогии с определением Дуэк *graphic cartography*).

БИБЛИОГРАФИЯ

Грацианская Л.И. Страбоновское пространство: теория и реальность // Восточная Европа в древности и средневековье: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2006 г. Материалы конференции. М., 2006. С. 33–34.

Bekker-Nielsen T. Strabo's roads // D. Dueck (ed.). The Routledge Companion to Strabo. New York: Routledge, 2017. P. 125–136.

Dueck D. The parallelogram and the pinecone: Definition of geographical shapes in Greek and Roman geography on the evidence of Strabo // Ancient Society. 35. 2005. P. 19–57.

Dueck D., Brodersen K. Geography in classical antiquity (Key Themes in Ancient History). Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Geus K., Thiering M. (eds.). Common Sense Geography and Mental Modelling. Berlin, 2012.

Harley J. B., Woodward D. (eds.) The History of Cartography, I: Cartography in Prehistoric Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean. Chicago; London, 1987.

Podossinov A.V. Karte und Text: zwei Wege der Repräsentation des geographischen Raums in der Antike und im frühen Mittelalter // La letra y la carta: descripción verbal y representación gráfica en los diseños terrestres grecolatinos. Estudios en honor de Pietro Janni / Ed. Francisco J. González Ponce, Francisco Javier Gómez Espeloshín, Antonio L. Chávez Reino. Sevilla; Madrid, 2016. P. 3–32.

Poiss T. Looking for Bird's Eye View in Ancient Greek Sources // K. Geus, M. Thiering (eds.). Features of Common Sense Geography: Implicit Knowledge Structures in Ancient Geographical Texts ("Antike Kultur und Geschichte" 16). Berlin, Münster, Wien, Zürich and London, 2014. P. 69–87.

И.Т. Прокофьева

МАТЬ ИНДИЯ

НОВОЕ БОЖЕСТВО В ВЕРБАЛЬНОМ И КАРТОГРАФИЧЕСКОМ ОБЛИКЕ

Доклад посвящен появлению и роли Матери-Индии (Бхарат-мата) — богини, вошедшей в индусский пантеон лишь в начале XX века. Мать-Индия, фигура которой своими очертаниями повторяет карту Индии, стала воплощением территории страны, главного объединяющего начала многочисленных религиозных общин поликонфессиональной Индии.

Мать-Земля — почти обязательное божество всех политеистических религий. Индия, столь щедрая на богов, тоже не могла обойтись без подобного персонажа, и ее пантеон включает сразу двух богинь: Притхиви, или Притхви, героиню ведийского космогонического мифа, прародительницы богов и людей, и Бхуми, ради спасения которой от потопа на Землю в образе вепря Варахи сошел Вишну и поднял тонущую в водах богиню на своих клыках. Впрочем, знамениты эти богини разве что тем, что дали Земле-планете (санскр. *притхиви*) и земле-суше (санскр. *бхуми*) свои имена.

Бхарат-мата, этот новый сакральный персонаж, пришелся весьма кстати в период формирования национального самосознания населяющих ее народов и затем активно использовался во времена подъема национально-освободительного движения. Не забыта богиня, ставшая священным символом независимого существования и объединения всех индийских территорий, и в наши дни.

Родилась богиня из акварели, нарушив тем самым обычную последовательность, при которой сначала появляется божество, а потом его изображения, которые сначала

присутствуют в качестве почитаемых *мурти* (образ божества) в храмах и лишь потом выходят за его пределы (Davis 1997: 17–25). Будущая Бхарат-мата появилась на акварели бенгальского художника Абаниндраната Тагора (1871–1951). Он изобразил четырехрукую богиню (четыре руки как раз и свидетельствуют о «божественности» героини рисунка).

Рисунок сразу же стал популярным, только тогда изображенную на нем женщину называли Банга-мата («Мать-Бенгалия»). Бенгальское общество было в это время занято борьбой с разделом своей провинции на две: Восточную (с преимущественно мусульманским населением) и Западную (где преобладали индусы). Это изменение административного деления провинции в рамках общего государства вызвало бурную протестную реакцию в Бенгалии, в нем увидели посягательство на единство бенгальской нации. Борьба против раздела Бенгалии вылилась в мощное массовое политическое движение, которое нуждалось в новых символах, так что становится понятным, почему акварель А. Тагора вдруг оказалась востребованной. Изображенная художником молодая женщина стала персонифицированным, антропоморфным символом Бенгалии, и делить ее территорию — это все равно, что расчленять живое тело.

Создание антропоморфного образа территории, как правило, страны, так называемая национальная персонификация — известное явление. Достаточно вспомнить рожденную в период Французской революции и здравствующую по сей день Марианну в фригийском колпаке, олицетворяющую Францию; американскую деву Колумбию в звездно-полосатом одеянии или воинственную, с обязательным львом у ног, деву Британию. Молодую женщину с акварели А. Тагора восприняли как символ Бенгалии, и она стала, по сути, иконой движения.

Довольно скоро героиня нашего рассказа изменила имя и превратилась в Бхарат-мату, то есть Мать-Индию. Изменение имени выглядит логичным — борьба с разделом Бенгалии завершилась, провинция осталась единой, но началось уже новое, общеиндийское, национально-освободительное движение, которое тоже нуждалось в своих символах. Но тут

изменившей свое имя еще в Бенгалии богине вскоре предстояло изменить и свой облик и переселиться в другую область — из Бенгалии Бхарат-мата перенеслась на юг Индии, в Мадрас (нынешний Ченнаи, штат Тамилнаду). 20 апреля 1907 г. накануне тамильского нового года на обложке одного журнала появляется картинка, изображающая поклонение новой богине. На картинке на фоне индийской природы изображались люди, почтительно склонившиеся перед сидящей женщиной в сари, опирающейся на небольшой земной шар (или глобус), повернутый так, что видны на нем только очертания Индии. Публикация из «Индии» впервые изображает богиню рядом с картой страны. Идея связи богини-матери и географической карты оказалась настолько плодотворной, что начиная с этой публикации в мадрасском еженедельнике и до сегодняшнего дня появляется множество картин, вписывающих Мать-Индию в очертания полуострова Индостан. Уже через два года (апрель 1909 г.) в том же журнале женская фигура будет полностью вписана в контуры страны: венец на голове четырехрукой богини с детьми на коленях упирается в Кашмир (область на севере страны), а ступни ног, видные из-под сари, стоят на крайней южной оконечности полуострова. С этой картинки начинается то, что индийско-американская исследовательница С. Рамасвами называет геоморфным изображением, созданием геотела (*geo-body*) божества (Ramaswamy 2010: 8), когда персонифицируется («антропоморфизуется», по терминологии Рамасвами) сама территория. Бхарат-мата становится не символом, а сутью индийской земли, произрастая из нее и принимая ее форму.

Желание не просто связать божество-символ с географическими реалиями страны, а отождествить их создает новую иконографию, воспринятую и развиваемую на протяжении века. В главную идею тождества земли и ее богини может вписываться любая другая, патриотическая и представляющаяся художнику, часто анонимному, максимально актуальной для данного момента мысль. Так, в рисунке первой «гео-матери», о котором шла речь, проводится идея общей заботы родины о представителях разных конфессий: в океа-

не, у ног богини, изображены две лодки, в каждой из которых находятся по два обнимающихся человека, судя по одежде — индус и мусульманин, а надписи на флагах в кормовой части лодок на тамильском и телугу призывают противостоять религиозной разобщенности, сама Мать-Индия в одной из четырех своих рук держит знамя с надписью арабской вязью *Allahu akbar* («Бог велик!»). Явный кивок в сторону ислама уравновешен индусским лозунгом лозунгом «Ванде матарам» («Склоняюсь пред тобою, мать» — первая строка из патриотического гимна бенгальского писателя Банкимчандры Чаттерджи, ставшая кличем сначала бенгальского, а потом и общеиндийского движения за свободу), расположенным на картинке где-то в районе Гималаев (Ramaswamy 2010: 21).

Картинка из журнала показывает, как мало еще полагался на чисто зрительное восприятие безымянный автор: ни одна мысль, даже главная (обожествление географического пространства страны) не довольствуется только визуальными средствами — везде есть словесная подпорка, вербальное объяснение изображенного. Символов, и без того явных, да еще и поддержанных словами, в черно-белой картинке явный переизбыток, словно бы художник решил высказать в нем все, что знает и думает о настоящем и будущем страны и о путях преодоления нынешних проблем. Единственные, кто остается без вербальных помет, — это дети на ее коленях. Дети — сами объяснение того, почему изображенная женщина названа матерью. Но и это идея, содержащаяся в пока еще наивном и снабженном текстовыми комментариями рисунке, пришлась кстати: со временем появится целая серия изображений Матери-Индии с ребенком на руках — своего рода индийская мадонна с младенцем.

Мадонна, впрочем, появляется тогда, когда опубликованные в Мадрасе рисунки стали известны за его пределами. Самый проникновенный образ матери с младенцем на руках принадлежит Срипаду Дамадару Сатвалекару (1867–?). Это уже не газетный рисунок, а картина, написанная маслом в 1917 году: женщина в белом вдовьем сари держит на коленях обнаженного младенца, тянущего к ней ручки. Женщина

сидит на отроге скалы; бегущие с гор, расположенных за ее спиной, потоки воды изливаются в море; небо, покрытое тучами, разорвано пробившимся через них солнечным лучом, освещающим ребенка. На то, что эта женщина — Бхарат-мата, указывает ее поза и складки сари, точно повторяющие контуры полуострова. Левая нога устало опущена на Цейлон, который часто присутствует на гео-изображениях Матери-Индии.

Со временем сотни изображений сидящей или стоящей Матери-Индии в разного цвета одеяниях вплоть до трехцветного шафраново-бело-зеленого (цвета флага Индии), с ребенком или без, с флагом в руке или без него, иногда в сопровождении льва (причем не безгривого индийского, а африканского, с гривой, точно такого, как на изображениях Девы Британии), в одиночестве или в компании национальных лидеров, но обязательно воспроизводящей своей фигурой, позой, складками сари географические контуры страны, стали неотъемлемой частью индийского визуального ландшафта. Перенасыщенность этих изображений символами, которая идет от первого геоморфного рисунка из мадрасского журнала, только теперь еще с добавлением цвета, раздражала бы в любой другой культуре, но в Индии с ее визуальной необузданностью воспринимается почти как должное. Неудивительно, что с приходом к власти в 2014 г. Бхаратийя джаната парти (Индийская народная партия, БДП), декларирующей патриотизм, национализм и возврат к исконности, число «матерей-карт» возрастает. Геоморфная мать из уникального визуального проекта, основанного на оригинальной идее совместить в одном образе персонифицированный и географический символы нации, превращается в семантического монстра, который, обретая все новые и новые символы, может окончательно потерять смысл.

Обилие геоморфных изображений Матери-Индии, создание особой иконографии, своего рода сакрализация карты, а следовательно — территории, этой картой отображаемой, — часть процесса создания общенациональной территориальной идентичности, так сказать, продолжение национальной, патриотической политики, только другими, визуальны-

ми, средствами. Гео-матери, изображаемые повсеместно, должны были выработать у народа чувство принадлежности к той территории, на которой они родились и живут, что в такой многонациональной, многоязыкой и многоконфессиональной стране, какой является Индия, едва ли не единственное сближающее всех начало.

БИБЛИОГРАФИЯ

Davis R.H. Lives of Indian Images. Princeton, 1997.

Ramaswamy S. The Goddess and the Nation. Mapping Mother India. Durham NC, 2010.

С.Е. Сидорова

КОЛОНИАЛЬНЫЕ КАРТЫ И УМОЗРИТЕЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТЭКОНОМИИ

ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ ОРИССЫ (1763–1828)

С обретением во второй половине XVIII в. значительных земельных владений в Индостане английская Ост-Индская компания закрепилась там как политическое образование, которое со временем заняло большую часть полуострова и получило название Британская Индия. Если исходить из идеи А. Лефевра о том, что пространство не существует как априорная категория, а является производной социальных практик (Лефевр 2015), то процесс формирования Британской Индии можно охарактеризовать как превращение «пустой» земли (о которых у британцев не было знаний) в территорию, организованную сообразно целям, интересам и способам существования колониальной политической культуры. В XVIII–XIX веках ее благополучие и жизнеспособность зиждились на идеях политического и экономического либерализма и утилитаризма. Завоевываемые и приобретаемые британцами пространства мыслились как функциональные площадки политэкономии, приспособленные для рационального, экономически выгодного использования. Однако таковыми они еще не являлись.

Одним из способов/факторов «производства» желаемого пространства было создание его определенного визуального образа, к числу которых относится и географическая карта. В центре внимания сюжет о том, как британцы в колониальное время картографировали и описывали Индо-

стан. В частности, речь пойдет об Ориссе — регионе, расположенном на восточном побережье субконтинента.

Став обладателями земель в Индии, британцы задались целью понять их размеры, очертания, пропорции и соотнести свои приобретения с остальным субконтинентом и политическими игроками на нем. Этим занималась Топографическая служба Индии, основанная в 1767 г. Джеймсом Реннелом. В работе он использовал специально обученных сюрвейеров, в руках которых были европейские инструменты, предназначенные для астрономических наблюдений и измерения расстояний, углов с целью определения координат местности. Наряду с этим сюрвейеры должны были вести дневники путешествий и описывать местность, которую пересекали, продукцию, производимую там, перечислять названия всех без исключения деревень, и фиксировать все, что могло показаться примечательным.

Иными словами, с помощью специфических приборов и методов обследования территорий британцы извлекали специфические знания о них, в результате чего складывался, по выражению Бернарда Кона, «репертуар образов и типичных клише, которые показывали, что было важно для европейского взора» (Cohn 1996: 6). Подвергнутые процедурам квантификации, типологизации и картирования эти знания служили строительным материалом для формирования колониальной территории.

Если в принадлежащих Ост-Индской компании Бенгалии и Бихаре, проводилось целенаправленное изучение земель, то за их пределами сведения о землях добывались во время перемещения войск и политических миссий. Метод таких исследований так и назывался «маршрутным» или «пересеченным», что отражало не какой-то специальный, обоснованный подход к сбору информации, а лишь вынужденную подчиненность обстоятельствам. Именно по таким транзитным маршрутам обследовалась во второй половине XVIII в. Орисса, входившая тогда в состав Нагпурского княжества. Учитывая, что конечные пункты назначения политических миссий и войск находились за ее пределами, британцы проходили этот регион насквозь, не отвлекаясь на отклоне-

ния от кратчайшего или наиболее удобного пути. Таких географических целей было две — Нагпур (в Центральной Индии) и Мадрас (в южной части полуострова). Сохранившиеся дневники экспедиций рассказывают, как, что и чем измеряли сюрвейеры в пути. Ресурсный потенциал Ориссы оставался по большей части на периферии их внимания. Стоит отметить, что довольно скудные представления о хозяйстве в регионе складывались из того, что наблюдатели видели с дороги и вдоль дороги.

На первой карте Рэннела Индостана (1788 г.) Орисса, с огромными лакунами и не обладающая собственными границами, оказалась растворенной внутри территории Нагпурского княжества. Это была фрагментарная репрезентация пространства, используемого или рационализируемого британцами пока в качестве зоны транзита.

После 1803 года часть прибрежной Ориссы вошла в состав Британской Индии. В этот момент в «Исторических записках Топографической службы Индии» за период 1800 по 1815 г. она появляется впервые как самостоятельный объект исследования (Historical Records 1950). Теперь это были специально снаряженные экспедиции, участники которых по-прежнему пользовались маршрутным методом, но кружили внутри провинции, заполняя пустоты более частой сеткой проложенных ими путей. Этому также способствовало начавшееся землеустройство региона, что подчиняло траектории движения британцев целям выявления и определения конфигурации налогооблагаемых объектов. Теперь Орисса была не только транзитной местностью, но и емкостью, вмещавшей земельные владения. Первая карта Ориссы (неопубликованная) как отдельного региона была создана в 1816 году. Параллельно стали появляться его цельные описания, первым из которых был очерк Эндрю Стерлинга, объединившего историю и территорию, то есть повествования о политическом и хозяйственном устройстве и развитии провинции (Sterling 1846). Ее визуально-описательный образ начал обретать более четкие контуры и наполненность детальной информацией. Однако непосредственно на месте, в самой Ориссе британцы по-прежнему вязли в бездорожье,

путались в направлениях движения, не понимали пределов вновь приобретенных территорий, сталкивались с неповиновением населения и несобираемостью налогов в недосягаемых районах.

Во второй половине XVIII – начале XIX века при отсутствии физически материализованного инфраструктурного и институционального каркаса, необходимого для свободного и быстрого перемещения на большие расстояния капитала, товаров и труда, эти земли еще не могли выполнять функцию площадки политэкономии. Это была технологически сконструированная и потому пока иллюзорная территория, существовавшая по большей части на бумаге (в том числе в виде географических карт) и наложенная поверх пространства, сформировавшегося задолго до прихода британцев и функционировавшего по своим, местным законам рациональности. Созданная британцами картографическая модель региона была предварительно размеченной площадкой, подготовленной для превращения в будущем желаемого пространства в реальное.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.

Cohn B.S. Colonialism and Its Forms of Knowledge. The British in India. Princeton, 1996.

Historical Records of the Survey of India / Collected and compiled by R.H. Phillimore. Dehra Dun (U.P.), 1950. Vol. II: 1800 to 1815.

Sterling A. Orissa: Its Geography, Statistics, History, Religion, and Antiquities. London, 1846.

Е.К. Симонова-Гудзенко

КАРТА ЯПОНИИ В СОЧИНЕНИИ ДЖОНАТАНА СВИФТА «ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА»

Полное название сочинения Дж. Свифта — «Travels into several Remote Nations of the World. In four parts. By Lemuel Gulliver, first a surgeon, and then a captain of several ships» [By Jonathan Swift. With plates], первое издание было опубликовано в 1726 г. Бенджамином Моттом. Книга вышла с портретом автора и пятью картами, иллюстрирующими каждое путешествие Гулливера, включая карту Балнибарби и Лапуту. Четыре карты в изданиях помещены в начале повествования, а пятая — в тексте третьего путешествия (Swift 1735: 172). На русский язык «Путешествия Гулливера» перевел Ерофей Каржавин в 1772–1773 гг. с французского издания Дефонтена. Полный русский перевод сочинения, выполненный П.П. Кончаловским и В.И. Яковенко, выходил в 1889 и 1901 годах. Возможно, из-за отсутствия карт в отечественных изданиях о рассматриваемой нами карте долгое время не было широко известно[1].

Исследования разных аспектов произведения Свифта, преимущественно литературоведческие, появились в печати почти сразу же после публикации книги, их поток оскудевает время от времени, но потом вновь усиливается. Среди множества исследований книги Свифта лишь единицы посвящены географии и картам. Хотелось бы отметить статьи Фр. Брачера «Карты в “Путешествиях Гулливера”» (Bracher 1944) и

[1] Требуется дополнительное исследование наличия карт в первых русских изданиях. Благодарю Ю. Уфимцева, который несколько лет назад обратил мое внимание на карту Японии.

Дж. Мура «География в “Путешествиях Гулливера”» (Moore 1941).

Публикация карт в английских изданиях продолжалась неукоснительно разными издателями, во всяком случае, вплоть до второй половины XX века. Как утверждал Фр. Брачер, карты этих путешествий — одни из самых популярных карт в английской литературе (Bracher 1944: 61). Однако карты по-прежнему сохраняют свою загадочность. Имя картографа так и остается неизвестным.

Реально существующие страны упоминаются в сочинении Свифта, как правило, в начале и в конце каждого путешествия, то есть в качестве мест отправления и возвращения Гулливера из воображаемого в реальный мир. Воображаемые страны размещаются в реальном географическом пространстве, привязаны к реальным географическим объектам, более того, в тексте сочинения указываются координаты воображаемых стран. На картах неизвестный картограф стремился изобразить воображаемую страну островом, со всех сторон омываемым океаном, но линию далекого «материка» пытался максимально приблизить к реально существующим очертаниям на карте.

Исследователи полагают, что прототипом для создания иллюстраций к сочинению Свифта была «Карта мира» Германа Молла 1719 г. (Bracher 1944: 61–62). Герман Молл (середина XVII в. – 1732) был самым известным и авторитетным в Великобритании картографом первой половины XVIII века. Молл был одним из двух реальных современников Свифта, выведенных как персонажи в его книге.

В третьем путешествии Гулливера в Лапуту, Барнибарби, Лаггнагг и Японию указывается направление на вполне реалистический Тонкин (Северный Вьетнам), в сторону которого двинулся корабль с Гулливером на борту, и даже уточняются координаты на момент, когда их обнаружили пираты: «About an hour before we saw the pirates, I had taken an observation and found we were in the latitude of 4 6 N. and of longitude 183» (Swift 1735: 178, 180). Скорее всего, подобная точность должна была создать исключительное правдоподобие расположения воображаемых стран. Однако немного-

численные исследователи карт указывают, что неизвестный картограф вовсе не следовал указаниям Дж. Свифта. Более того, Мур, анализируя карты путешествий Гулливера, показывает ошибки, абсурдность координат, названных в тексте. Кроме того, он весьма едко отмечает, что Свифт демонстрирует слабое знакомство с книгами о путешествиях, а основной маршрут его собственных путешествий пролегал между Дублином и Лондоном (Moore 1941: 227).

Примечательно, что Япония — единственная упоминаемая Свифтом реальная страна, которую посетил Гулливер. Возможно, это связано с тем, что и в начале XVIII в. о Японии было мало что известно и она представлялась фантастическим краем. И хотя уже появилась близкая к реальности карта японских островов Тейшейра в атласе Ортелия (1595), и голландская Ост-Индская компания обосновалась в Нагасаки в 1609 г., однако Япония продолжала оставаться «закрытой страной», и сведения о ней в Европе были неопределенны, фрагментарны и экзотичны. А опубликованные заметки о путешествиях в эту далекую страну Франсуа Карона (около 1600–1674), Арнольда Монтануса (1625–1683) и соотечественника Свифта Вильяма Адамса (1564–1620), были наполнены больше описанием увлекательных приключений и устрашающих обычаев аборигенов, чем давали реальные сведения о стране. В 1727 г. фактически одновременно с публикацией сатирического травелога Свифта в Лондоне издается фундаментальная двухтомная «История Японии» Э. Кемпфера (1651–1716).

В исследовании, посвященном роли и месту Японии в «Путешествиях Гулливера», проведенном совместной группой английских и японских исследователей, подробным образом рассматриваются разные аспекты приводимых Свифтом сведений о Японии. Находя прямые заимствования из книги Кэмпфера, авторы отмечают, что Свифт мог иметь доступ к рукописи Кэмпфера задолго до ее публикации (Johnson et al. 1977: 12). Свифт описывает, что Гулливер получает аудиенцию у императора (вероятнее, сёгуна, поскольку сначала он попадает в Эдо) и дозволение не исполнять церемонию *фумиэ* — «попирания образа Христа», обязательную

для европейцев, ступивших на японскую землю (Swift 1735: 249–250). О подобной церемонии Свифт мог узнать, скорее всего, у Кемпфера (Jonhson et al. 1977: 2, 23–26).

Интерес представляет описание бессмертных, для которого, возможно, были использованы сведения о даосских представлениях о бессмертии (Swift 1736: 220–223). Во всех воображаемых странах, куда попадал Гулливер, он с легкостью учил местные языки, в реальной стране Японии ему это не удалось, что он объяснил краткостью пребывания в стране (Swift 1736: 223). Нам представляется, что это дополнительно подчеркивает различия между воображаемыми и реальными странами, ведь в воображаемых странах все немного волшебно, и незнакомые языки оказываются доступны пониманию.

Обратимся к карте. Конфигурация основных островов Японии, северного острова Эдзо, очень близко размещенного или соединенного с Азиатским материком, а также большинство топонимов соответствуют изображенным на карте мира Г. Молла. Воображаемые острова Балнибарби, Лаггнагг находятся вне пространства карты Г. Молла.

На карту нанесено много топонимов. Три самых крупных города, *Эдо* (Yedo, совр. Токио) — столица, место пребывания сёгуна; *Мияко* (Меассо, совр. Киото) — столица, место пребывания императора; *Осака* (Osacca) — самый большой торговый город страны. Порт, в который прибыл Гулливер, отмечен на западном побережье Токийского залива как Ксамоси / Самоси / Сямоси (Xamoschi / Samoshi, Симоса). Фактическая провинция *Симоса* была расположена немного севернее. *Нивато* (Нагато) — провинция на юго-западе острова Хонсю. Инаба — провинция на западном побережье острова Хонсю. *Нангасак* (Nangasac, Нагасаки) — город на западе острова Кюсю, единственный порт, открытый для европейцев в XVII–XIX вв., а со временем в него допускали исключительно голландцев. Из этого порта Гулливер отправился на родину.

Отмечены также мифические гора *Пенлай* (гора бессмертных, япон. Хорай) одна из трех священных гор-островов в китайской мифологии, место обитания бессмертных; и страна *Фусан* (япон. Фусо:, «Земля шелковицы» — одно из

названий Японии) на востоке в Японии, на Сахалине или Северной Америке. Легенды об этой стране также связаны с поиском эликсира бессмертия.

Особо необходимо остановиться на конфигурации и расположении острова Эдзо (совр. остров Хоккайдо), который изображен крупнее, и слишком близко или даже соединен с Азиатским материком. О самом северном острове Японского архипелага европейцы узнали в XVI в. из докладов и карт миссионеров. В 1618 г. первый европеец Дж. Ангелис ступил на землю Хоккайдо и сделал карту острова. Северный остров затем появился на картах Мартини, Блау и др. В XVIII в. картографы считали, что остров соединен с материком, что отражено на картах 1680 г. Мордена и 1712 г. Молла (Boscaro 1994: 86). Преувеличенное представление о площади острова связано с тем, что европейцы до экспедиции Лаперуза в 1787 г. предполагали, что Хоккайдо и Сахалин являлись единым островом, и только после непосредственного обследования было установлено, что островов два. Более подробно об изображении острова расскажем в докладе.

«Путешествия Гулливера» пользуются вниманием японцев, взрослых и детей, особенно после знаменитого анимационного фильма Хаяо Миядзаки «Летающий замок Лапуту».

БИБЛИОГРАФИЯ

Boscaro A., Lutz W. Edzo and Its Surroundings through the Eyes of European Cartographers. // Japan: A Cartographic Vision. Munich; New York, 1994. P. 84–90.

Bracher F. The Maps in Gulliver's Travels // Huntington Library Quarterly. 1944. Vol. 8. No. 1. P. 59–74.

Buchel S. Reading and Mapping Fiction. Spatialising Literary Texts. English Literature 1830–1900. Cambridge; New York, 2020.

Cullen L.M. Eighteenth-Century Ireland / Iris an dá chultúr. 2013. Vol. 28. P. 170–176.

Johnson M., Muneharu K., Williams Ph. (eds.). Gulliver's Travels and Japan: A New Reading = ガリバー旅行記と日本. Kyoto, 1977.

Moore J.R. The Geography of “Gulliver’s Travels” // The Journal of English and Germanic Phology. 1941. Vol. 40. No. 2 P. 214–228.

Swift J. Travels into Several Remote Nations of the World. 2-nd ed. London: B. Motte, 1735. — Электронный ресурс [режим доступа: https://archive.org/details/thetravelsofdoctorlemuelgulliverintoremotenationsoftheworld/mode/2up, дата обращения — 02.07.2022].

Н.А. Смирнов

ИСКУССТВО СИМПАТИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ И ГЕРМЕТИКА ПРОСТРАНСТВА

Художники всегда работали с картами, но с 1970-х годов эта практика приобрела особый характер, который, во-первых, был связан с деконструкцией картографических практик как практик власти модерного субъекта, — деконструкции, осуществляемой в рамках постструктурализма и постмодернизма. Во-вторых, в пару к этой критике сразу возник импульс альтернативного картографирования или контр-картографирования, тесно связанный с воображением и созданием карт как практики по моделированию «другой», более справедливой и лучшей реальности.

Таким образом, за новейшим картографическим импульсом в современном искусстве стоит анти-гегемонистский и анти-авторитарный импульс: как деконструкция карты в качестве инструмента власти, так и практика по созданию альтернативных миров. Анализ, проводимый в последние годы рядом исследователей (например, Митчелл 2019, Smyth 2005, Lagalaisse 2019) показывает, что анти-гегемонистская философия и практика соответствующих анти-авторитарных движений в Европе, и шире, индоевропейском мире, были на протяжении последних двух тысяч лет тесно связаны с гностической / герметической традицией, проявляющейся в различных вариантах, вплоть до радикально секулярных, таких как марксизм. Прослеживаются эти связи и в картографических практиках современного искусства: во-первых, через центральную роль географического воображения; во-вторых, через своеобразную «картографическую магию», ко-

гда между различными локусами устанавливаются симпатические соответствия; и в-третьих, через акцент на герметической ситуации как условии работы — праксиса.

Воображение вообще является центральным инструментом гностической / герметической традиции, которое устанавливает с помощью воображения симпатическое соответствие или (алхимическое) тождество между микромиром и макромиром (Йейтс 2020, Kearney 2003), — которое К.Г. Юнг описывал как процесс «индивидуации» (Юнг 2008), — дуально-недуальную онтологию и метафизику. Такая установка является имплицитно субверсивной по отношению к конвенциональной религиозности и политике, где границы между уровнями бытия и метафизики являются гораздо более непроницаемыми. Современное географическое воображение аффектировано этой (герметической, индивидуирующей) установкой в самой своей основе, что проявляется в особой роли понятия «гео-индивидуал» (*Erdindividuum*) у одного из основателей современной географии — Карла Риттера (Ritter 1817–1859). Это понятие подхватил Гегель (Mutabdzija 2021), после чего оно, во второй половине XIX в. вошло в геополитику (например, теория «органического государства» и соответствующее понятие *Lebensraum* у Ф. Ратцеля), а также в «новую российскую географию» школы Анучина и в идеологию либерального и деколониального краеведения (Смирнов 2018).

Однако, за этим органическим пониманием территории, лежащим в основе современного пространственного воображения, лежит более фундаментальное понимание земного ареала как географической личности, пришедшее из гностической / герметической традиции. Это магико-алхимическое понимание территории проявляется как в самой этимологии понятия *Erdindividuum,* так и в тесных связях немецкой идеалистической мысли с герметикой (Magee 2008); а также в явной корреляции между понятием *Erdindividuum (*лежащим в основе современной географии и сформулированным немецкой идеалистической философией*)* и пониманием территорий как одушевленных сущностей в гностической / герметической традиции и, шире, неоплатонизме. Например, ре-

нессансный маг Джордано Бруно говорил о Земле как о «великом индивидууме, который есть наша постоянная питательница и мать» (Йейтс 2000: 2018), что довольно точно воспроизводит мысль, выраженную в трактате XII «Герметического свода».

В российском контексте тесные связи между гностической / герметической традицией и географическим воображением прослеживаются, например, в сочетании деколониальной идеологии краеведения (пытавшейся «дать голос» месту) и рядом понятий русской религиозной философии (являющейся специфической русско-православной версией герметической традиции), в частности понятия «симфоническая личность», сыгравшем большую роль в теории Евразийства (Smirnov 2019a). Или в оригинальной теории «метагеографии», ставящей в центр воображение и понятие географического образа, и по сути являющейся «герметикой пространства» (Замятин 2004, Smirnov 2019b, Smirnov 2021).

Таким образом, географическое воображение в его деколониальном и анти-авторитарном модусе оказывается глубинно связанным с гностической / герметической традицией. С другой стороны, новейший картографический импульс в современном искусстве связан как раз с деконструктивистским и анти-гегемонистским модусом географического воображения. Это приводит к тому, что за многими практиками работы с картами в современном искусстве можно проследить герметические корни и смыслы.

В качестве примеров для рассмотрения предлагается взять две художественные практики: проект голландской художницы Марйолин Ботеренбруд (Marjolijn Boterenbrood) «Слои восприятия», где она работает с картами Киргизии и Нидерландов, устанавливая между двумя территориями образные симпатические соответствия и практикуя своеобразную «картографическую магию». А также практику художника из Владивостока Александра Казанцева, который картирует необитаемые острова, подолгу живя на них отшельником, то есть в идеальной герметической ситуации. Несмотря на явные различия и контексты, в которых развива-

ются эти практики, обе они несут явные, но во многом неосознанные, черты герметической философии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000.

Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004.

Митчелл М. Скрытые сходства. Фаустианские темы: От гностических истоков до постколониальной культуры. М., 2019.

Смирнов Н.А. Множество и один краеведческий музей // Сборник исследовательских материалов Центра Экспериментальной Музеологии № 1. М., 2018. С. 301–342.

Юнг К.Г. Психология и алхимия. М., 2008.

Bruno G. La Cena de le Ceneri. London, 1584.

Kearney R. The Wake of Imagination. London; New York, 2003.

Lagalisse E. Occult Features of Anarchism: With Attention to the Conspiracy of Kings and the Conspiracy of the Peoples. PM Press, 2019.

Magee G.A. Hegel and the Hermetic Tradition. Ithaca; London, 2008.

Mutabdzija G. Hegel as geographer: From geographische Grundlage and Erdindividuum to Spatial fix. Preprint posted on Academia.edu in 2021.

Ritter K. Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen. Berlin, 1817–1859.

Smirnov 2019a — *Smirnov N*. Left-wing Eurasianism and Postcolonial Theory // e-flux journal. Issue #97 — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.e-flux.com/journal/97/252238/left-wing-eurasianism-and-postcolonial-theory/, дата обращения — 19.06.2022].

Smirnov 2019b — *Smirnov N*. Meta-geography and the Navigation of Space // e-flux journal, Issue #101 — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.e-flux.com/journal/101/271896/meta-geography-and-the-navigation-of-space/, дата обращения — 19.06.2022].

Smirnov N. Ars sympathetic to space // Catalog for Marjolijn Brotherhood exhibition. Preprint.

Smith C. Karl Marx and the Future of the Human. Lanham, 2005.

А.А. Фролов

МЕСТО ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КООРДИНАТ В МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЕ ИБН СА‘ИДА АЛ-МАГРИБИ (XIII ВЕК)*

Традиция характеризовать положение описываемых объектов (например, городов) через координаты в арабской средневековой географии представлена не менее чем 74 источниками, в которых указаны от 2 до 656 пунтов с координатами (Kennedy 1987). Координаты, приводимые одним средневековым автором, часто можно встретить в сочинениях других, что позволяет оценить степень близости между собой различных источников.

Практика указания координат была заимствована из трудов Клавдия Птолемея, хотя конкретные значения долгот и широт в арабских сочинениях с птолемеевыми не совпадают. Реальных измерений широты и долготы на базе астрономических наблюдений в распоряжении географа было крайне мало (Щеглов 2014; Grasshoff 2014). В основном координаты заимствовались им у предшественников или рассчитывались на основе данных о расстояниях между пунктами. Замеры расстояния при этом могли иметь совершенно разное происхождение (как подробные итинерарии или периплы, так и обобщенные оценки кратчайшего расстояния по прямой с указанием направления по сторонам света), систематически округлялись и использовали то правила сферической тригонометрии, то евклидовой планиметрии (Щеглов 2014: 97–102 и др.). Нечто подобное возможно и для араб-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-00207).

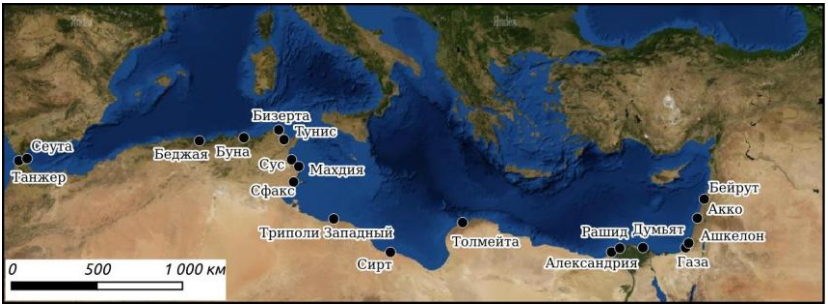
ской средневековой географии, но степень изученности ее памятников в этом отношении существенно меньше.

Современные информационные технологии позволяют использовать значения координат из античных и средневековых рукописей для характеристики соответствующих источников в разных аспектах. В этом направлении наиболее развита историография трудов Птолемея. Одна из задач, решаемая разными способами, — локализация по координатам еще не идентифицированных городов путем моделирования искажений географического пространства. Подобное моделирование, однако, применимо только для такого пространства, которое непрерывно и однородно — как и реальное географическое пространство (Щеглов 2019: 118). Но есть основания полагать, что карта Птолемея, например, «имела сложное иерархическое строение, при котором координаты большинства пунктов определялись, скорее всего, не относительно своего ближайшего окружения, но относительно небольшого числа наиболее важных опорных точек. При этом, даже если относительно опорной точки положение каждого отдельного пункта было определено верно, относительно своего ближайшего окружения оно могло сместиться непредсказуемым образом» (Щеглов 2019: 128).

Изучалась математическая основа и арабских сочинений, но до сих пор мало разработан вопрос об основных параметрах той модели поверхности Земли, при которых могли существовать города с приводимыми в средневековых сочинениях координатами. Координаты редко опирались на астрономические наблюдения, поэтому были неточны, а чаще всего еще и являлись результатом компиляции из трудов предшественников. Но даже в этом случае вопрос об основных параметрах модели не теряет смысла, поскольку позволяет достаточно определенно судить о согласованности между собой координат различных пунктов в рамках одной географической системы, дает основания для идентификации нелокализованных топонимов на основе значений приведенных для них координат.

В рамках специального исследования нами были проанализированы координаты 19-ти городов южного и вос-

точного Средиземноморья (по ходу движения вдоль берега с запада на восток: Танжер, Сеута, Беджая, Буна, Бизерта, Тунис, Сус, Махдия, Сфакс, Триполи Западный, Сирт, Толмейта, Александрия, Рашид, Думьят, Газа, Ашкелон, Акко, Бейрут — см. Илл. 1), приведенные испано-арабским географом второй половины XIII в. Ибн Са'идом ал-Магриби. Они извлечены из двух источников: его собственного сочинения и сочинения Абу-л-Фиды *Таквим ал-булдан* («Упорядочение стран», 1321–1331 гг.) (переводы и характеристику источников см.: Коновалова 2020). Для шести городов (Ашкелон, Беджая, Бизерта, Газа, Рашид, Сфакс) координаты в этих источниках указаны разные (Kennedy 1987), нами были проанализированы обе версии координат.



Илл. 1

Города южного и восточного Средиземноморья,
для которых известны координаты по Ибн Са'иду

Определение положения пунктов через градусы дает основания для расчета «арабской» модели на эллипсоиде, который описывается двумя параметрами: длиной экваториальной и полярной («большой» и «малой» соответственно) полуосей. Целью исследования является проверка согласованности координат разных городов и ответ на вопрос, возможно ли их одновременное нахождение хотя бы на одном сфероиде.

Через «обратную геодезическую задачу» средствами геоинформатики на различных эллипсоидах определялась величина расхождения расстояния между двумя городами в «арабских» координатах с реальным расстоянием на земном эллипсоиде. Порог, ограничивающий множество сфероидов, признанных подходящими по величине этого расхождения, определяется статистическими методами (расхождение не более 8,61%). Смысл процедуры заключается в определении параметров полуосей сфероидов, подходящих максимальному количеству пар городов. Доля таких пар городов от их общего числа (всего 19 городов образуют 171 комбинацию) служит «коэффициентом согласованности» набора координат Ибн Са'ида. Равенство коэффициента единице означает наличие набора сфероидов, подходящих для всех комбинаций городов в пары.

Обе версии координат Ибн Са'ида характеризуются низким значением коэффициента — 0,2515 и 0,2632. В целом это означает, что наборы координат всех 19-ти городов южного Средиземноморья, описанных у Ибн Са'ида, не находятся в некой согласованной системе, позволяющей найти пересечение всех множеств хотя бы на одном сфероиде. В версии Абу-л-Фиды коэффициент немного ближе к единице, но едва ли это может быть уверенно интерпретировано как улучшение первоначальных данных Абу-л-Фидой, поскольку разница слишком незначительна.

Отсутствие хотя бы одного эллипсоида, который является подходящим для всех 19 городов в координатах Ибн Са'ида, делает возможными три варианта интерпретации:

1) координаты городов, приведенные Ибн Са'идом, вовсе не соотносятся с расчетами на сфероиде;

2) для разных групп городов подходят разные сфероиды;

3) для части городов верно первое утверждение, для другой возможно обнаружить соответствие их координат параметрам одного или нескольких сфероидов. В частности, такое возможно, если при расчете координат большинства городов в качестве опорных точек использовались более точные данные о положении нескольких, служащих своего рода «реперами».

Для оценки того, насколько сильно присутствие в модели того или иного города влияет на рассогласованность координат, этот город исключался из модели. Наименее согласованными оказываются координаты тех пунктов, чье изъятие максимально приближает «коэффициент согласованности» к единице.

В результате проведенных вычислений выявлены максимальные значения «коэффициента согласованности» и соответствующие им комбинации городов в двух вариантах координат Ибн Са'ида — при изъятии из выборки от 1 до 16 пунктов. Это позволяет охарактеризовать согласованность координат средиземноморских городов следующим образом.

Вариант координат по версии самого Ибн Са'ида: изъятие из выборки менее чем 14 городов не позволяет достичь согласованности координат ни при каких комбинациях. При изъятии 14 городов одинаково возможны 4 варианта, в которых неизменно оказались города Танжер, Сеута, Беджая, Буна, Бизерта, Тунис, Сус, Сирт, Газа, Акко, Бейрут. Вариативность связана с тем, что результат достигается при изъятии еще любых трех из следующих городов: Александрия, Рашид, Думьят, Ашкелон. Хорошо согласованными координатами обладают, таким образом, Махдия, Сфакс, Триполи Западный, Толмейта и один из четырех городов юго-восточного участка побережья: Александрия, Рашид, Думьят, Ашкелон. Географическое положение этих городов не подтверждает явным образом предположение о том, что они могли служить своеобразными «реперами» для расчета координат окружающих пунктов: эти города не образуют некой опорной сети, а располагаются в основном друг за другом в центральной части исследуемого отрезка побережья (Илл. 1).

Вариант координат с корректировками Абу-л-Фиды: для достижения согласованности координат оказалось достаточным изъять 13 городов. Согласованы между собой по координатам 6 городов: Махдия, Сфакс, Триполи Западный, Толмейта, Думьят, Ашкелон. Ссылаясь на Ибн Са'ида, Абу-л-Фида скорректировал его координаты таким образом, что сделал более соответствующим общей системе положение городов юго-восточного Средиземноморья. В целом геогра-

фия наиболее согласованных между собой по координатам городов теперь больше соответствует гипотезе о «реперных точках», однако каким образом это может быть интерпретировано, зависит от происхождения данных, внесенных Абу-л-Фидой. Если они были взяты из неизвестной редакции сочинения Ибн Са'ида, то проведенные расчеты подкрепляют эту гипотезу. Если же мы имеем дело с «точечными» корректировками самого Абу-л-Фиды, то первоначальные способы определения координат в системе Ибн Са'ида это никак не характеризует.

БИБЛИОГРАФИЯ

Коновалова И.Г. Информация о городах средиземноморского побережья Африки в географическом сочинении Абу-л-Фиды // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 9 (95). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: https://history.jes.su/s207987840012318-8-1/

Коновалова И.Г. Описание азиатской части средиземноморского побережья в географическом сочинении Абу-л-Фиды // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем / Отв. ред. М.С. Петрова. М.: Аквилон, 2020. Вып. 5. С. 289–301.

Щеглов Д.А. Предыстория географии Птолемея // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 2014. Т. X. С. 82–131.

Щеглов Д.А. Строение пространства в «Географии» Птолемея: методологические сложности георефференцирования античных топонимов // Scholae: Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13 (1). С. 115–136.

Grasshoff G. Ptolemy and Empirical Data // Astroculture: Figurations of Cosmology in Media and Arts. München, 2014. P. 32–44.

Kennedy E.S., Kennedy M.H. Geographical coordinates of localities from Islamic sources. Frankfurt-am-Main, 1987.

К.С. Худин

ВООБРАЖАЕМЫЕ КАРТОГРАФИИ ПАРИЖА В РОМАНЕ РЕМАРКА «ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА»

СЮЖЕТНЫЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

В XX веке роман Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» воспринимался исключительно с позиций реализма и антифашизма (см., например, Книпович 1971; Харитонов 1982; Николаева 1983), но в XXI веке на первый план вышла его символическая составляющая. «Триумфальная арка» стала рассматриваться как эсхатологический роман (Поршнева 2006) с античными и ветхозаветными аллюзиями (Поршнева 2015), также наполненный и иной символикой (Похаленков 2011; Поршнева 2014: 156–164; Поршнева 2015а; Безверхая 2018). Исследователи уделяли особое внимание теме «мертвых» в этом произведении Ремарка (Поршнева 2006: 389; Поршнева 2010: 72; Поршнева 2015: 187).

Никто из исследователей творчества Э.-М. Ремарка не обращал внимание на то, что действие романа происходит именно в западной части Парижа. Если нанести перемещения литературных героев на карту реального Парижа, станет очевидно, что «территория» романа весьма ограничена и формируется скрещением двух сюжетно-пространственных линий у Триумфальной арки на площади Звезды (сейчас площадь Де Голля), которая является средокрестием, важным топосом и фактически — героем повествования.

Первая линия («любовная») проходит с юга на север: от моста Альма (где происходит первая встреча Равика и Жоан) через проспект Марсо, площадь с Триумфальной аркой, проспект Ваграм к площади Терн (возле которой живет Равик в

отеле «Энтернасьональ». Там, в отеле, случается первая близость главных героев. Чуть северо-восточнее, в районе Монмартра находится кабаре «Шехерезада» (*Scheherazade*), где служит швейцаром Борис Морозов и куда устраивается работать певицей Жоан Маду. Это реальное заведение в Париже, которое посещал писатель (Ремарк 2018: 293, 294, 342).

Вторая линия («героическая»), воплощенная противостоянием Равика и Хааке, проходит с востока на запад. Впервые герои встречаются на углу проспекта Георга V и проспекта Елисейских полей возле кафе «Фуке» — это реальное заведение в Париже, где часто бывал Ремарк (Ремарк 2018: 223, 230, 232–233, 236, 249, 253). Равик везет Хааке на машине в сторону Булонского леса на западе Парижа, пересекая первую сюжетно-пространственную линию. В этом лесу противоборство заканчивается убийством Хааке, а закапывает тело Равик еще западнее, в 20 километрах от города, в Сен-Жерменском лесу. Место смерти Хааке становится многократно усиленным «западом».

Равик встречает Хааке возле Озириса, сажает в машину, отвозит в Булонский лес, где убивает. Спустившись в самую глубокую (самую западную) часть этого мира, Равик не только совершает убийство Хааке, но и освобождает томящуюся там душу своей невинно-убиенной жены, смерть которой теперь отомщена (Поршнева 2015: 189–190): «Смерть Хааке сорвала застывшую маску смерти с лица Сибиллы — на мгновение оно ожило и затем стало расплываться. Теперь Сибилла обретет покой, теперь ее образ уйдет в прошлое и никогда больше не вернется» (Ремарк 1994: 393). Эта месть, в каком-то смысле освобождает и самого Равика, который такой же тенью живет в Париже на нелегальном положении, невидимый для всех. Если смерть — это утрата имени (Поршнева 2010: 72), то его обретение — это возрождение.

Вскоре Равика арестовывают как гражданина враждебной державы — Германии, и здесь он впервые, на последних страницах романа, называет свое подлинное имя — Людвиг Фрезенбург (*Fresenburg*) (Ремарк 1994: 446; Remarque 1988: 704). К этому моменту Франция вступает во Вторую мировую войну, и весь город, даже Триумфальная арка, погружа-

ются в затемнение. В дневнике от 28 августа 1939 года Ремарк, находившийся в Париже, записал: «Въезд в Париж. Огни погашенные — защита от авианалетов. Елисейские Поля, Арка невидимы» (Ремарк 2018: 253); в романе это превратилось в финальные строки: «Нигде ни огонька. Площадь тонула во мраке... В кромешной тьме нельзя было разглядеть даже Триумфальную арку» (Ремарк 1994: 448). Ад выплескивается наружу, будто выходит из своей западной части и затопляет весь город, весь мир. И в этой связи становится важной подлинное имя героя: фамилия *Fresenburg*, по всей видимости, восходит к нем. *fressen* («корм», «пожирать») и *burg* («город»), и, таким образом, может быть прочитана и как «пожирающий город», и как «корм города». Под этим именем герой отправляется в лагерь для интернированных, а затем, сохранившись, появляется уже в США в романах «Земля обетованная» и «Тени в раю» (Поршнева 2014: 157).

БИБЛИОГРАФИЯ

Безверхая И.В. Основные компоненты концепта «Любовь» в романе «Arc de Triomphe» Э.М. Ремарка // Языкознание. Восточнославянская филология. 2018. Вып. 6 (32). С. 124–128.

Книпович Е. Послесловие к роману Э.М. Ремарка «Тени в раю» // Иностранная литература. 1971. № 12. С. 179–182.

Николаева Т.С. Творчество Ремарка-антифашиста. Саратов, 1983.

Поршнева А.С. «Триумфальная арка» Э.М. Ремарка как эсхатологический роман // Дергачевские чтения – 2004. Екатеринбург, 2006. С. 388–391.

Поршнева А.С. Символика смерти в творчестве Э.М. Ремарка // Мировая литература в контексте культуры. 2010. № 5. С. 71–74.

Поршнева А.С. Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930–1970-х годов (Э. М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн). Екатеринбург, 2014.

Поршнева А.С. Античные и ветхозаветные аллюзии в немецком эмигрантском романе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2–2. С. 185–192.

Поршнева А.С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» // Совре-

менные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 2. С. 314–325.

Похаленков О.Е. Концепт «враг» в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» // Немецкоязычное духовное наследие в мировой культуре. Иваново, 2011. С. 139–144.

Ремарк Э.М. Триумфальная арка / Пер. с нем. Б. Кремнева и И. Шрайбера. Алматы, [1994].

Ремарк Э.М. Я жизнью жил пьянящей и прекрасной… [письма, дневники, стихотворения] / Пер. с нем. В. Куприянов, А. Анваер. М., 2018.

Харитонов М. Герой Ремарка в поисках опоры // *Ремарк Э.М*. Триумфальная арка. М., 1982. С. 3–10.

Remarque E.M. Arc de Triomphe. Köln, 1988.

Г.В. Шпак

ВООБРАЖАЕМЫЕ КАРТОГРАФИИ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВОЗМОЖНОГО В АНГЛИИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА

Развитие картографии в Англии XVI в. прослеживается в двух, на первый взгляд, диаметрально противоположных сферах — фиксация реальной топографической действительности и создание воображаемых картографических пространств. Однако при попытке соотнесения этих областей оказывается, что преобладающей характеристикой географического образа оказывается его нематериальность, то есть географический образ является совокупностью функционирования воображения, памяти и опыта и может быть представлен в виде изображения (на карте, в энциклопедии, в атласе) или в виде словесного описания.

Наличие визуального образа провоцирует на восприятие изображенных явлений в качестве документальных, хотя может и не иметь связи с физической реальностью. Х. Вельцер пишет: «Визуальная репрезентация прошедшего события субъективно более всего убеждает человека в том, что он вспоминает то, что было в самом деле и было именно так, как он видит это своим мысленным взором. Дело, однако, не в том, что это событие сначала отразилось у него на сетчатке и потом врезалось в память, а в том, что нейрональные системы переработки визуальных восприятий и образов, порожденных воображением, частично совпадают друг с другом, так что даже события, представляющие собой исключительно плод фантазии человека, могут “стоять у него пред глазами” и казаться живыми и объемными воспоминаниями» (Ис-

торическая память 2020: 18). Таким образом, границы образов воображаемых и документальных далеко не столь непроницаемы.

Одной из первых работ, где было рассмотрено взаимопроникновение географических образов, была «Легендарная топография Евангелий на Святой Земле» Мориса Хальбвакса, изданная в 1941 году. Хальбвакс приходит к выводу, что паломники не открывали для себя непосредственную физическую реальность Святой земли, а переносили свои коллективные представления в реальное пространство, отмечая равноценность различных описательных моделей: «Это не мешает каждой системе локализаций иметь полное доверие среди своих сторонников, сохраняясь во времени» (Halbwachs 1941: 188). Физическая реальность и ее воображаемый образ находятся в постоянном взаимодействии, корректируя и видоизменяя друг друга: «Они [крестоносцы] ни на минуту, кажется, не сомневались, что город откроется им таким, каким он был когда-то, стоит только избавится от неверных и стереть их нечестивые следы. Это объясняет эмоции, когда они приближаются к Иерусалиму, останавливаются и падают ниц. Последовательные осады, не оставившие камня на камне, перестройки, изменения направлений улиц, расположения и внешнего вида домов и кварталов… что знали они об этом? Наверное, очень мало. Говорят, когда они вошли в мечеть Омара, они полагали, что входят в древний храм Соломона» (Halbwachs 1941: 200).

Картография в Англии XVI в. развивается в двух направлениях. Как инструмент взаимодействия с физической реальностью (например, навигационные карты Генриха VIII) и как инструмент отображения воображаемых пространств (карта «Утопии» Томаса Мора). О многозначном функциональном назначении карт писали уже в XVI веке. Например, придворный картограф королевы Елизаветы Джон Ди отмечал: «Одни используют карты, чтобы украсить свои залы, палаты, комнаты и галереи или исследовать их в библиотеках, изучая отдаленные области, другим они нужны, чтобы охватить взором огромные турецкие владения, необъятную империю московитов или тот крохотный клочок земли, где

все еще процветает Христианский мир. А кто-то пользуется ими, чтобы узнать о путешествиях. Таким образом, одни — для одной цели, другие — для другой, оценивают, влюбляются в них, заполучают и используют географические и морские карты и земные глобусы» (Dee 1570: 25).

Однако границы воображаемого и документального предельно размыты, что, к примеру, замечательно показано в работе историка науки Амира Александра «Имперская риторика и математическая практика в Англии раннего Нового времени. Литературный подход к математике», где сопоставляются описательные стратегии первооткрывателей Северо-Западного пути. Во многих отчетах и в картах мореплавателей последней четверти XVI в. реальное пространство преобразуется сообразно воображаемым предустановкам. В конце отчета М. Фробишера (1576 и 1580 гг.) Д. Бест делает выводы относительно топографии Северной Америки: «…вся часть южной стороны пролива Фробишера представляет собой несколько островов и изрезанную землю и точно так же, я полагаю, и вся Северная сторона. Эти острова очень многочисленны и, кажется, являются Архипелагом» (Amir Alexander 1995: 17). На картах Беста «Архипелаг» представляет собой мысы и заливы вдоль побережья Баффиновой земли.

Джон Дэвис, возглавлявший три экспедиции в северный регион в 1580-х годах, в конце отчета пишет: «Без сомнения, северная часть Америки — это все острова, которые я лично мог наблюдать» (Amir Alexander, 1995: 19). Артур Барлоу и Филип Амадас используют схожие средства для описания побережья Вирджинии в 1584 году, что отображено, к примеру, на карте Д. Уайта «Прибытие англичан в Вирджинию» (1590 г.). Уолтер Рэли и Лоуренс Кеймис, исследуя побережье Гвианы в 1590-х годах открывают, что береговая линия изрезана бесчисленными реками, заливами и небольшими островами. Амир Александр объясняет идентичность описательных сюжетов, вводя понятие «стандартный нарратив исследования» (*standard narrative of exploration*) (Amir Alexander 1995: 21), обязательными чертами которого становится упоминание о сокровище, скрытом от путешественника непроходимыми горными цепями, бурными водами или

льдами, но есть и проход к нему, обнаружив который, путешественник счастливо доберется до цели. Утопичность данного сюжета бросается в глаза, и можно найти примеры подобного описания в английских утопиях, что лишний раз подчеркивает отсутствие устойчивых границ между документальным и воображаемым.

К концу века карты начинают осознаваться как мощный инструмент идеологического воздействия. Лица, владеющие определенной территорией, от мелких землевладельцев до королей, стремятся запечатлеть свои владения на карте. Ярким примером метафоризации королевского владения может служить портрет королевы Елизаветы, выполненный фламандцем Маркусом Герартсом Младшим в 1592 году (*The Ditchley portrait*). Елизавета изображена на части земного глобуса, где расположена Англия, на графстве Оксфорд. Сам остров воспроизведен по карте Англии и Уэльса К. Сакстона 1583 года. Картографическая метафора пространства в качестве объекта владения служит в данном случае наглядным атрибутом королевской власти.

Но помимо инструмента управления карты продолжают служить и инструментом детализации воображаемого. Примером может служить опубликованный на латыни травелог Джозефа Холла «Мир другой и все такой же» (1607). Главный герой со своими товарищами обсуждают заграничные путешествия. Один из них выражает к ним презрение, поскольку, по его мнению, лучше отправиться, по примеру Колумба, в дальние моря на поиск новых континентов и народов. В итоге друзья отправляются на поиски неведомой южной земли *Terra Australis Incognita* (Hall, 1908). Для нас важно, что каждая из описанных далее земель будет сопровождаться подробной картой, фиксирующей воображаемую реальность в качестве документальной.

В начале XVII в. развиваются и гибридные карты, в которых вымышленные элементы служат для того, чтобы более выразительно отобразить замысел автора. Примером может служить сочинение М. Драйдена «Поли-Ольбион», написанное в жанре, как отмечает сам автор, топографической поэмы (Drayton, 1607). Образы пространства и времени пе-

реплетены за счет персонификации природных объектов. Реки повествуют об исторических событиях, произошедших на их берегах, леса и горы превозносят образы Англию, ее природу и историю. На фронтисписе Великобритания изображена в виде девушки, драпированной в географическую карту Сакстона, в окружении «покорителей» Британии — Брута, Юлия Цезаря, Хенгиста и Вильгелма Завоевателя (Высокова 2020: 232). Уильям Холл изобразил регионы сообразно поэтическому видению М. Драйдена, согласно которому острова, реки, горы и леса предстают в человеческом образе.

В обращении к читателю Драйден пишет: «Для дальнейшего понимания моей поэмы у вас есть три особых подсказки. Во-первых, это аргумент, направляющий через деяния, воспетые музой Шира. Во-вторых, карта, живо очерчивающая горы, леса, реки и долины, изображенные в различных позах, демонстрирующих их любовь, восторги и естество». Третьим подспорьем Драйден называет иллюстрации, помогающие разобраться в трудных местах и «объясняющие трудные моменты истории» (Drayton, 1607).

Таким образом, карта к началу XVII века становится мощным идеологическим орудием, при этом далеко не всегда отображая документальные сведения о пространстве. Поэтическое видение, воспетое еще в текстах Ф. Сидни, позволяло зачастую пренебречь истинным положением дел, закладывая новые смыслы и политические аллюзии в образ островного государства, хотя в середине XVII в. все чаще раздавались голоса требующие бороться с вымыслом. Например, Томас Гоббс призывает ограничить возможность фантазии пределами реальности: «Поэт может выйти за пределы реальных произведений природы, но за пределы воображаемой возможности природы — никогда» (The Answer of Mr. Hobbes 1651: 57). Он пишет: «Поэт может выйти за пределы действительных произведений Природы; но за пределы задуманные возможностями Природы — никогда. Я могу позволить географу изобразить в море рыбу или корабль, длина которых, судя по масштабу его карты, будет двести или триста миль, и думать, что это сделано для украшения, потому что это делается вне рамок его предприятия; но когда

он изображает таким же образом слона, я тут же расцениваю это как невежество и простое признание *Terra incognita*» (The Answer of Mr. Hobbes 1651: 59).

БИБЛИОГРАФИЯ

Высокова В.В. Британия в поисках идентичности: «национальный проект» и «историческая революция» конца XVI – первой половины XVII века» / Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности. М., 2020. С. 214–239.

Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2020.

Alexander A. Imperialist Rhetoric and Mathematical Practice in Early Modern England: A Literary Approach to Mathematics / Doctoral dissertation. Stanford University, 1995.

Dee J. Mathematical Preface to Euclid's «Elements of Geometrie». London, 1570.

Drayton M. Poly-Olbion. London, 1612. — Электронный ресурс [режим доступа: https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A20847.0001.001?view=toc, дата обращения — 09.05.2022].

Halbwachs M. La topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte: étude de mémoire collective. Paris, 1941.

Hall J. Mundus alter et idem / Ed. H.J. Anderson. London, 1908. — Электронный ресурс [режим доступа: https://archive.org/details/mundusalteretid00andegoog/page/n91/mode/2up, дата обращения — 18.05.2022].

The Answer of Mr. Hobbes to Sr. Will. D'Avenant's Preface before Gondibert / Gondibert an heroick poem written by Sir William D'Avenant. London, 1651.

А.С. Щавелев

ЛЕС В НАРРАТИВЕ КИЕВСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ XI–XII ВЕКОВ

При изучении природно-географических локусов и топографических ориентиров в древнерусских текстах XI–XII вв. основное внимание обычно уделялось разнотипным *гидронимам*, которые занимали совершенно особое место в *топохроне* книжников Руси. Точно так же при изучении *образов пространства*, *ландшафта* и *пейзажей* в древнерусской литературе *леса* чаще всего находились на периферии внимания исследователей (Ужанков 1995; Данилевский 2019: 287–356). Причем, парадоксальным образом исследователи всегда больше уделяли внимания *деревьям*, их образности и символике, и меньше собственно *лесам* (Елеонская 1995). Между тем, *тема леса* исключительна важна для средневековой литературы (Harrison 1992; Classen 2017).

В древнерусском пространственном мышлении идея *карты*, хоть графической, хоть воображаемой, как проекции непрерывного пространства, не сформировалось, поэтому оно оставалось сугубо *маршрутным*. Поскольку основные *пути* пролегали *по рекам и другим водным пространствам*, то и пространство летописи становилось преимущественно *маршрутно-гидронимическим*. В нем атомарные ареалы обитаемой территории (чаще всего — город и прилегающие поселения) были соединены в некую «молекулу» *освоенного пространства* речными и — реже — сухопутными путями. Идентичность общностей, населявших политию Рюриковичей, чаще всего формировалась на основе привязки коллектива к реке или озеру. Леса и лесные массивы были для древнерусского интеллектуала как бы *анти-пространством*, в лучшем случае, *пространством потенциального обитания*.

Они не были охвачены поселенческими системами и не представляли собой территорию, удобную для перемещения между обжитыми анклавами. Однако роль леса как источника ресурсов была крайне важна для всех архаических общностей Восточно-Европейской равнины вплоть до финала Нового времени (Милов 1998; Истомина 2018), поэтому исключить леса из своей оптики взгляда на мир древнерусские писатели не могли. Особую роль лесов в жизни народов Восточно-Европейской равнины хорошо показывает богатство средств обозначения разных их разновидностей в славянских языках (Толстой 2006: 22–143). Для их обозначения в древнерусской литературе XI–XII вв. использовались лексемы *лѣсъ* (и несколько производных диминутивов), *боръ* (изначальное значение — *сосна*, *resp*. *pinus*), *дебрь* (основное древнерусское значение — *ложбина, долина, овраг*, но обычно имелись в виду поросшие лесом низменности, отсюда появились и вторичное совр. *дебри resp*. густые *заросли*).

Летописание города Киева велось практически непрерывно с середины XI по конец XII в. в Печерском и Выдубицком монастырях, а также, возможно, еще в каких-то местных интеллектуальных центрах. Два ключевых памятника киевской летописной традиции — это «Повесть временных лет» 1113–1117 гг. и продолжающая ее «Киевская летопись» («Киевский свод») 1198 года.

Главный лес «Повести временных лет» — *Оковьскии* (Алексеев 2006: 42–51; Жуковская 2008), причем, в тексте указана его локализация: «…Рѣка Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣса и потечеть на полъдне а Двина ис тогоже лѣса потече… ис тогоже лѣса потече Волга на Востокъ» (ПСРЛ. Т. I: 7; Т. II: 6). Территория Оковского леса была ключевой для системы путей сообщения Руси — здесь сходились Волжская, Западно-Двинская и Днепровско-Волховская водные магистрали. Именно в этом лесном массиве располагались ключевые волоки, соединявшие разные речные системы. Территория Оковского леса была и физико-географическим, и логистическим центром Руси. Оковский лес в воображаемой географии древнерусского книжника функционально аналогичен знаменитому *пограничному ме-*

жду мирами лесу древнегерманской мифологии *Мюрквид* (др.-сканд. *Myrkviðr*) (Eggers 2002). В «Киевской летописи» в качестве топографических ориентиров приведено еще несколько названий менее значимых лесов — *Болдыжь*, *Шелвовъ, Чертовъ*, *Голоубои*, *Черныи* (Киевская летопись 2017: 99, 191, 203, 337, 375, 513).

Природные явления (Пузанов 2018), связанные с лесами, в киевском летописании практически не фиксировались, за единственным ярким исключением в виде сообщения о *лесных пожарах:* «В се лѣто ведро бяше яко изгараше земля и мнози борове възгарахуся сами и болота» (ПСРЛ. Т. I: 215; Т. II: 206). Новгородская первая летопись младшего извода содержит гораздо более позднее, но аналогичное по драматизму известие: «Тои же осени вода бысть мала велми и земля и лѣсы горяху и дым многъ велми, иногда друга не видѣти, и с того дыма мряху рыбы и птици, а рыба дымомъ воняше и по два года» (ПСРЛ. Т. III: 416).

Чаще всего окказиональные упоминания леса связаны с их использованием в тексте в качестве *топографических элементов описаний логистики перемещения войск и хода сражений* (ПСРЛ. Т. I: 262; Т. II: 236; Киевская летопись. 2017: 93, 203, 223, 225, 345, 357, 375, 555, 563). Использование леса в различных стратагемах и в спонтанных тактических действиях командиров вполне типично для войн всех времен и народов.

В знаменитом описании карательной экспедиции Яня Вышатича против волхвов-кудесников и их сторонников он преследует повстанцев, скрывшихся в лесу. В лесу его противникам удается убить попа, сопровождавшего отряд Яня (ПСРЛ. Т. I: 176; Т. II: 165–166). Только местные жители города Белоозера («бѣлозерци»), которых Янь стал шантажировать, смогли найти в лесу двух волхвов и привести их к нему на расправу. Здесь показательно, что в чужом лесу даже такой опытный рейнджер, как Янь Вышатич, ничего не смог сделать с местными партизанами.

Особо следует обратить внимание на метафору «войско половцев = бор», то есть «войско номадов = лес из сосен» в финальных статьях «Повести временных лет»: «И поидоша

полкове [*вар*. полци половецьстии] аки борове и не бѣ презрѣти ихъ и русь поидоша противу имъ…» (ПСРЛ. Т. I: 278; Т. II: 254) и «паки иноплеменници собраша полки своя многое множество и выступиша яко борове велиции и тмами тмы» (ПСРЛ. Т. II: 267). Древнерусская метафора «войско как хвойный лес» находит поразительную параллель в пьесе Шекспира «Макбет», где в пророчестве главного героя тана Макбета ждет поражение и смерть, если *Бирнамский лес* (знаменитый старинный лес в Шотландии — *Birnam Wood*) пойдет войной на *Дунсинанский холм* (*Dunsinane Hill*) (см. о литературно-драматургических функциях леса в шекспировских пьесах: Barton 2016). Мотив двигающегося и воюющего против людей леса восходит к древним кельтским разножанровым нарративам (Savatier-Lahondés 2017). Этот кельтский мотив прочно укоренился в английской литературной традиции. С одной стороны, литературный образ «войско как лес» мог возникнуть у кельтских и древнерусских книжников независимо друг от друга, но с другой, совершенно не исключено, что это — еще один ранее не замеченный *редкий пример влияния английской литературы на древнерусскую* (о других случаях возможного влияния англосаксонской литературы на древнерусскую см.: Гимон 2012: 20–21).

Ключевой ассоциативно-символической функцией упоминаний лесов в нарративе киевского летописания является маркировка некой территории или общности на данной территории в качестве *дикой*, *не вполне цивилизованной* и *находящейся вне границ освоенного культурного пространства*. В лесах обитают исконные враги культурных *полян — древляне*, которые и называются так «зане сѣдоша в лѣсѣхъ» (ПСРЛ. Т. I: 6; Т. II: 5). Кроме древлян в лесах живут («живяху въ лѣсѣ яко же всякыи звѣрь») и другие «дикие» славянские народы — радимичи, вятичи и северяне («северъ») (ПСРЛ. Т. I: 13; Т. II: 10). Лидеры полян Кий с братьями и сестрой строят город Киев на горе, окруженной лесами: «и бяше около града лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяща звѣрь» (ПСРЛ. Т. I: 9; Т. II: 7). В лесах около Киева происходила охота новой элиты руси в X в. (ПСРЛ. Т. I: 9, 74; Т. II: 7, 62). Характерно, что хазары в поисках дани находят народ полян «сѣдящая на горахъ сихъ в

лѣсѣхъ». Вернувшись к своим «князю» и «старейшинам», они подчеркивают, что нашли народ полян «в лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрьскую» (ПСРЛ. Т. I: 17; Т. II: 12). Иными словами, с точки зрения хазар поляне являются «дикими» лесными жителями, следовательно, они могут быть общностью, пригодной для рэкета. Но в этом и заключается их фатальная ошибка, поскольку поляне обладают вполне современным оружием — обоюдоострыми мечами. Они уже не живут в пространстве «дикого» леса, а создали свой город Киев на горе, выйдя на новый уровень цивилизации. В Киевской летописи аналогичным образом указывается, что «дикие» вятичи живут «за лесом», а «дикий» народ литва обитает в лесах (Киевская летопись. 2017: 101, 317).

В «Повести временных лет» основатели Печерского монастыря Илларион и Антоний Великий уходят от не радующей их коррумпированной окружающей действительности *в леса*. Пресвитер, в будущем — митрополит Руси, Илларион ушел в «лѣсъ великъ», он совершал там в уединении молитвы и выкопал себе «пещерку». Следующий обитатель этой пещерки Антоний, сначала, не найдя подходящего монастыря в Киеве и окрестностях, «поча ходити по дебремь и по горамъ» (*resp*. фольк. «по горам по долам»). Он в итоге нашел пустую пещерку Иллариона и стал там жить (ПСРЛ. Т. I: 156; Т. II: 145).

Таким образом, упоминания леса в двух ключевых памятниках «Повести временных лет» и «Киевской летописи», не просто являются ситуативно использованными географическими маркерами, а задают определенные смысловые коннотации, без расшифровки которых многие нюансы летописных сюжетов остаются не до конца понятными. Причем, у поколений киевских летописцев со второй половины XI до конца XII в. были одинаковые ассоциации, связанные с *темой леса*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. М., 2006. Кн. 1.

Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.

Данилевский И.Н. Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. СПб., 2019.

Елеонская А.С. «Древесные образы» в произведениях древнерусской литературы // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995. С. 4–18.

Жуковская Л.П. Волоковский лес на пути из варяг в греки // Записки отдела рукописей РГБ. М., 2008. Вып. 53. С. 556–561.

Истомина Э.Г. Леса России: Экологическая и социоэкономическая история (XVIII – начало XX в.). М., 2018.

Киевская летопись / Изд. подг. И. С. Юрьева. М., 2017.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2008.

Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I: Лаврентьевская летопись.

Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. II: Ипатьевская летопись.

Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. III: Новгородская первая летопись Старшего и Младшего и изводов.

Пузанов Д.В. Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи в IX–XIII вв. СПб., 2018.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 2006.

Ужанков А.Н. Эволюция пейзажа в русской литературе XI – первой трети XVIII в. // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995. С. 19–88.

Barton A. The Shakespearean Forest. Cambridge, 2017.

Classen A. The Forest in Medieval German Literature: Ecocritical Readings from a Historical Perspective. Maryland, 2015.

Eggers M. Myrkviðr // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd. XX / Hg. H. Beck, D. Geuenich, H. Steuer. Berlin; New York, 2002. S. 460–462.

Harrison R.P. Forests the Shadow of Civalization. Chicago; London, 1993.

Savatier-Lahondés C. The Walking Forest Motif in Shakespeare's *Macbeth*: Origins // Notes & Queries. 2017. № 64 (2). P. 287–292.

Л.И. Щеголева

«ГДЕ-ТО»

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНИЯ КАК МЕСТО ДЕЙСТВИЯ В ПЬЕСЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕГ»

В докладе рассматриваются первые два «сна» пьесы «Бег», действие которых происходит на территории Таврической губернии во время заключительного периода Гражданской войны в России. Используется текст в редакциях 1926 и 1937 годов. Приводятся наблюдения над авторскими методами репрезентации пространства. Для сравнения привлекаются переводы пьесы на английский язык.

Одной из интереснейших особенностей творческого метода М.А. Булгакова является «игра с пространством», которая подразумевает преобразование реального пространства в фантастическое с помощью ряда художественных приемов (Петровский 2008: 324). В научной литературе отмечаются такие приемы, как создание «дополнительных неэвклидовых измерений» и «топографических псевдонимов» (Петровский 2008: 324, 328), переименование реальных названий (Петровский 2008: 328; Яблоков 2001: 193), «виртуальность», «миражность» и обманчивость локусов (Яблоков 2001: 258; Богданова, Оляндер 2020: 116–117), пересечение и взаимопроникновение хронотопов (Яблоков 2001: 189; Казьмина 2019: 106, 108). Применение этих и подобных приемов создает эффект двойственности: хорошо узнаваемые места помещаются в произведениях писателя в обманчивое, иллюзорное пространство, существующее на грани между сном и реальностью или же за гранью реальности (Химич 1995: 97, 121; Иванова, Попова 2014: 248; Казьмина 2019: 104; Яблоков 2021: 434).

В пьесе «Бег» упоминается множество географических названий, указывается точное время действия, в характерах персонажей узнаются реальные прототипы (Виленский и др. 1995: 98–113; Матвеенко 2015: 168–172). Согласно широко известным воспоминаниям Л.Е. Белозерской-Булгаковой, во время работы над пьесой писатель сверялся с географическими картами: «…на одной из карт были изображены все военные передвижения красных и белых войск и показаны, как это и полагается на военных картах, мельчайшие населенные пункты. Карту мы раскладывали и, сверяя ее с текстом книги, прочерчивали путь наступления красных и отступления белых, поэтому в пьесе так много подлинных названий, связанных с историческими боями и передвижениями войск: Перекоп, Сиваш, Чонгар, Курчулан, Алманайка, Бабий Гай, Арабатская стрелка, Таганаш, Юшунь, Керман-Кемальчи...» (Белозерская-Булгакова 1989: 175). Жена писателя перечисляет топонимы, упоминающиеся в первом и втором «снах». Свидетельство очевидца не оставляет сомнения в их достоверности (ср. Кашлюк 2019: 176). Тем не менее, художественное пространство пьесы невозможно точно совместить с какой-либо реальной местностью (ср. Петровский 2008: 324). На карте Таврической губернии можно найти лишь половину из десяти перечисленных названий: Перекоп, Сиваш, Чонгар, Таганаш (Тоганаш, Тагонаш) и Юшунь (Ишунь, Уйшунь). Два топонима: «Керман-Кемальчи» (Булгаков 1997: 243) и «Арбатская Стрела» (Булгаков 1997: 229, 245, 386) у Булгакова переданы с искажениями. В действительности им соответствуют Курман-Кемельчи́ — станция в Перекопском уезде, ныне пгт Красногвардейское в степном Крыму (Матвеенко 2015: 168; Кашлюк 2019: 173) и Арабатская Стрелка. К ним нужно добавить также искаженный топоним «Амур-Могила» из первого «сна» (Булгаков 1997: 229), которому на карте соответствует Саур-Могила (курган в Таганрогском округе Области Войска Донского). Бабий Гай — реальное название лесной сторожки, которая, впрочем, находилась не в Таврической, а в Киевской губернии, в 12 верстах от Житомира. Название «Курчулан», скорее всего, вымыш-

ленное. Топоним «Алманайка» (название речки?) на карте обнаружить не удалось.

В авторских ремарках к первому «сну» в качестве места действия указана монастырская церковь «где-то в Северной Таврии» (Булгаков 1997: 220), ко второму — «неизвестная и большая» станция «где-то в Крыму» (Булгаков 1997: 219, 233), в редакции 1937 г. — «где-то в северной части Крыма» (Булгаков 1997: 387). Безымянный монастырь легко отождествляется со своим реальным прототипом: Корсунским мужским монастырем на левом берегу Днепра, местом ожесточенных боев летом и осенью 1920 г. (Виленский и др. 1995: 100–101). Станция, названная «неизвестной», — также «секрет Полишинеля» (Матвеенко 2015: 169). Ее реальный прототип — узловая железнодорожная станция Джанкой (Виленский и др. 1995: 98). По сюжету пьесы, вблизи монастыря находится поселок с вымышленным названием «Курчулан»: оттуда в монастырь «приполз» генерал Чарнота, спасаясь от внезапного нападения красных. Рассказ Чарноты о событиях в «Курчулане» основан на воспоминаниях бывшего белогвардейского прокурора И.М. Калинина о налете красной конницы на селение Большой Токмак в ночь с 15 на 16 октября 1920 г. (Калинин 2012: 241–254). Прообраз литературного «Курчулана» — Большой Токмак — находится на расстоянии около 250 км от Корсунского монастыря, так что «приползти» или добежать до монастыря оттуда возможно только во сне. Авторские приемы «игры с пространством» — искажение топонимов, сжатие расстояний, замена настоящих названий вымышленными, упоминания известных мест как «неизвестных» или безымянных создают ощущение нереальности. Хорошо известные локусы Таврической губернии — монастырь, поселок, станция в пьесе «неравны себе». Излишне искать их на карте: они находятся в ином пространстве — «где-то».

Особенности репрезентации пространства в пьесе Булгакова хорошо видны в сравнении с английскими переводами «Бега», в которых утрачены некоторые важные коннотации (все переводы выполнены по редакции 1937 г.). Приведем два примера. «Северная Таврия» как место действия первого

«сна» (Булгаков 1997: 378) в переводе Мирры Гинзбург превратилась в «Южную Россию» — *Southern Russia* (Ginsburg 1969: 15). Так и в переводе Майкла Гленни (Glenny 1991: 151). В переводе Карла и Эллендеи Проффер корректно — *Northern Tavria* (Proffer 1972: 166). В инсценировке «Бега» Говарда Колиэра для лондонского Театра Брокли Джека место действия предельно конкретизировано: «Курчулан в Южной Украине» — *Kurchulan, Southern Ukraine* (Colyer 2012: 1). По замыслу режиссера, перед началом пьесы на сцену выходит рассказчик, который сообщает зрителям, что сейчас они увидят «город Курчулан в Южной Украине в 1920 году» (Flight 2014). Топоним «Северная Таврия» коррелирует с репликой Барабанчиковой в том же «сне»: «Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна!» (Булгаков 1997: 383). Судя по переводным эквивалентам, никто из переводчиков этого не заметил: *it's Tauria, a treacherous land!* (Ginsburg 1969: 23); *this is the Ukraine and funny things can happen* (Glenny 1991: 157); *it's the Crimea, a perfidious land!* (Proffer 1972: 172); *it's the Crimea — a different world* (Colyer 2012: 15). Как можно видеть, на месте «Таврии» появляются также «Украина» и «Крым», в результате чего на месте пары «Северная Таврия — Таврия» в переводах возникают следующие сочетания: «Южная Россия — Таврия»; «Южная Россия — Украина»; «Северная Таврия — Крым»; «Южная Украина — Крым».

Место действия второго «сна» — «зал на неизвестной и большой станции где-то в северной части Крыма» (Булгаков 1997: 387); в дословном переводе К. и Э. Проффер: *the waiting room hall of an unknown and large railroad station somewhere in northern part of the Crimea* (Proffer 1972: 177). В остальных переводах заметно стремление переводчиков по возможности избавиться от неопределенности. С этой целью М. Гинзбург и М. Гленни опускают слова «неизвестной» и «части»: *a waiting room in a large railway station somewhere in northern Crimea* (Ginsburg 1969: 30), *the waiting-room of a large railway station somewhere in the Northern Crimea* (Glenny 1991: 164), а Г. Колиэр, кроме этого — еще слова «зал» и «где-то»: *a railway station in the north of the Crimea* (Colyer 2012: 23). Между тем, как было показано выше, неопределенность играет смысло-

образующую роль в репрезентации пространства в пьесе «Бег».

БИБЛИОГРАФИЯ

Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания, М., 1989.

Богданова О.В., Оляндэр Л.К. Сон в структуре пьесы М. Булгакова «Бег» // Acta Eruditorum. 2020. Вып. 34. С. 113–119.

Булгаков М.А. Собрание сочинений в 10 тт. М., 1997. Т. 5.

Виленский Ю.Г., Навроцкий В.В., Шалюгин Г.А. Михаил Булгаков и Крым. Симферополь, 1995.

Иванова Е.С., Попова И.М. Организация и сюжетно-фабульная структура снов в пьесе «Бег» М. А. Булгакова // Вопросы современной науки и практики. 2014. № 1. С. 243–249.

Казьмина О.А. Крымский текст в пьесе Михаила Булгакова «Бег» // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 2 (2). С. 103–110.

Калинин И.М. Под знаменем Врангеля: заметки бывшего военного прокурора. М., 2012.

Кашлюк Е.А. Крымские топонимы в пьесе М. Булгакова «Бег» // Перекоп — ворота в Крым: Материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Армянск, 15–16 ноября 2018 г.). Армянск, 2019. С. 169–178.

Матвеенко В.А. Крымские сны Михаила Булгакова: о некоторых аспектах пьесы «Бег» // Крымский архив. 2015. № 2 (17). С. 154–180.

Петровский М.С. Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова. СПб., 2008

Химич В.В. «Странный реализм» М. Булгакова. Екатеринбург, 1995.

Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001.

Яблоков Е.А. Бег ползком (Тараканья тема в русской литературе девятнадцатого – начала двадцатого века и в творчестве Михаила Булгакова) // Porównania. 2021. 1 (28). С. 421–442.

[*Colyer H.*] M. Bulgakov. Flight / Adapted by H. Colyer. [Durham], NC, 2012.

Flight, Brockley Jack Studio Theatre. Review. 2014. — Электронный ресурс [режим доступа: https://everything-theatre.co.uk/2014/01/flight-brockley-jack-studio-theatre-review.html, дата обращения — 09.07.2022].

[*Ginsburg M.*] Flight: a Play in Eight Dreams & Four Acts by M. Bulgakov / Trans. and with an introd. by M. Ginsburg. New York, 1969.

[*Glenny M.*] M. Bulgakov. Six Plays / Trans. by M. Glenny. London, 1991.

[*Proffer C., Proffer E.*] The Early Plays of Mikhail Bulgakov / Ed. by E. Proffer, trans. by C.R. Proffer and E. Proffer. Bloomington; London, [IN], 1972.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева Мария Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент Кафедры географии, регионоведения и туризма Института естественных и социально-экономических наук Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск)

Бочковская Анна Викторовна — кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Веселкова Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент Кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Граматчикова Наталья Борисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории литературы Института истории и археологии Уральского отделения РАН, доцент Кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Джаксон Татьяна Николаевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН (Москва)

Жирнова Лидия Сергеевна — научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ (Москва)

Замятин Дмитрий Николаевич — доктор культурологии, главный научный сотрудник Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского Факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ (Москва)

Иванов Константин Владимирович — кандидат физико-математических наук, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Москва)

Калинина Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН (Москва)

Калуцков Владимир Николаевич — доктор географических наук, профессор Кафедры региональных исследований Факультета

иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Киктева Мария Максимовна — старший преподаватель Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (Москва)

Козлов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, руководитель Лаборатории исторической географии и регионалистики (ЛИГР) Тюменского государственного университета (Тюмень)

Коновалова Ирина Геннадиевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва)

Конюшихина Надежда Львовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва)

Курышева Марина Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва)

Люсый Александр Павлович — доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор Кафедры теории и истории культуры Института кино и телевидения (ГИТР) (Москва)

Мельникова Елена Александровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН (Москва)

Митин Иван Игоревич — кандидат географических наук, доцент Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского Факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ (Москва)

Мишин Дмитрий Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

Морозова Милена Максимовна — преподаватель Факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Окунева Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доктор Университета Париж-Сорбонна, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

Подосинов Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, зав. Кафедрой древних языков Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН (Москва)

Прокофьева Ирина Тенгизовна — кандидат филологических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ (Москва)

Сидорова Светлана Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН (Москва)

Симонова-Гудзенко Екатерина Кирилловна — доктор исторических наук, профессор, зав. Кафедрой истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Смирнов Николай Александрович — художник, куратор современного искусства, независимый исследователь (Москва)

Фролов Алексей Анатольевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва)

Худин Кирилл Станиславович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Кафедры истории России Средневековья и Нового времени Российского государственного университета, младший научный сотрудник Отдела специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва)

Шпак Георгий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва), старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), старший преподаватель Кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Щавелев Алексей Сергеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН (Москва)

Щеголева Людмила Игоревна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва)